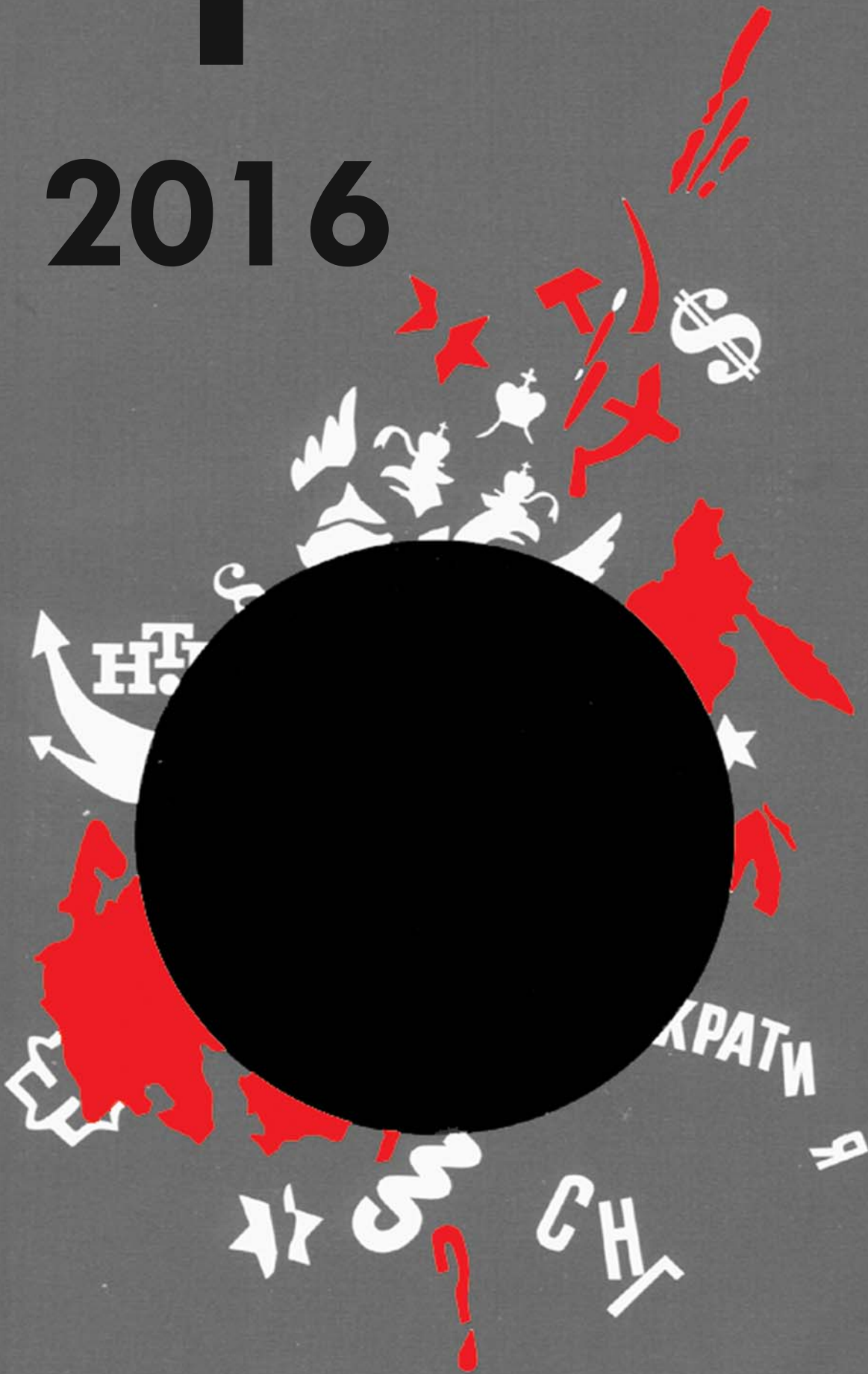

1

2016

РОССИЯ XXI

1.2016 январь-февраль

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Язык элитной ответственности _____ **6**

Грани катастрофы

Андрей Ранчин

Апокалипсис нашего времени /
Apocalypse Now.
Предварительные итоги реформ
российского образования _____ **32**

Страницы истории

Владимир Дегоев

Дипломатия Петра I на заключительном
этапе русско-турецкой войны
1686–1700 годов. Часть I _____ **54**

Ярлыки и мифы

Дмитрий Маслов

Замысел горбачевской «перестройки».
Попытки реконструкции _____ **88**

Ресурсы нации

Евгения Лупанова

Политика Екатерины II в сфере
лесного хозяйства. Упразднение
контроля ради частного
интереса? _____ **116**

Актуальный архив

Елена Мяжкова

«Бесы», «игроки» и «мечтатели»,
или как человек становится
революционером. Часть I _____ **148**

Андрей Юрганов

А.К.Воронский в литературном
и политическом процессе (середина
20-х — начало 30-х гг. XX в.) __ **170**

Contents in English look at the page 200

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

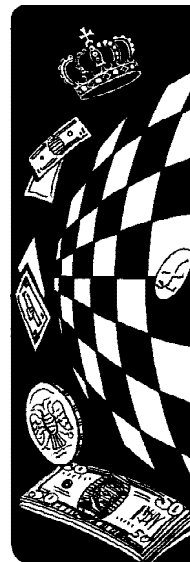
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

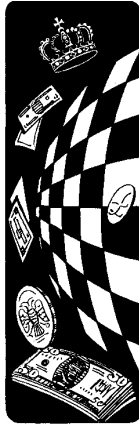
Несомненно всегда, во всякую эпоху, истинное и верное тесно перемешано и связано со схемами и построениями нашего разума. Научное мировоззрение не дает нам картины мира в действительном его состоянии. Оно не выражается только в непреложных “законах Природы”, оно не заключается целиком в точно определенных фактах или констатированных явлениях. Научное мировоззрение не есть картина Космоса, которая раскрывается в своих вечных и незыблемых чертах перед изучающим ее, независимым от Космоса, человеческим разумом.

В.И.Вернадский

Мелкие, незаметные явления, процессы, происходящие на каждом шагу и нами не чувствуемые по своей незначительности, накапливаясь во времени, производят самые грандиозные перевороты и изменения.

В.И.Вернадский

Сергей Кургинян

ЯЗЫК ЭЛИТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

УДК
316.344.42
94(47)"1930–1970"

Один из важнейших факторов, позволяющих не допустить распада России, – осознание причин гибели СССР. В российском обществе нарастает понимание того, что крах СССР был губителен. Но на вопрос о том, почему СССР рухнул, пока даются наивные ответы. Статья посвящена не только современной общественно-политической ситуации и перспективам Российской Федерации, но и будущему той аналитики, которая на сегодняшний день может рассматриваться как аналитика элитных игр, как новый способ рефлексии, позволяющий эффективно воссоздавать многомерные модели прошлого, настоящего и будущего. Основным сюжетом статьи является история отношений внутри советской и международной элиты 30-х – 70-х гг. прошлого столетия. История элит и кланов требует не столько научного подхода, предполагающего субъект-объектные отношения, сколько интерпретации, особого рода герменевтики.

Understanding of the USSR collapse reasons is one of the most important factors that prevent disintegration of Russia. The comprehension of the fact that collapse of the USSR was disastrous is growing in the Russian society. However answers provided to the question why USSR collapsed are still naive. The article is devoted not only to the current social and political situation and prospects of the Russian Federation but to the future of the analytics which nowadays can be considered as the analytics of elite games, as a new way of reflection which allows reconstruct multidimensional models of the past, the present and the future. The main subject matter of the article is the history of relations within the Soviet and the international elite of the 1930s-1970s. History of elites and clans requires not just a scientific approach which presupposes relations of agents and subjects but requires interpretation, a peculiar hermeneutics.

Ключевые слова: СССР; современная Россия; наука; аналитика элитных игр; язык элитной ответственности; интерпретация.

Key words: the USSR; contemporary Russia; science; analytics of elite games; language of elite responsibility; interpretation.

E-mail: ecc@ecc.ru

Политическая полемика

Сегодня политическая полемика ведется, в основном, по вопросу о том, какова Россия. Достаточно ли она патриотична для патриотов, демократична для демократов, социалистична для социалистов, рыночна

для рыночников и так далее. Но на самом-то деле сегодня первостепенное значение имеет не это. А то, выстоит Россия или нет в течение ближайших 10–15 лет. Нам нужна такая Россия, которая выстоит. Если Россия в существующем ее состоянии выстоять не может, то ее надо менять. Но менять ее надо лишь в той мере, в какой это нужно для того, чтобы выстоять. Понимая, что при любых резких политических телодвижениях Россия рухнет. На прямой вопрос, восхищаюсь я или нет тем состоянием, в котором пребывает Россия, отвечаю прямо: «Ни в коей мере не восхищаюсь». Более того, я давал и даю крайне негативную оценку тому состоянию, в котором пребывает Россия. Ну и что с того? Для того чтобы бороться за то, чтобы Россия выстояла, совершенно не нужно восхищаться тем состоянием, в котором она находится.

Россия – это сверхсложная динамическая система, такой живой механизм, меняющий свои свойства. Пойдут процессы в России в одном направлении – она станет сильнее, пойдут в другом – слабее. Один из важнейших факторов, позволяющих не допустить распада России, – осознание причин гибели СССР.

В российском обществе нарастает понимание того, что крах СССР был губителен. Но на вопрос о том, почему СССР рухнул, пока даются наивные ответы. Враги Советского Союза, чаще всего определенным образом относящиеся и к постсоветской России, говорят, что Советский Союз был нежизнеспособен, что он был царством идиотского «совка», антисистемой и потому-де рухнул. То есть он якобы рухнул в силу своих собственных несовершенств, полностью задаваемых «совковой», как они говорят, идеологией и всем, что из нее вытекало.

Но почему тогда не рухнул Китай? Или Вьетнам? Или Куба? Или, беру крайний случай (тут речь идет только о том, обрушилась или нет), Северная Корея. Те, кто настаивают на идеологической обусловленности краха СССР, уходят от прямого ответа на этот вопрос.

Большинство интеллектуалов, настроенных просоветски, отвечает ничуть не более убедительно. Ответ сводится к тому, что в крахе СССР виновны злые силы мирового империализма и наша пятая колонна. В любой стране, опирающейся на идеологию, альтернативную западному капитализму, есть пятая колонна. И злые силы империализма, то есть западного

капитализма, по отношению к любой такой стране чинят козни. Но перечисленные мною выше страны, ориентирующиеся на некапиталистическую идеологию, не рухнули в результате козней западного империализма и их собственной пятой колонны. А СССР рухнул.

Любители крайней простоты говорят, что во всем виноват Горбачев и кучка его сподвижников: Яковлев, Ельцин и другие. Но почему же на XXVIII съезде КПСС, на съездах народных депутатов СССР Горбачев не был отстранен? Почему партийная и советская номенклатура, видя, что делает Горбачев, фактически его поддерживала? Когда задаешь этот вопрос, то те просоветские интеллектуалы и общественные деятели, которые не склонны просто отмахиваться от неудобных вопросов, начинают рассуждать о губительных последствиях хрущевской политики и XX съезда КПСС.

Но Хрущев входил в команду Сталина, в его ближайшее окружение, которое начало разоблачать культ личности Сталина фактически сразу же после смерти вождя. Это было поддержано сталинской элитой: военной, партийной, хозяйственной. Не было бы этой поддержки, Хрущев на XX съезде был бы не возвеличен, а снят с должности, исключен из партии и посажен в тюрьму. Это она, советская, номенклатурная, партийная и прочая элита, сначала дала процессам то направление, которое называют хрущевским, затем усугубила положение дел невнятным брежневизмом, а затем сыграла в определенную игру, завершившуюся развалом СССР и прочими всем известными злоключениями, губительными для простого народа и вполне лакомыми для элиты.

Когда мне говорят, что представители данной элиты давно ушли в небытие и поэтому не стоит ворошить прошлое, я отвечаю: «Люди приходят и уходят, а элитные кланы остаются и продолжают влиять на происходящее».

Герменевтика элитных процессов

Хорошо понимая, что такое профессиональный историк, я представляю себе не только плюсы, но и минусы этой профессии. В том числе и ее специфические ограничения. Историк не публицист. Написав, наверное, уже не сотни, а тысячи статей, я имею право считать себя публицистом. Но именно в силу этого хорошо понимаю, в чем разница между историком и публицистом. Историк по-настоящему становится историком тогда, когда он работает в архивах. И тут возникает вопрос – в каких архивах?

Определенной исторической проблематикой я стал заниматься тогда, когда разваливался Советский Союз, и когда в постсоветскую эпоху надо было не допустить распада Российской Федерации, в том числе разрывания ее на части некими элитными кланами, имеющими советский генезис. Наговорено было много глупостей по поводу того, как именно я тогда влиял на те или иные решения. Но все сплетничающие по этому поводу знают, что я на них действительно влиял. И влиял я с тем, чтобы не допустить а) распада СССР, б) распада в постсоветский период дышащей на ладан Российской Федерации.

Для этого надо было что-то понимать относительно природы сил, работающих на распад. Внимательно приглядываясь вместе со своими соратниками к происходившему у нас на глазах, борясь с распадом, то есть участвуя в процессах, снискав уважение очень компетентных и влиятельных людей, удостоивших меня подробными доверительными беседами, создав определенную аналитическую методологию и даже дозированно снабдив ее специфическим математическим аппаратом, основанным на теории интерпретаций, я достаточно рано убедился в том, в чем сейчас, наверное, убеждены многие. В наличии непрозрачных элитных игр, которые в условиях относительного остывания исторического процесса оказывают не мощное, а мощнейшее влияние на всевозможные тренды: как национальные, так и глобальные.

Нельзя сказать, что только эти игры определяют данные тренды. Их определяют общественные устроения, национальные и конфессиональные перегретости, экономические процессы, социальные процессы, политические процессы и многое другое. Когда вы все сводите к непрозрачным элитным играм, вы превращаетесь в конспиролога. В пределе – в специалиста по некоей теории заговора. Но если бросаться из крайности в крайность и вообще игнорировать непрозрачные клановые элитные игры, можно тоже попасть в глупое положение, сделать неверные выводы о процессе и завести в тупик себя и других.

Как же на самом деле все обстоит? В своей предыдущей профессии я занимался теорией интерпретации неких данных, не политических, а иных. Причем не просто интерпретацией данных, а именно их интерпретацией на основе решения так называемых обратных задач. Наблюдаешь данные на поверхности и хочешь преобразовать их так, чтобы выявить порождающий их глубинный источник. Обратные задачи относятся к числу так называемых некорректно поставленных задач. Занимаясь решением некорректно поставленных задач, я впервые столкнулся с проблемой интерпретации как таковой. Проблемы интерпретации не тех или иных данных, а интерпретации вообще.

Решение любой некорректно поставленной обратной задачи является частным случаем интерпретации получаемой информации. С такой задачей сталкиваются необязательно в точных науках. С такой задачей сталкивается, например, профессионал, который расследует убийство по следам этого убийства. Или филолог, который хочет правильно прочитать текст, наполненный иносказаниями. Или криптолог, расшифровывающий секретное послание. Все это вместе называется герменевтикой.

Герменевтика элитных процессов не имеет ничего общего с конспирологией. Игры элитных кланов не могут быть описаны на научном языке по определению. Игра – это то, что не находится в сфере настоящей научности. Потому что ученый считает себя субъектом, а то, что он исследует, – объектом. Это называется субъект-объектные отношения. Объект не знает, что его исследуют.

При субъект-субъектных отношениях все намного сложнее. В психологии, например, предпринимаются колоссальные изошренные усилия для того, чтобы исследуемый человек не понимал, как именно его исследуют и не мог отыграть, то есть сфальсифицировать исходящую от него информацию сообразно своим интересам с тем, чтобы исследователь получил неправильный, но устраивающий исследуемого, результат. Если, например, пациент, болеющий психиатрическим заболеванием, знает, как именно его тестирует психиатр, и не хочет попасть в больницу, то он может подделать реакции.

Все усилия психиатрии, а также психологии и всего того, что используется для научного исследования человека, направлены на то, чтобы исследуемый человек, который в принципе способен догадаться, не догадался о характере процедуры, то есть не перестал быть объектом. А если он догадывается и может выдать неправильные данные сообразно своим целям, то он уже не объект. Он субъект. И отношения между ним и психиатром или психологом носят субъект-субъектный, в принципе уже ненаучный, характер.

Играми двух субъектов, дезинформирующих друг друга, наука как таковая не занимается. Этим занимается дисциплина, именуемая «аналитикой игр» или «аналитикой субъект-субъектных взаимодействий». Такая аналитика – это интеллектуальная дисциплина, но, повторяю, не вполне наука, коль скоро наукой мы называем все то, что связано с исследованием именно субъект-объектных отношений.

Любая разведывательная операция, любая крупная политическая интрига, любая крупная военная кампания – это не субъект-объектные, а субъект-субъектные взаимодействия, то есть игра. Такие игры, в которых стороны дезинформируют друг друга, надо понимать, исследовать,

но не с помощью науки, применяемой для исследования субъект-объектных отношений. Мы находимся в этом случае в сфере игр, стороны дезинформируют друг друга и одновременно интерпретируют действия своих противников по принципу «вон как он меня обманывает, а я его вот так обману». Аналитикой элитных игр, то есть субъект-субъектным взаимодействием не может заниматься ученый. Вдобавок к этому, аналитикой элитных игр не могут заниматься одиночки. Для этого нужны коллективы, причем достаточно плотные.

Не буду подробно объяснять почему. Хотя бы потому, что одиночка не справится с объемом перерабатываемого сырья. Или же, взяв на себя неподъемный груз подобной переработки, превратится очень быстро в странную фигуру в нечищенных ботинках, измятых брюках, почему-то всегда глядящую исподлобья и говорящую шепотом. Подвергнув же себя подобной социальной и психологической трансформации, а также деформации, этот интеллектуал, ушедший в одиночку из науки в аналитику элитных игр, вскоре станет полубезумным конспирологом.

Но еще раньше, чем он им станет, еще на этапе своих попыток научным образом исследовать элитные игры, он, если речь идет о профессиональном историке, столкнется с проблемой информации, получаемой из архивов. И обнаружит, что необходимая ему часть этой информации носит секретный характер. Если он даже преодолет барьер секретности, то натолкнется на отсылки к источникам, которые носят еще более секретный характер. До сих пор существенная часть информации о достаточно далеком прошлом, информации политической, а не военной или спецслужбистской, носит именно такой характер. А когда ученый доберется до желанных документов, если они не вывезены в другие страны, то может обнаружить, что существенная часть из них либо подделана, либо снабжена такими купюрами, которые все обесмысливают. И что он в этом случае будет делать?

Меня спросят: «А Вы-то что делаете?»

Отвечаю: «Я разговариваю с людьми, которые относятся к категории суперосведомленных и при этом почему-то достаивают меня разговором, делятся со мной информацией на доверительных основаниях».

Получив такой ответ, меня снова спросят: «А если ваш собеседник дурит вам голову?»

Отвечаю: «Во-первых, если ты не понимаешь, когда тебе дурят голову, а когда говорят правду, не занимайся аналитикой элитных игр. Во-вторых, не надо говорить с собеседниками, которые могут тебе дурить голову. Если ты не умеешь отличать собеседников, которые тебе дейст-

вительно доверяют, от собеседников, которые реализуют через тебя информацию, смени профессию или род занятий».

Аналитикой элитных игр я занялся в 80-е годы. Занимаясь ею, я твердо знал, что это интеллектуальная, но не научная деятельность. И что в основе этой деятельности лежат следующие процедуры:

Процедура №1. Собираение и осмысление элитных доверительных бесед. Вот таких собеседований из уст в уста. Этого элитного фольклора, если можно так выразиться. Назовем их притчами. Элитные притчи могут быть разными. Их должно быть достаточно много, если вы хотите в чем-то ориентироваться. Я имею в виду *достоверные* притчи.

Процедура №2. Чтение разного рода *документов, официальных биографий* в том числе, как текстов, содержащих в себе ту или иную *дезинформацию*. То есть *герменевтическое*, а не обычное прочтение этих текстов. Без такого прочтения, без такого метода вы ничего из текстов не извлечете. И я это чуть позже покажу.

Процедура №3. Выделение *несомненных* фактов. Без выделения несомненных фактов и достоверной документальной информации тоже ничего сделать нельзя. Вы не можете базироваться только на притчах или чтениях по принципу герменевтики, между строк.

Процедура №4. Соединение этих фактов со столь же несомненным *контекстом* – *политическим, психологическим, специальным, иным*. Вы даже факта не поймете, если не поймете, во что он погружен.

Процедура №5. Создание системных многомерных моделей, внутри которых возникают так называемые узлы, то есть данные, подтверждающиеся из разных источников.

Процедура №6. Испытание построенных моделей. Если модель правильная, то ты что-то предскажешь, что-то распознаешь, а если неправильная, то чаще всего эта неправильность будет оборачиваться для тебя, коль скоро ты взялся за такое занятие, очень крупными конкретными неприятностями.

Изложив все это, я могу перейти к анализу одной истории. Сейчас настал определенный период в жизни страны. И есть у меня как явные, так и неявные основания для того, чтобы эту историю начать обсуждать внятно. Понимаю, что в этом есть издержки. Но, по моей оценке, приобретения сейчас превышают издержки.

Клан Косыгина–Гвишиани

Одним из важных элитных советских кланов, повлиявших на процессы, включая и те, которые привели к перестройке, являлся клан Косыги-

на–Гвишиани. Эту связь никто не оспаривает: Джермен Гвишиани (известная фигура, сын Михаила Гвишиани) был зятем Косыгина, женат на его дочери.

Я всегда относился и буду относиться с глубочайшим уважением к родственникам покойных, болезненно реагирующим на те или иные оценки действий советских сильных, мудрых (говорю без иронии), естественно, неоднозначных, но очень эффективных руководителей. Косыгин был таким эффективным руководителем при перемещении промышленной базы из оккупированных районов или районов, которым грозила оккупация, на восток. Поэтому я не только не хочу демонизировать этих руководителей, а делаю все для того, чтобы избежать слишком детального рассмотрения определенных сюжетов. И все время оговариваю, что любые мои суждения – это не более чем интерпретации.

Но это именно интерпретации, то есть то, к чему необходимо относиться серьезно. Это не инсинуации (зачем мне цепляться к уважаемому мною Косыгину и другим?) Это не демонизации, не выдумки. И одновременно – не суждения непререкаемого оракула: «Знаю, что вот так». Это нужные нашему обществу интерпретации, потому что общество должно смотреть глубже поверхности. Особенно сейчас.

Начну с выделения несомненных фактов, к числу которых относятся и авторитетные высказывания (я уже много раз говорил о том, что для меня авторитетное однозначное высказывание – это факт, я его называю «специальным фактом» – «фактом высказывания»). Обсуждению таких фактов у меня посвящены книги – «Качели» [4], «Слабость силы»[5].

В данном случае речь идет о высказывании дочери Алексея Николаевича Косыгина – Людмилы Алексеевны. Вот что она написала: «Каким-то непонятным для нас чудом он (имеется в виду А.Н.Косыгин. – С.К.) остался жив после трагических 30-х годов и после войны, когда (внимание! – С.К.) предпринимались попытки связать его со страшным «Ленинградским делом» [1].

Что говорит дочь? Что предпринимались попытки связать ее отца А.Н.Косыгина со страшным «Ленинградским делом». Что значит попытки? Чьи попытки? Почему дочь Косыгина говорит, что неизвестным для нее и ее семьи чудом эти попытки были пресечены? Дочь имеет полное право говорить о чудесах. Должен ли человек, занимаясь аналитикой игр, верить в чудеса? Может, дочь о чем-то умалчивает? Ведь не исключено, что за каждым таким чудом стоит какая-то фигура, какой-то фактор. Если каким-то чудом избежал – значит, помогли избежать. Продолжим вчитываться в текст дочери.

«После окончания Великой Отечественной войны почти все люди, входившие в руководство страны, достигли преклонного возраста, большинство членов Политбюро имело дореволюционный партийный стаж. Старший по возрасту и уже чувствовавший себя нездоровым, Сталин не мог не думать о том, кому передать власть.

В откровенных и доверительных беседах с отцом у меня сложилось впечатление, что каждый из членов тогдашнего Политбюро мог претендовать на положение первого лица в государстве. Наверное, Сталин хорошо понимал это и уже накануне войны начал искать за пределами Москвы новых молодых руководителей, которые могли бы помешать старым "соратникам" занять его место.

Алексей Николаевич в январе 1939 г. был переведен из Ленинграда в Москву и назначен наркомом текстильной промышленности, а через год стал заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и в этой должности проработал всю войну, практически осуществляя эвакуацию гражданского населения и промышленности на восток (он это делал блестяще, говорю от себя. – *С.К.*). В 1942 г. мы с мамой не раз провожали его на Центральный аэродром, откуда он улетал в блокадный Ленинград на "Дугласе", в крыше которого в стеклянном "фонаре" сидел пулеметчик. Самолет сопровождали истребители. Обычно они пересекали линию фронта где-то под Тихвином, на малой высоте» [1].

Значит, Косыгин был связан с Ленинградом, как говорит дочь (иначе зачем она это вставляет в данный кусок текста?), не только в 1939 г., но и потом.

«В состав Политбюро Алексей Николаевич был избран в 1948 г. Вместе со своим ровесником Н.А.Вознесенским, с которым он работал в войну и которого глубоко уважал, они оказались самыми молодыми членами Политбюро – им было по 42 года¹. Алексею Николаевичу во время войны и после нее поручались очень ответственные государственные дела, в частности подготовка финансовой реформы 1947 года» [1].

Итак, Косыгин – на пару с Вознесенским – и впрямь был самым молодым из членов Политбюро. И это, между прочим, очевидно всем, кто хоть малость в теме. Для члена советского Политбюро это очень молодой возраст. Для того периода такой молодой, что дальше некуда. Это не революционные годы и не двадцатые.

Теперь рассмотрим необходимые безусловные данные по поводу самого Косыгина, его связи с «Ленинградским делом» (ведь нельзя же сфабриковать такие связи на пустом месте). А также данные по поводу

¹ Из биографий следует, что в 1948 году Косыгину было 44 года, Вознесенскому – 45.

самого «Ленинградского дела». Все это относится к разряду *несомненного контекста* (процедура №4), вне которого выделение *несомненных фактов* (процедура №3) никак не может считаться эффективным в плане распутывания интересующих нас элитных клубков.

Алексей Николаевич Косыгин, будущий Председатель Совета Министров СССР, родился 8 (21) февраля 1904 года в Санкт-Петербурге в семье Николая Ильича и Матроны Александровны Косыгиных. Крещен 7 марта 1904 года. Так гласит Актовая запись №136 в метрической книге церкви Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне в Санкт-Петербурге за 1904 год. Косыгин участвовал в Гражданской войне с конца 1919 года. То есть с момента, когда ему было 15 лет. В принципе, это возможно, тем более, что его участие сводится к службе в военно-полевых строительных частях, осуществлявших работы на участке между Петроградом и Мурманском.

С 1921 по 1924 год Косыгин учится на продовольственных курсах в кооперативном техникуме. Потом он работает в потребкооперации на невысоких постах. В 1930 году Косыгин возвращается в свой родной Ленинград и поступает в Ленинградский текстильный институт, который заканчивает 1935 году. С 1936 по 1937 год работает мастером, а затем начальником смены фабрики им. Желябова. Но уже в 1937 году он становится директором этой фабрики.

Я с уважением отношусь к Алексею Николаевичу и его семье. Право дочери – говорить о том, что Косыгин чудом уцелел в 1937 году. Но он, как показывают факты его биографии, не чудом уцелел, а резко возвысился в 1937 году.

Он стал директором. Это могло произойти по двум причинам.

Первая – невинная. В 1937 году осуществлялась мощная ротация элит, она же – репрессии. Верхний слой был выбит. И лежащий ниже слой обрел повышенную социальную мобильность. Попросту: вместо выбывших директоров и их заместителей на руководство приходили люди снизу. Кого-то надо было ставить, почему не этого начальника смены? Вторая – менее невинная. Часто ставили тех, кто так или иначе участвовал в ротации своих начальников, она же – репрессии 1937 года.

Всегда, когда есть две версии, надо выбирать невинную. Но их же две, этих версий? И это понятно, что в принципе их две, по отношению к кому угодно. Разобраться в том, как это было, сегодня уже невозможно. Наверное, крайне добросовестный историк мог бы это сделать, покопавшись в архивных документах.

В 1938 году Косыгин назначается заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП (б). Понимаете?

Он успел пробыть меньше года на посту директора фабрики и тут же стал заведомо ключевым Ленинградским обкомом. Это очень крутой карьерный взлет. Если бы его уволили с каких-нибудь должностей, если бы он какое-то время отсиживался, нырнув на хотя бы относительное социальное дно, тогда дочь могла бы говорить: «Боже мой, его чуть не посадили». Но он стремительно идет вверх.

Конечно, в доверительных разговорах с дочерью Косыгин рассказывает по прошествии времени, как легко его могли тогда посадить. И это правда, которую дочь – честь ей и хвала за это – определенным образом воспринимает. Но мы-то читаем биографию! И ее интерпретируем. Мы ее герменевтически читаем, правомочно выделяя аномально быстрые карьерные взлеты. И не сомневаясь в том, что Косыгин находился в опасности в эти годы (потому что вся номенклатура находилась тогда в подобной опасности!), мы видим то, что видим – стремительный карьерный взлет Косыгина в 1937–38–39 годах. Именно в этот период. Если бы речь шла просто о том, что Косыгин стал директором фабрики, то это одно. Но через год Косыгин становится аж заведомо Ленинградского обкома, в том же году он назначен на пост Председателя Ленинградского горисполкома. На этом посту он работает примерно год.

21 марта 1939 на XVIII съезде он становится членом ЦК ВКП (б). В этом же году назначается на пост народного комиссара (то есть министра) текстильной промышленности СССР. В апреле 1940 года он назначается заместителем председателя Совнаркома СССР. Это значит, что с 1937 по 1940 год Косыгин с помощью каких-то карьерных лифтов (один из них – сами чистки 1937, но этого лифта очевидным образом мало) поднимается с поста начальника смены (или директора фабрики, откуда считать) на пост заместителя председателя Совета Министров СССР.

Я никоим образом не сомневаюсь, что Алексей Николаевич был талантливым человеком. Однако талантливых людей было немало, но таких карьер – наперечет.

Теперь о продолжении связи Косыгина с Ленинградом. Косыгин блестяще работает на вверенных ему направлениях. А ему вверена, в том числе, эвакуация предприятий. Вы только представьте себе, под его руководством эвакуировано 1 523 предприятия, в том числе 1 360 крупных. Это же тяжелейшая и блестящая работа!

С 19 января по июль 1942 года Косыгин является уполномоченным Государственного Комитета Обороны (ГКО) в блокадном Ленинграде. Он отвечает за снабжение населения, за «дорогу жизни» и многое другое. В 1943 году Косыгин становится Председателем Совета Народных Комиссаров (то есть Совета Министров) РСФСР. Запомним это, потому

что тема РСФСР, «Ленинградского дела» и Русской партии важна. В 1946 году Косыгин утвержден заместителем Председателя Совета Министров СССР с освобождением от обязанности Председателя Совета Министров РСФСР. В 1948 году Косыгин избран членом Политбюро, назначен на пост министра финансов СССР, в конце года утвержден министром легкой промышленности СССР (явное понижение в должности, 1948 год). Пост министра легкой промышленности СССР он занимает до 1953 года.

После смерти Сталина положение Косыгина несколько поколебалось. Считается, что его спас и возвысил Хрущев, которого Косыгин потом осудил за нарушение ленинских норм партийной жизни [1]. После снятия Хрущева Косыгин становится вторым человеком в государстве, Председателем Совета Министров СССР, членом Политбюро.

Алексей Николаевич Косыгин скончался 18 декабря 1980 года и похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

Мы уже убедились, что биография Косыгина требует каких-то дополнительных сведений, вносящих хотя бы минимальную ясность в интересующий нас вопрос, суть которого сводится к следующему: «ну хорошо, талантливый человек, которому помогает продвигаться чистка 1937 года. Но достаточно ли этого для того, чтобы так продвигаться? Или все же должны быть найдены какие-то люди, способствовавшие этому продвижению? Что это за люди?»

«Ленинградское дело»

Для точного ответа на этот вопрос нужны историки, которые захотят в это вникать подробно. Я таким историком не являюсь, но кое-что считаю нужным зафиксировать. При наличии слишком быстрого карьерного роста принято искать покровителей, в том числе среди родственников и друзей – всех тех, кто может сформировать кланы. Данные о родственниках важны еще и потому, что понадобятся нам не раз в связи с рассмотрением темы «Косыгин и "Ленинградское дело"».

Алексей Николаевич Косыгин был женат на Клавдии Андреевне Кривошеиной (родилась в 1908, умерла 1 мая 1967) – двоюродной сестре жены А.А.Кузнецова. Таким образом, между семейством Косыгиных и семейством Кузнецовых есть родственная связь. Она много значит. В частности потому, что Косыгина должны были привлекать по «Ленинградскому делу», где Кузнецов был чуть ли не главным, и был расстрелян по этому делу.

Напомню, что Алексей Александрович Кузнецов (родился в 1905, погиб в 1950) был первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии в 1945–1946 годах. А.А.Кузнецов – ровесник Косыгина. Он был одной из крупнейших ставок Сталина в послевоенной большой политической игре. Сталин отодвигал какое-то время Берия, Меркулова (руководителя МГБ, сильно связанного с Берия), и даже Власика – начальника своей охраны. И одновременно передавал контроль за госбезопасностью Кузнецову, на которого возлагал серьезные политические надежды. Но перед этим контроль за госбезопасностью был в руках у почти всемогущего Маленкова.

Кузнецов шел к власти. Его остановили Маленков и другие, в том числе Берия. Перед этим умер (естественной или насильственной смертью?) покровитель Кузнецова и Косыгина Жданов, руководивший чистками в Ленинграде в 1936–39 годах, то есть в период стремительного возвышения Косыгина. Алексей Кузнецов, еще раз подчеркну, занял в секретариате ЦК пост, который перед этим занимал сам Маленков. Поскольку речь шла о контроле за органами госбезопасности, то это направление напрямую задевало интересы Берия. Кузнецов атаковал клан Берия–Маленкова и вообще весь старый клан (обращаю внимание еще раз на приведенный мною фрагмент из воспоминаний дочери Косыгина). Старый клан отвечал контратаками. Фактически, конечно, боролись старики руками молодежи.

Жданов умер 31 августа 1948 года. Перед этим он болел. Если бы он не умер, не было бы никакого «Ленинградского дела», потому что его могущества хватило бы для того, чтобы дать отпор тем, кто это дело развернул. Но Жданов умер, и по этому поводу, как известно, есть разные версии [6]. После его смерти ленинградский клан оказался сильно ослаблен. А поскольку Кузнецов продолжал атаковать весь старый клан ближайших соратников Сталина, то «старики», которые, как Жданов, не ушли в мир иной, объединились и нанесли ответный удар, он же – «Ленинградское дело». Я интуитивно твердо уверен, что Жданова убили, но убили не какие-то врачи, а те, кто понимал, что надо обрушить ленинградский клан, иначе этот ленинградский клан обрушит их.

Итак, еще о 1947–48 годах. Сталин отобрал у Маленкова контроль над органами и отдал этот контроль в руки нового секретаря ЦК А.А.Кузнецова, связанного родственными узами с А.Н.Косыгиным. Жданов и Кузнецов хотели продвинуть на пост главы МГБ Кубаткина – главу управления НКВД-НКГБ в Ленинграде в годы чисток, который вместе с ними их осуществлял. В этих чистках принимал участие еще один человек, который нас будет интересовать, о нем позже. Осуществ-

ля эти чистки, они одновременно способствовали продвижению новых людей, в том числе Косыгина. Это логично, иначе и быть не могло. В этом нет никакой демонизации.

Но Сталин отдает пост главы МГБ Абакумову. Маленков и Берия смогли убедить Сталина, что Кузнецова надо убрать, а затем уничтожить. Такова была клановая игра, дополняемая, как я уже указывал, очень, или (как сказать...) слишком своевременной смертью Жданова. А теперь подробнее рассмотрим семейный аспект этой игры.

Женой А.Н.Косыгина была, как мы уже говорили, Клавдия Андреевна Кривошеина. Она – двоюродная сестра жены А.А.Кузнецова Зинаиды Дмитриевны Воиновой (1906–1971). Брат Воиновой Серафим Дмитриевич в годы войны был порученцем у члена Военного Совета Ленинградского фронта А.А.Кузнецова.

Зинаида Дмитриевна Воинова – дочь Анны Алексеевны Верещагиной (Воиновой) и Дмитрия Михайловича Воинова. Мои источники утверждают, что семейство Верещагиной (по крайней мере, ее брат), как и семейство Воинова, имели прямое отношение к духовному сословию, причем к той его части, которая пострадала от репрессий в советскую эпоху. Пусть это проверяют историки, но если это так, то при герменевтическом прочтении это называется, во-первых, пятно в биографии, которое должно мешать, а оно не помешало. И, во-вторых, если оно не мешает, то это означает интеграцию в некий клан, который, в частности, строит связи и на данных основаниях.

Связь между семейством Кузнецовых и семейством Косыгиных является достаточно безусловной. Связь между Кузнецовым и Ждановым тоже не тайна за семью печатями. То есть мы хотя бы попытались понять источник быстрого продвижения А.Н.Косыгина. Для того чтобы превратить это «как-то» в настоящий анализ, нужно много времени и сил, чего сейчас мы делать не будем.

Что такое «Ленинградское дело», из которого, если верить дочери Косыгина, ее отец чудом вышел? Причем, надо сказать, вышел без особых кадровых потерь. Он не был выведен из обоймы. Руководителей Ленинградского обкома и связанных с ними высоких советских партийных руководителей обвинили в том, что они хотят создать Русскую коммунистическую партию и, создав ее, начать бороться с Всесоюзной большевистской партией². Сталин по понятной причине не хотел созда-

² *Кстати, созданная Горбачевым партия, которой руководил Полозков, называлась Коммунистической партией РСФСР и тоже была соответствующим фактором расширения ситуации.*

вать отдельную русскую партию, считая, что ее создание может породить центробежные процессы.

Правомочно ли было обвинение руководителей ленинградского обкома и связанных с ними высоких советских партийных руководителей в том, что они хотели создать русскую партию? Содержало ли все, что они делали, хоть какую-то деструктивную крамолу? При нашем нынешнем уровне понимания это установить трудно. «Десталинизация» привела к тому, что все, кто проходил по «Ленинградскому делу», были не только реабилитированы (реабитированы они были при Хрущеве), но и превращены в ангелоподобных жертв чудовищного Джугашвили. То, что сами эти жертвы осуществляли чистки в Ленинграде и много что еще, оказалось выведено за скобки.

«Ленинградское дело» было очень масштабным. Для проходивших по этому делу **специально** была восстановлена отмененная перед этим смертная казнь. Репрессиям подверглись практически все партийные руководители, а также почти все советские государственные деятели, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на партийную работу [8].

«Номером один» по этому делу шел Алексей Александрович Кузнецов, на тот момент секретарь ЦК ВКП (б), работавший по важнейшему направлению, задевавшего интересы Берии и многих других. «Номером два» был Николай Алексеевич Вознесенский, председатель Госплана СССР. Под следующими номерами идут практически все ленинградские партийные руководители. Поводом к началу «Ленинградского дела» было проведение в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 года некоей Всероссийской оптовой ярмарки.

Маленков атаковал ленинградскую группу именно в связи с этой ярмаркой. Что касается Вознесенского, то его привлекли в связи с обвинением в том, что он, как председатель Госплана, занизил план промышленного производства СССР на первый квартал 1949 года.

22 февраля 1949 года состоялся объединенный пленум Ленинградских горкома и обкома, на котором Г.Маленков сделал сообщение о Постановлении ЦК ВКП (б) от 15 января 1949 года, в котором говорилось об антипартийной группе. Не о ярмарке, не о чем-то еще, а о группе. Каяться по этому поводу стали двое: П.Попков, первый секретарь Ленинградского обкома, и Я.Капустин, второй секретарь этого же обкома.

Летом 1949 года глава МГБ В.Абакумов и работники возглавляемого им ведомства обвинили секретаря ЦК ВКП (б) А.Кузнецова и председателя Совета Министров РСФСР М.Родионова в контрреволюционной деятельности. Начались повальные аресты. Вы понимаете, что нужно

было, чтобы при этом уцелел Косыгин? При таком свирепом наезде. Чудом, говорит дочь. Это полное ее право. Но нас-то интересует герменевтика «чуда». Не инсинуации, не демонизации – герменевтика «чуда».

Подробно обсуждать «Ленинградское дело» я не хочу. Для меня здесь важно то, что само это дело начало разворачиваться в самом-самом начале 1949 года. И что это дело было крайне крупным. В сталинский период крупные дела готовились. Сталин никогда не санкционировал их проведение с бухты-барухты. Когда началась подготовка «Ленинградского дела» и стали создаваться списки будущих его участников? После смерти Жданова? Поздно! В 1946 году? В 1947 году? Скорее всего, даже не в 1948 году. А после того, как списки составлены, из них кого-нибудь вынуть уже почти невозможно. Косыгин, имея такие связи с Кузнецовым, будучи ленинградским выдвиженцем, должен был «загреметь» по этому делу.

Но он по нему не загремел. Почему?

Это и есть главный вопрос данной герменевтической акции. Если на вопрос: «Почему Косыгин так быстро продвинулся в 1937 и в последующие два года?» – могут быть разные ответы, в том числе и вполне щадящие, то на вопрос: «Почему Косыгин не загремел по "Ленинградскому делу"?» – щадящий ответ дать очень трудно. Поэтому дочь говорит о чуде. В экспертном сообществе принято считать, что фигурант, который должен пройти по делу и которого из этого дела «вынимают», оказывается вынутым только потому, что он кого-то сдает. Но я категорически отказываюсь так считать.

Меня слышат инсинуаторы? Я категорически отказываюсь так считать. Я предлагаю другой ответ: такой фигурант изымается из дела только тогда, когда ему оказывает огромную протекцию тот клан, который организует это дело. В данном случае – клан Берия–Маленкова, являвшийся на обсуждаемый нами момент единой элитной группой. Я выдвигаю такую щадящую гипотезу не только потому, что она щадящая, но и потому, что считаю ее более правдоподобной. Если не эта моя гипотеза, то тогда какая другая? Он их всех сдал, и потому его вывели? А третьей гипотезы нет. Мы про чудо говорить не будем. Эти чудеса рукотворны.

* * *

Косыгин должен был иметь прочнейшие связи с этим кланом. Настоятельно прочнейшие, что его связи с кланом Кузнецова должны были померкнуть перед связями с антикузнецовским суперэлитным кланом. Что же это за связи?

Я не хочу подробно обсуждать личность Михаила Максимовича Гвишиани, отца Джермена Михайловича Гвишиани, зятя Косыгина. В частности, потому, что к Михаилу Максимовичу предъявляются определенные, на мой взгляд, избыточные, претензии в связи с депортацией чеченцев. Но если ограничиться беглыми репликами, содержащими в себе выражения типа «не помню точно», то выясняется следующее.

Биография Михаила Максимовича Гвишиани (родился в 1905, умер в 1966) содержит в себе карьерный взлет еще более загадочный, чем взлет А.Н.Косыгина. Михаил Максимович, если верить его биографии, (а мне тут не так хочется верить, как в случае с Косыгиным), сын грузинского батрака. Его первые жизненные шаги были связаны с Ахалцихе.

Как именно Михаил Максимович обсуждался ахалцихским землячеством – вопрос отдельный. Я не считаю все притчи, излагаемые членами этого землячества, достоверными. Но факт состоит в следующем. Михаил Максимович ничем не проявляет себя в 20-е годы. Его карьера более чем скромна. Только в 1928 году он становится помощником оперуполномоченного Ахалцихского районного отдела ГПУ. В 1937 году он занимает скромные, но имеющие отношение к карьере, должности – должности помощника руководителей неких секретно-политических отделов НКВД в Закавказье, в Грузии.

А дальше... Дальше в его аттестационном листе от 7 сентября 1938 года говорится: «...был назначен руководителем личной охраны товарища Берия и членов правительства ГрузССР. На этой работе проявил себя как исключительно инициативный и энергичный работник и четко выполнял все задания» [7].

Косыгин мог разными путями сделать стремительную карьеру. Но Лаврентий Павлович Берия никогда не сделал бы начальником своей личной охраны человека, который не находился бы с ним в совершенно особых отношениях. На любой другой пост могли ставить самых разных людей, но пост начальника личной охраны – это пост начальника личной охраны. Гвишиани впрыгивает в него почти что из ниоткуда.

Герой фильма «Белое солнце пустыни» говорит: «Восток – дело тонкое». Кавказ – дело еще более тонкое. Биография Берия – это нечто. Был он агентом азербайджанской разведки Мусават или не был? Какую роль в его судьбе занимал Мир Джафар Багиров, который якобы был его куратором в Мусавате, но на самом деле якобы обеспечивал ему позиции, как большевику, будучи сам большевиком... Как говорят в таких случаях, темна вода. Никакой историк ничего по этому поводу сказать не может. Биография Берии – чрезвычайно закрытая тема.

Но если Михаил Максимович Гвишиани стал начальником личной охраны Берия – фигуры, склонной очень трепетно относиться к личной охране, то его связи с Лаврентием Павловичем должны были быть очень прочными. И я бы сказал, очень нетривиальными. В дальнейшем Берия подтверждает свое отношение к Михаилу Максимовичу. В 1938 году он делает Гвишиани сначала первым заместителем наркома внутренних дел Грузинской ССР, затем начальником 3-го специального отдела 1-го Главного Управления госбезопасности НКВД СССР. А затем, в том же 1938 году, Михаил Максимович на 12 лет становится начальником УНКВД-УНКГБ-УМГБ по Приморскому краю.

Не будем вспоминать, кто в это время представляет Советский Союз в Японии, что там вообще происходит. Гвишиани оказывается в этой позиции. Он и возвышен, и уведен в сторону, и обособлен. Он находится на этом посту до января 1950 года. После этого три года (с 1950 по 1953) занимает пост начальника УМГБ-УМВД по Куйбышевской области. Ну а потом достаточно сильно, но не катастрофически, страдает от анти-бериевских хрущевских чисток. Вот эта некатастрофичность, как я считаю, связана с кланом Косыгина–Гвишиани.

«Ну, и что же? – скажут, – как мог находящийся на таких постах человек вынуть Косыгина из "Ленинградского дела"?»

А как мог человек, находящийся в Приморье в 1944 году, участвовать в операции «Чечевица», проводимой в Чечено-Ингушетии? Почему это никого не удивляет? Я не хочу присоединяться к тем, кто обвиняет Михаила Максимовича в жутких действиях против чеченцев и ингушей, осуществленных в Галайн-Чожском районе Чечено-Ингушской АССР. Я потому-то, повторяю, и обсуждал весь эпизод с Гвишиани и Косыгиным очень пунктирно. Но, обратите внимание, никто не задает вопроса, а как это глава спецслужб Приморья мог оказаться в Чечено-Ингушетии?

Все это вполне было возможно, потому что никто правдивых биографий таких людей, как Михаил Максимович, не писал по вполне понятной причине. Такие люди осуществляют спецзадания где угодно, как угодно. И эти спецзадания не входят в их послужной список. Может быть, они фигурируют в каких-то секретных архивах. Не знаю. Знаю другое: что Берия и Гвишиани-старшего связывали какие-то достаточно загадочные наипрочнейшие связи. Я не берусь судить, что это за связи. Я просто вижу, что они были.

Был ли Косыгин связан с Гвишиани-старшим еще с давних времен? Возникла ли эта связь в связи с женитьбой сына Гвишиани Джермена на дочери Косыгина Людмиле Алексеевне? Притом, что брак дочери Ко-

сыгина и сына Гвишиани произошел в конце 40-х годов (старший ребенок – Алексей Джерменович – родился в 1949 году). Да, это так. Их брак состоялся в это время, но что это меняет? Извините, это еще и усугубляет, а не отменяет всю ту модель, которую я предъявляю. Потому что в этом случае у Гвишиани-старшего могли быть и семейные причины для того, чтобы обратиться к Лаврентию Павловичу и попросить его не вносить Косыгина, отца жены его сына, в списки фигурантов «Ленинградского дела».

Но списки «Ленинградского дела» формировались раньше. И для того, чтобы как-то влиять на судьбу этих списков, Гвишиани должен был принимать какое-то участие в организации этого самого «Ленинградского дела». Притчи, которыми я располагаю, достоверные притчи, утверждают, что он это отношение имел. И уж конечно, его формальная должность главного приморского спецслужбиста никак не могла ему в этом помешать.

Но если даже считать, что мои притчи неверны, а тут речь может идти только о притчах, это ничего не меняет. Значит, у Гвишиани были возможности влиять на списки «Ленинградского дела», не участвуя в его разгроме непосредственно, что еще более интересно. Или же Косыгина выводил из этих списков кто-то другой. Но тогда кто? И почему? Кстати, даже и Гвишиани-старшему вывести Косыгина из списков только потому, что его сын женился на дочери Косыгина, было не под силу. Это никому в сталинскую эпоху не было под силу.

Даже если Гвишиани-старший по этой причине хотел вывести Косыгина из списка по «Ленинградскому делу», он должен был аргументировать это чем-то другим или попросить кого-то (скоро он появится, этот кто-то), предельно к нему близкого и несомненно влиятельного, сочинить подобные другие аргументы. Нужны были аргументы по принципу «нужен человек, и его надо вывести». Причем такие аргументы из пальца в сталинскую эпоху не высасывались.

Есть докладная записка «Об укреплении кадров центрального аппарата и периферийных органов МВД, проводимом в соответствии с решениями июльского (1953) Пленума ЦК КПСС». Она направлена в адрес Президиума ЦК КПСС, адресована Г.М.Маленкову и Н.С.Хрущеву. Записка подписана Министром внутренних дел С.Н.Кругловым, Председателем Комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР И.А.Серовым и первым заместителем министра внутренних дел СССР К.Ф.Луневым. В записке говорится: «Начальником УМВД Куйбышевской области работал генерал-лейтенант ГВИШИАНИ, который в прошлом был начальником личной охраны Берия, длительное

время работал на Дальнем Востоке с Гоглидзе и необоснованно продвигался им (то есть Гоглидзе. – С.К.) по должности» (Цит. по: [3, с.442]).

* * *

Кто такой Серго Гоглидзе?

Работая с 1920 года в ревтрибунале туркестанского фронта, Гоглидзе дослужился до начальника политсекретариата войск ВЧК Туркестана, стал комиссаром в войсках ВЧК и ГПУ. У него другая карьера, чем у Гвишиани, Косыгина или Кузнецова. С 1923 года он служил на Кавказе, где познакомился с Берия. Он оказывал помощь Лаврентию Павловичу в самых опасных делах, включая дело известного абхазского политика Нестора Лакобы. Известно об особой роли С.Гоглидзе в «Деле врачей» [2]. В 1951 году В.Абакумов в связи с провалом этого дела был отстранен от должности и заменен на посту министра госбезопасности СССР партаппаратчиком С.Игнатьевым. С.Гоглидзе был назначен «смотрящим» за С.Игнатьевым, который был достаточно беспомощен и стремился подольше отсутствовать, ссылаясь на болезни.

При министре госбезопасности Игнатьеве Гоглидзе был первым заместителем. Ненадолго его отстранили (элитные игры были в разгаре) и отправили в почетную как бы ссылку, сделав министром госбезопасности Узбекистана. Но это продолжалось несколько месяцев. В 1952 году Гоглидзе вернулся в центральный аппарат МГБ в качестве заместителя министра и одновременно возглавил всю военную контрразведку. Затем стал первым заместителем министра.

Сталин, чувствуя, что «Дело врачей» проваливается, и осознавая, к каким последствиям это приведет и для него лично (ибо это означало, что «Акелла промахнулся» и его можно устранять), делал особые ставки на Гоглидзе. Считается, что после отстранения куратора «Дела врачей» М.Рюмина от работы в МГБ в ноябре 1952 года, Гоглидзе стал еще и куратором по «Делу врачей». В период после смерти Сталина, но до снятия Берия, Гоглидзе оставался ближайшим приближенным Берия, продолжая руководить военной контрразведкой. Он был арестован и расстрелян после краха Берии.

Что связывает Серго Гоглидзе с Михаилом Гвишиани?

То, что Гоглидзе несколько лет был начальником управления НКВД-НКГБ-МГБ Хабаровского края. То есть он был не только другом Гвишиани, но и его соседом, о чем и говорится в процитированной записке. Авторы записки еще понимают или, как минимум, ощущают суть элитных игр своей эпохи. Они настаивают на том, что Гоглидзе и Гвишиани – это пара, поддерживающая друг друга, это прочная связка.

Что связывает Гоглидзе с Ленинградом? То, что с ноября 1938 года Гоглидзе возглавлял управление НКВД СССР по Ленинградской области. И в этой роли заменял ставленников Ежова ставленниками Берия. Мог ли Гоглидзе в этот период построить особые отношения с ленинградцами, включая Косыгина? Мог построить. А мог и не построить. Если кто-то, заслуживающий доверия, расскажет нам по этому поводу притчу, мы что-то узнаем. А иначе мы не снимем окончательно неопределенность в этой истории.

Но нам и не надо ее снимать окончательно. Я даже не хочу добавлять к этой истории все, что связано с другими «приморскими» элитными фигурами. Например, с 1938 года секретарем Организационного бюро ЦК ВКП (б) по Приморскому краю был Николай Михайлович Пегов (1905–1991). А с 1939 по 1947 год (целых 8 лет!) Н.Пегов был первым секретарем Приморского краевого и Владивостокского городского комитета ВКП (б). То есть он был первым секретарем в тот момент, когда Гвишиани руководил НКВД-НКГБ-МГБ. Затем в годы, ключевые для формирования списка по «Ленинградскому делу», Пегов был заместителем начальника управления по проверке партийных органов ЦК ВКП (б). У Михаила Гвишиани были плотнейшие рабочие связи с Николаем Пеговым. И у Серго Гоглидзе – тоже.

Меня здесь, в принципе интересует следующее.

Джермен Гвишиани, сын Михаила Гвишиани и зять председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина, руководил в СССР системными исследованиями. Он возглавил ВНИИСИ (Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований) в 1976 году и оставался его директором в течение 17 лет. Он же занимал серьезный пост в комитете по науке, он же стал одним из учредителей МИПСА (Международного института прикладного системного анализа в Вене). МИПСА был создан в 1972 году совместно США, СССР, Канадой, Японией и странами Европы и назывался «совместным проектом наших (то есть советских. – С.К.) и западных разведок». Он же, Джермен Гвишиани – ключевая фигура, обеспечивавшая связи советской элиты с Римским клубом³. Это все несомненные факты.

³ *Римский клуб* — международная общественная организация (аналитический центр), созданная итальянским промышленником Аурелио Печчеи (который стал его первым президентом), и генеральным директором по вопросам науки ОЭСР Александром Кингом 6–7 апреля 1968 года, объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Одной из главных своих задач Римский клуб считал привлечение внимания мировой общественности к глобальным проблемам, к которым клуб относил прежде всего

* * *

От них необходимо переходить к сюжетам, сохранившим значение до сих пор. Есть такой Джованни (или Джанни) Аньелли (1921–2003)⁴. Дед Джованни Аньелли – Джованни Аньелли-старший – делал особые ставки на Джованни Аньелли-младшего. Например, когда тому было 14 лет, дед ввел Джованни в совет директоров знаменитого футбольного клуба Ювентус, который дед очень прочно опекал. Дед так же создал ФИАТ, как Форд создал ФОРД.

В 1945г. Джованни – офицер связи итальянского Корпуса освобождения – становится президентом компании по производству подшипников, созданной его дедом вместе с инженером Роберто Инчерти. В этом же году Джованни-старший умирает, и Джованни-младший становится во главе семьи Аньелли. В качестве главы семьи Джованни-младший подписывает соглашение, касающееся знаменитого ФИАТа⁵. 30 июля 1966 года Джованни-младший становится управляющим директором ФИАТа. А через 2 недели после этого, 15 августа 1966 года в Москве Джанни Аньелли-младший подписывает контракт с министром автомобильной промышленности СССР Александром Тарасовым по созданию автозавода в городе Тольятти с полным производственным циклом, то есть нынешнего Волжского Автомобильного завода.

Не Тарасов же был тут главным лицом. Главными лицами в этой сделке (и через Римский клуб и иначе) были Джермен Гвишиани и Косыгин.

Во второй половине 70-х годов на компанию ФИАТ обрушился кризис. Конкуренты ликовали. Но не тут-то было. Джованни Аньелли-младшему «ужасно повезло». Почему-то правительство Ливийской Джамахирии во главе с полковником Каддафи объявило о приобретении значительной части активов концерна ФИАТ. Акции ФИАТ, естественно, взлетают под небеса. Какими надо обладать связями, в том числе и советскими, чтобы это организовать?

угрозы исчерпания невозобновляемых природных ресурсов планеты, включая ресурсы биосферы, а также связанные с ними угрозы перенаселения планеты.

⁴ *Его отец Эдоардо Аньелли разбился на самолете, а мать, принцесса Вирджиния Бурбон дель Монте, погибла в 1945 году. Разного рода несчастья случались и с другими родственниками.*

⁵ *Речь идет о возвращении правления и президента фирмы Витторио Валлетта, которых обвиняли в содействии фашистам. Джованни ведет светскую жизнь... Женится на неаполитанской принцессе... В 1959 году становится президентом компании IFI (Иstituto Финансиарио Италиано), управляющей инвестициями в ФИАТе и других компаниях.*

Концерн Аньелли стремительно разрастался⁶. Джованни-младший, ставший властелином огромной империи, умирает в почтенном возрасте. Интерес представляет его дочь Маргерита⁷, оставшаяся единственной наследницей, которая вторым браком вышла в 1991 году за графа Сергея Палена (как говорится в международных документах – фон дер Палена).

Знакомлю читателя со статьей в газете «Коммерсант» [9].

«Вчера (то есть 26 ноября 1992 г. – С.К.) приступил к работе новый глава представительства итальянского концерна Fiat в странах Содружества граф Серж де Пален (Serge de Pahlen).

Сержу (Сергею Сергеевичу) де Палену 47 лет, учился в парижском Лицее и в цюрихском политехническом институте. По образованию инженер. До назначения в Россию был директором представительства Fiat во Франции. Свободно владеет шестью языками, в том числе русским. Увлечения – русская история и литература. Предпочитает ездить на автомобилях своей фирмы. Представитель знаменитого русского рода. Предок г-на де Палена граф Петр Алексеевич Пален⁸ был генерал-губернатором Санкт-Петербурга до 1801 года».

Далее в статье говорится о том, что графа Сержа де Палена волнует судьба АвтоВАЗа, за приватизацией которого он внимательно следит. Что в планах концерна создание широкой дилерской сети по продаже и обслуживанию своих автомобилей. А также кооперация в сфере их производства. Концерн также готов инвестировать средства в строительство и реконструкцию жилых и промышленных зданий в Санкт-Петербурге.

Мне тут представляется важной связь, идущая через века. Это не конспирологическая, это настоящая, конкретная связь, которую я не буду в этом своем размышлении развернуто описывать.

* * *

Если несколько простейших связок, о которых выше шла речь, собрать в некий пакет, получится многомерная модель. Ее можно проверить, добавив гораздо больше связок, характеризующих другие истории. Из разных стран мира, связанных с Россией. Такие интересные сюжеты

⁶ При этом эксперты обсуждают серию «странных смертей», постигших семью Аньелли.

⁷ С 1991 года она стала фон дер Пален. Ее дети именовются графами и графинями фон дер Пален.

⁸ Петр Людвиг фон дер Пален (1745–1826), генерал от кавалерии, один из ближайших приближенных Павла I, получивший от него графский титул и возглавивший заговор против императора. Он-то и убил государя.

ЯЗЫК ЭЛИТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

есть, что дальше некуда. Но я здесь привел свои рассуждения по одному конкретному сюжету для того, чтобы показать, что такое аналитика элитных игр, чем она отличается от науки и какие она может давать результаты.

Надо ли этим заниматься, раз в подобных рассуждениях далеко не все оказывается однозначно?

Сейчас многие – и за рубежом, и у нас в России – прямо говорят и о неизбежном переустройстве Российской Федерации, и даже о ее вероятном распаде. А также о том, как и почему возможны переустройство и распад.

На мой взгляд, главное состоит в том, чтобы разговаривать на подобные темы не на языке конспирологической шизы и не на языке «научного обслуживания» кого-то.

Надо формировать язык элитной ответственности, а также то, что неизбежно вытекает из формирования такого языка.

Язык формирует дискурс. Структура и дискурс, как мы знаем, связаны воедино. Формируя дискурс, мы одновременно выстраиваем структуру. Причем, не для тех или иных интеллектуальных пижонств, а для того, чтобы у наших потомков была Россия.

Библиографический список

1. Байбаков Н., Гришин В., Кирпиченко В. Косыгин. Вызов премьера (сборник). ЛитРес. 2014. – 518 с. URL: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/1020100/Kosygin._Vyzov_premera_\(sbornik\).html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/1020100/Kosygin._Vyzov_premera_(sbornik).html) (дата обращения: 17.02.2016).
2. Дело врачей // Альманах «Россия XX век» // Архив Александра Н. Яковлева. URL: www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/55550 (дата обращения: 17.02.2016).
3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т.2. – 696 с.
4. Кургинян С. Качели. Конфликт элит – или развал России. М.: МОФ «ЭТЦ». 2008. – 772 с.
5. Кургинян С. Слабость силы. Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания. М.: МОФ «ЭТЦ». 2006. – 388 с.
6. Кутузов В.А. Загадочная смерть А.А.Жданова // Новейшая история России. 2013. №1 (06). С.164–178.
7. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М.: Звенья, 1999. – 504 с. URL: <http://www.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/gb95.htm> (дата обращения: 17.02.2016).
8. Чичкин А. «Ленинградское дело»: удар по русским кадрам // Русский вестник. 2011. 5 марта.
9. Ъ-Горнов С. Русский граф предпочитает итальянские автомобили // Коммерсантъ. 1992. 27 ноября. № 046.

Государство, не имеющее средств на то, чтобы реформироваться, не имеет и средств на то, чтобы существовать по-старому.

Эдмунд Бёрк

Никто не в силах установить четкие критерии гражданской и политической мудрости. Это предмет, не поддающийся точному определению. Но, хотя ни один человек не может указать границу, разделяющую день и ночь, все более или менее сносно отличают свет от тьмы.

Эдмунд Бёрк

Андрей Ранчин

**АПОКАЛИПСИС НАШЕГО
ВРЕМЕНИ / APOCALIPSE
NOW¹**

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
РЕФОРМ РОССИЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК
37.014
371.274/.276

В статье рассматриваются последствия и перспективы реформ, начатых в российском образовании в 2000-е и начале 2010-х годов. В центре внимания: идея радикального сокращения преподавательского корпуса; концепция «эффективного контракта», заключаемого преподавателем с администрацией учебного заведения; библиометрические показатели как критерий эффективности научной деятельности преподавателя; введение итогового сочинения в выпускных классах и изменения в контрольно-измерительных материалах Единого государственного экзамена по русскому языку, прежде всего серьезнейшее упрощение заданий; снижение минимальных баллов ЕГЭ, необходимых для поступления в высшее учебное заведение. Отмечается непродуманность проведенных и намеченных преобразований, значительное усиление бюрократизации и необоснованный рост отчетности. Предложен ряд мер, способных остановить губительную тенденцию.

The author considers consequences and prospects of reforms commenced in the Russian education in the 2000s and 2010s. The author focuses his attention on conception of “effective contract” an instructor strikes with an educational institution administration, on bibliometrical indices as the criterion of an instructor’s scientific activity efficiency, on introduction of final composition in senior classes and on instrumentation materials of the Unified state exam in Russian and, first of all, on massive simplification of tasks, and on reduction of minimum points required for admission to a higher education institutions. The author notes crudity of reforms undertaken and planned, a significant intensification of bureaucratization and unfounded upsurge of reporting. Finally the author proposes a number of measures that can stop the pernicious trend.

Ключевые слова: высшее образование; эффективный контракт; библиометрические показатели; средняя школа; итоговое сочинение; Единый государственный экзамен.

Key words: higher education; effective contract; bibliometrical indices; secondary school; final composition; the Unified state exam.

E-mail: aranchin@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI.2015. №6.

ДЕФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ

Еще одним новшеством, внедренным в систему высшего образования, стал так называемый эффективный контракт – трудовой договор, устанавливающий зависимость заработной

платы преподавателей не только от занимаемой должности и/или ученого звания и ученой степени, но и от качества и эффективности педагогической, административной и научной работы. Разработка идеи и ее «дизайн» и здесь принадлежали Высшей школе экономики, в частности уже поминавшейся Ирине Абанкиной². На первый взгляд мысль здравая и замечательная: существующая уравниловка в окладах, при которой зарплата зависит исключительно от должностного статуса, а не от реального труда, – явление совершенно противоестественное. Впрочем, идея эффективного контракта преследовала и другие цели: увольнение части преподавателей «мягким» способом (заработавшие только на «голый» оклад предпочитают уйти) и стимулирование преподавателей к более интенсивной деятельности.

Тем не менее концепция порождает и серьезные сомнения. Качество на то и качество, что не поддается измерению в количественных единицах, а ведь только количественный, формальный критерий может использоваться в роли инструмента, оценивающего эффективность. Интенсивность и качество отнюдь не одно и то же. Большее число лекций или практических занятий никак не соотносится с их содержательностью, с ценностью. Мало того: при существенном росте нагрузки качество будет неизбежно падать, и потому, что не хватает времени и сил к занятиям готовиться, обновлять и пополнять знания, и просто из-за усталости: устает даже металл, тем более люди. Не поддается количественной оценке и научная работа. Так называемые библиометрические показатели – это мусор, информационный шум. По числу публикаций замечательного ученого не отличить от бездарного графомана, индексы цитирования (индекс Хирша и проч.) нимало не свидетельствуют о характере рецепции идей исследователя его коллегами: они не различают дежурную, этикетную глухую ссылку или жестокую критику от принципиального, концептуального согласия, от глубокого усвоения и творческого развития идей и наблюдений³. Ранжирование журналов по

² Ср., например, обзор на сайте «Учительской газеты» [6]. Интервью с Ириной Абанкиной и аргументированная критика ее подхода содержатся в статье: [2].

³ См. подробнее об этом в моей статье [15].

принципу – рекомендованные ВАК РФ – не удостоившиеся такой рекомендации – никак не соотносятся с их реальной научной ценностью, так как не учитывает даже такой – впрочем, тоже чисто формальный – критерий, как импакт-фактор издания. Основанием для невключения в вожделенный список может оказаться, например, недостаточная периодичность выхода⁴ или отсутствие процедуры рецензирования статей, хотя в большинстве своем журналы, формально рецензирующие материалы, предложенные к публикации, фактически делают сие не удосуживаются. (Между прочим, рецензирование, буде оно проводится, является часто совершенной формальностью.) Но выше всех отечественными «счетчиками» ценятся издания, включенные в международные базы (Web of Science, Scopus и т.д.), вследствие чего российская гуманитарная наука выглядит неоправданно хило и бледно: российские журналы гуманитарной тематики представлены в этих базах очень (и несправедливо) скудно; журналов, посвященных русской литературе, к примеру, – буквально раз-два и обчелся. «Кривые» – чудовищно неполные – результаты дают подсчеты библиометрических показателей в системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), официально признанной в качестве единственного полномочного обмерщика и «обсчетчика» ученых на предмет эффективности: РИНЦ с необходимой полнотой учитывает журналы, рекомендованные ВАК РФ, сборники признает или игнорирует «от балды», а монографии – главные труды исследователей, по крайней мере в гуманитарных науках, – обычно попросту брезгливо не замечает. Между тем в отличие от ученых «естественных» «противоестественные», то бишь гуманитарии, главные (и концептуальные) результаты своих исследований являют *urbi et orbi* не в статьях, а в книгах.

Оценка эффективности научной работы по так называемым библиометрическим показателям характерна для мировой практики, и ее внедрение в России диктовалось не только попыткой перевести преподавателей на эффективный контракт, но и президентским планом к

⁴ Так это произошло, например, с «Литературоведческим журналом» – изданием ИНИОН РАН, научная состоятельность которого несомненна: во включении в список ВАК было отказано из-за редкой периодичности (четыре номера в год) – при том, что в списке есть филологические журналы с такой же периодичностью: «Русская литература», «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» и другие – журналы, несомненно, заслуженные и авторитетные и даже издание с периодичностью альманаха – «Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН».

2018 году провести не меньше пяти российских институтов в первую сотню лучших учебных заведений мира: интенсивность и уровень научной работы, формальными критериями которых признаются библиометрические данные, – один из факторов, влияющих на позицию института в международных рейтингах. Мне лично позиции российских институтов в международных перечнях безразличны: эти рейтинги весьма субъективны⁵. В мировой практике эти подсчеты действительно используются, однако они, по крайней мере в западной университетской системе, не определяют жалование преподавателя, хотя при низких библиометрических показателях заключение контракта оказывается невозможным или крайне маловероятным. (В качестве основания для стимулирующей надбавки эти данные, насколько мне известно, используются в Китае.) Лично автору этих строк реальное внедрение эффективного контракта было бы выгодно: и по числу публикаций (включая и ваковские журналы, и издания из международной базы Web of Science), и по индексу Хирша можно было бы рассчитывать на хорошую прибавку. Однако... Платон мне друг, но истина дороже. Формальные критерии, конечно, многое говорят об авторе. Но они не могут заменить главного, что создается ученым на протяжении всей его жизни и что, в общем-то, известно и понятно если не всем, то большинству в его цехе, – научной репутации.

Одна из систем подсчета научной эффективности была несколько лет назад разработана в МГУ, электронная система с нескромным названием ИСТИНА (Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации) внедрялась в качестве инструмента учета библиометрических данных для сотрудников МГУ, но, как предполагали инициаторы, могла быть использована и другими университетами. ИСТИНА ввела подсчет в баллах, уравнивая таким образом как предмет оценки количество лекционных и семинарских часов с числом (независимо от объема) научных статей. В преподавательской работе дороже всего оценили один лекционный час: число баллов вычисляется как количество часов, помноженное на два), в то время как семинарские занятия оценили с понижающим коэффициентом 0,7, а занятия практикума – с множителем 0,5. Оценка эта совершенно произвольна и исходит из воображаемого объема времени, который «препод» тратит на подготовку к лекции, на прочтение лекции и на работу на семинаре. Получилось так: к лекционному курсу нужно якобы всегда готовиться,

⁵ *Подробный анализ международных рейтингов содержится в моей статье [16].*

подготовка же почему-то занимает ровно столько времени, как и чтение; к семинару же готовиться будто бы не требуется, к тому же часть занятия говорят студенты, значит, надо вычесть треть или половину академического часа из подсчета. Конечно, это бюрократическое числование не имеет почти никакого отношения к реальности и основывается на все том же принципе статуса: лектор – практически всегда профессор или доцент, ему и отвесят часов побольше, чем педагогу на более низкой должности. (Хотя семинары и практикумы доценты и профессора тоже проводят.) В действительности лекционный курс может многие годы «бубниться» по старым конспектам или читаться изустно, но понакатанному, а семинар – требовать основательной подготовки и огромных затрат нервной энергии: разговорить, разбудить студентов не всегда легко.

С публикационной активностью, как сие именуется на «бюрократопедновоязе» всё тоже интересно. Статья в журнале стоит червонец, если это просто журнал, ваковское периодическое издание обогатит вас на тридцатник, а вот в журнале из международных рейтингов, то есть почти всегда иностранных, – аж на полтинник, в журнале «топовом» – на целых 75 баллов. Статья в сборнике пойдет за 30, а научная монография – за жалкие 100 баллов, как будто авторская книга равна и по объему, и по умственным затратам всего лишь трем статьям! Зато Учебники и опубликованные курсы лекций оцениваются так же – по 350 баллов. Вводятся изощренные балльные различия между докладом на российской и выступлением на международной конференции – с приоритетом в пользу последней (привет, «низкопоклонство перед Западом»!). Между докладом на пленарке и докладом обычным, «заурядным». Особенно дико выглядит третирование научной работы – ведь речь идет об университете, недавно официально отнесенном к числу научно-исследовательских, – тех, которые, по мысли министра Ливанова, должны стать основными центрами развития науки. Вдобавок ко всему система неверно подсчитывает, а точнее часто не находит вообще, число ссылок на работы сотрудника в международных индексах цитирования Web of Science и Scopus, выдавая сплошные нули, даже если ссылки имеются...

Я отнюдь не хочу представить ИСТИНУ только лишь неким монстром и исчадием административного безумия. В конце концов, что ж тут делать, если «нас посчитали». Просто подсчеты могли бы быть более корректными и показательными: учитывать импакт-фактор журнала, объем публикации, может быть, индекс цитирования работы. При учете

объема монографии ликвидируется абсурдная ситуация, когда введенные в систему ретивыми авторами пособия и методички на двадцати страницах будут признаны столь же весомыми, как научные труды в триста или пятьсот страниц. Необходим учет такого рода работ, как подготовка публикации текста – исторического источника или литературного памятника и их научное комментирование. Пока что система, «заточенная» под ученых и преподавателей-естественников, такую деятельность вообще не видит.

Вопрос это не частный, касающийся отнюдь не только МГУ: системы библиометрического учета с разной интенсивностью вводятся едва ли не всеми институтами. Причем в обязанность сотрудникам вменяются порой неисполнимые или почти неисполнимые требования, как, например, обязанность для доцента СПбГУ печатать не менее одной статьи в год в журналах из Web of Science или Scopus.

Но совершенствование уродливого, или рационализация галиматии, коей является библиометрия, – это не единственная проблема. Плохо, криво, тупо, но библиометрические данные все-таки что-то говорят о научной деятельности преподавателя. Однако мне неизвестны случаи, когда низкие показатели были бы основанием для увольнения или понижения зарплаты. Равно как почти неизвестны примеры существенно материального поощрения за высокие и даже исключительно высокие показатели научной деятельности. Премии обыкновенно остаются «тринадцатой зарплатой», выписываемой или всем, или никому. Выплата надбавок часто диктуется усмотрением администрации, не основанном на ясных и однозначных критериях. Яркое и безусловное исключение, мне известное, – Высшая школа экономики, в которой выплачиваются регулярно очень большие надбавки за научные успехи. Конечно, Вышка по целому ряду причин (как учебное заведение, подчиненное не Минобразу, а правительству, но не только поэтому) находится в совершенно исключительном, «райском» в сравнении с другими университетами финансовом положении, но создание такой системы можно только приветствовать, а администрацию – лишь похвалить.

В других же институтах переход на эффективный контракт и учет публикационной активности приведет прежде всего к безмерному росту писанины для сотрудников: помимо традиционной бумажной отчетности появилась еще и электронная. Административное безумие в некоторых институтах, в том числе в тех, что презентуют себя *urbi et orbi* как рассадники академической свободы (как, например, РАНХиГС), оказалось за пределами...

На практике рост отчетности оказался сбором сведений ради сбора сведений, контролем ради контроля, основанным на идее превосходства чиновника над педагогом и на презумпции тотального недоверия к «преподу». Ни качество научной деятельности, ни плодотворность преподавания так проверить нельзя. А строго говоря, их нельзя проверить вообще.

Есть репутация педагога. Она не равна сумме отзывов студентов: оценить квалификацию и уровень лекции может далеко не каждый, тем более что для многих учащихся хороший преподаватель – это или «добрый» экзаменатор, или развеселый шоумен, который умеет «сделать красиво». Борьба со скукой преподавателям, конечно, надо, но среди дисциплин есть более и менее «тоскливые» и «нудные» по определению. А «истории», рассказанные скотницей Хавроньей фонвизинскому Митрофану, всегда окажутся для кого-то предпочтительнее лекций Грановского или Ключевского. Потребитель может оценить качество услуги: мало того, клиент, как известно, всегда прав. Однако образование (высшее, институтское прежде всего!), вопреки официально утвержденному в России определению, «услугой» не является. Оно выполняет социальную и духовную роль. Если хотите – миссию.

Есть также и репутация ученого. И ее не измерить никаким хиршем.

Осип Манделъштам как-то написал об университетском семинарии, «где пять человек студентов, знакомых друг с другом, называющих друг друга по имени и отчеству, слушают своего профессора, а в окно лезут ветви знакомых деревьев университетского сада» [12]. Этот милый домашний семинарий, это тепло домашности, неформального общения, вопреки всему сохранившиеся даже в советское время, стараниями нынешних бюрократов – контролеров и ревизоров от Минобраза и иже с ними – изгнаны, убиты. В университетские окна полезла нечисть и нежить из гоголевского «Вия». Отупляющая, бессмысленная, пощедрински абсурдная, доводящая до исступления писанина, жизнь под дамокловым мечом сокращения.

* * *

Отказаться от библиометрических критериев, невзирая на их уязвимость, по-видимому, все-таки нельзя. Но в таком случае необходимо сделать как минимум несколько вещей.

Во-первых, усовершенствовать систему учета и контроля и сделать ее единой хотя бы для всех ведущих государственных институтов,

имеющих статус научно-исследовательских. Я далеко не сторонник ранжирования учебных заведений (это всегда большая несправедливость, всегда дискриминация), но, если у государства нет или якобы нет средств на достойное поддержание всех, необходимо сделать это хотя бы для части. Научная работа не должна вменяться в обязанность любому институту – для многих (если не для большинства) достаточно трансляции готового знания студентам. При этом двери «элитного клуба» должны быть открыты и для других институтов – при достижении ими требуемых результатов. Для этого необходимы объективные критерии и разумный мониторинг⁶.

Во-вторых, ввести в научно-исследовательских университетах пропорциональное соотношение педагогической и научной работы, основанное на возможности пересчета части научной деятельности в учебные часы.

В-третьих, побудить, обязать и институты, и их подразделения вести широкую издательскую деятельность, обеспечивая сотрудников возможностью публиковать и статьи, и монографии. Сейчас издательская деятельность даже самыми известными институтами или практически не ведется, или влечит полуобморочное состояние. Естественно, эта деятельность должна быть обеспечена хотя бы частично государственным финансированием.

В-четвертых, если в качестве критерия эффективности вводится учет научной деятельности педагога по библиометрическим показателям, научная работа должна оплачиваться в соответствии с этими показателями. Единообразно во всех институтах одного ранга. Вариации в критериях и размере оплаты если и возможны, то минимальные.

В-пятых, институты – хотя бы имеющие равный статус, как научно-исследовательские университеты или педагогические, – должны иметь одинаковые условия финансирования и труда. Независимо от их ведомственной принадлежности.

Можно было бы предложить еще кое-что. Но достаточно и сказанного. Рассчитывать и даже надеяться на осуществление хотя бы этих пожеланий, боюсь, мог бы только прекраснодушный Манилов.

Потому что, в-шестых, необходимо противодействие педагогического цеха губительным инновациям, спускаемым свыше. 17 ноября 2012 г.

⁶ *Разработанные Минобразом критерии мониторинга разумными не назовешь (См. об этом, например: [13; 16]). Хотя некоторые самые вопиющие несообразности в последнее время были устранены.*

министр образования Дмитрий Ливанов в эфире информационной телепередачи «Вести в субботу с Сергеем Брилевым» на канале «Россия 1» разъяснил городу и миру, кто такие, по его мнению, институтские преподаватели, получающие по двадцать–тридцать тысяч рублей в месяц. «Давайте себе представим московский вуз. Средняя зарплата преподавателя – 20–30 тысяч рублей. Как это назвать? У меня есть несколько версий того, чем это может объясняться. Версия первая: это просто преподаватели невысокого уровня, готовые работать за эти деньги. Версия вторая: это преподаватели, которые подрабатывают в нескольких вузах, перебегая между ними. Версия третья: они просто перекадывают часть расходов по своему содержанию на студентов. И в том, и в другом, и в третьем случае такой вуз не может называться эффективно работающим...» – заявил главный начальник российского образования [11].

Со стороны преподавателей, скопом причисленных или к бездарям, или к ловчилам-жукам, бегающим из вуза в вуз, или к вымогателям взятки со студентов, естественно, раздались крики обиды, боли и негодования. Оскорбленные педагоги напомнили и о том, что за их грошовое жалованье несет ответственность именно правительство и прежде всего вверенное господину Ливанову ведомство, и о примерах поистине подвижнического отношения к профессии, о замечательных Учителях, невзирая на преклонный возраст и болезни, сеющих разумное, доброе, вечное и заслуживающих земного поклона, а не унижающих подозрений в некомпетентности или коррумпированности. В Интернете даже началась кампания по сбору подписей за отставку министра. Эта реакция была единственно возможной. Мало того, даже считаю, что она оказалась слишком слабой: требование об отставке, на мой взгляд, должны были выдвинуть не только отдельные преподаватели, но и вся институтская корпорация в целом – и не только в открытых письмах – челобитных, но и на митингах – оскорбление было нанесено всем педагогам. И противодействие безумным реформам, безосновательным увольнениям или их планам, чудовищному и необоснованному росту всякого бумагомарания должно (приходится скорее писать в прошедшем времени – должно было) принять характер общественного протеста, не исключая и митингов, и забастовок.

Стоит напомнить, что от наиболее радикального, уничтожающего плана преобразования Российской академии наук пришлось отказаться – в том числе и из-за митингов и пикетов. Можно вспомнить, что акции протеста дальнбойщиков в ноябре 2015 г. хотя и не закончились успехом, но привели хотя бы к тактическим отступлениям со стороны пра-

вительства. Митинги и тем более забастовки – формы крайние, в современной российской практике предпочитают обычно кулуарные договоренности и тихий саботаж. Однако иногда эти меры могут оказаться неизбежными. Нужно все-таки помнить, что слово министр означало некогда по-латыни слуга и что реальное оправдание существования любой администрации в образовании – это обслуживание интересов преподавателя. Впрочем, пока собратья по педагогическому цеху предпочитают пропасть поодиночке⁷.

**«ВЗГЛЯД И НЕЧТО»,
ИЛИ
ЗАСТАВЬ ДУРАКА ЕГЭ
СДАВАТЬ...**

Все социологические опросы дружно свидетельствуют: российское общество стойко не приемлет ЕГЭ⁸. Стойким противникам ЕГЭ не стоит, однако, радоваться. Отторжение вы-

звано противоречивыми и даже взаимоисключающими установками. С одной стороны, соотечественников не устраивает низкий уровень заданий ЕГЭ, включая «угадайку» в тестовой части; с другой – сложность экзамена, который якобы невозможно сдать без дополнительной подготовки и приход на который – невыносимый стресс для любимых чад.

Что касается заданий с выбором ответа, официальные инстанции (Минобраз, Рособрандзор и прочие) последнее время усердно рапортуют: избавление от «угадайки» произошло. Сие неправда. В ЕГЭ по русскому языку, например, вся тестовая часть построена на выборе правильного ответа из предложенных, только в отдельных случаях ответ усложнен, так как нужно выбирать не из четырех, а из большего числа комбинаций. (Впрочем, в некоторых заданиях это по-прежнему выбор из четырех – как в задании 13.) Но выбрать предложение, в котором нужно поставить одну запятую, или расставить одну либо две буквы **н** в словах, где отмечены все позиции для проверки, – это все равно тест, который с большей или меньшей вероятностью можно решить наобум.

⁷ Эта тенденция общероссийская: по данным «Левада-Центра» (опрос от 23–26 октября 2015 г.), большинство жителей России не поддерживают митинги, демонстрации и забастовки – как политические, так и экономические [19]. Как показали социологические исследования, «такие "мелочи", как медицина, образование и коррупция, конечно, продолжают обсуждаться в самом негативном ключе, но общего настроения (поддержки власти. – А.Р.) они не меняют» [3].

⁸ См., например, данные ряда опросов (в основном проведенных ВЦИОМ), обнародованные 6 октября 2015 г. [20].

Для реальной, серьезной проверки грамотности (а отчасти и уровня знаний по орфографии, пунктуации и грамматике) необходимо либо внедрять диктант, либо давать задания на переписывание текста, в котором пропуск букв и знаков вообще не отмечен, либо же предлагать экзаменуемым «испорченные» тексты, требующие исправления.

В полной мере сохраняется принцип выбора ответа в ЕГЭ по литературе: задание 3 (на знание текста) и задание 13 (на выявление средств выразительности в поэтическом тексте) – это «угадайка» в чистом виде. В широком же смысле слова «угадайками» являются все задания, включая одно из самых сложных – определение стихотворного размера, точнее метра. Русская рулетка «один из пяти», благо силлабо-тонических метров всего пять: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий и анапест, к тому же по частотности в абсолютном большинстве заданий даны ямбические стихи: ямб ведь в русской классике самый распространенный размер. Этак, глядишь, и Евгений Онегин ямб от хорея бы смог отличить. Вот если бы экзаменуемым самим вменялось в обязанность привести строку какого-нибудь поэта, да не просто написанную ямбом и хореем, а конкретным размером, то есть с количеством стоп, да еще чтобы был пиррихий или спондей на какой-нибудь стопе...

Пока же все свелось к чудовищному упрощению, постигшему ЕГЭ по русскому языку, – один из двух обязательных экзаменов. Очевидно, результаты школьной подготовки и сданных экзаменов оказались настолько удручающими, что экзаменационные задания решили «реформатировать» под Эллочку Людоедку: убрали напрочь словообразование, почти подчистую – морфологию и синтаксис! Фонвизинский недоросль, не знающий, что такое существительное и прилагательное, этот экзамен, глядишь, и сдал бы.

Руководитель Рособнадзора Сергей Кравцов в программе Михаила Швыдкого «Культурная революция» (телеканал «Культура», 1 октября 2015 г.) гордо заявил, что в России 95% сдают ЕГЭ. Учитель математики Евгений Бунимович метко парировал: да, во Франции сдают только 70%, опусти планку ЕГЭ ниже плинтуса, так и 100% выдержат испытание.

Определенную сложность в экзамене по русскому языку представляет лишь задание 25 – сочинение-рассуждение. Однако и его написать сносно и даже хорошо натасканному выпускнику не так уж трудно. Не так давно поборники исключения из числа обязательных экзаменов сочинения по литературе приводили как аргумент исчерпанность тем: сочинение перестает быть творческой работой, собирается, как пазл, из

готовых кубиков-блоков, пишется выражениями-клише⁹. Между тем аскетичное – объемом в 150 слов – сочинение-рассуждение (задание 25) в ЕГЭ по русскому языку, по существу сменившее прежний текст на литературную тему, как оказалось, подвержено стандартизации еще в большей мере: изданы специальные пособия, рекомендуемые, как собирать текст из готовых речевых клише, Интернет забит перечнями примеров-аргументов к большинству проблем, содержащихся в исходных текстах, рассуждать о которых должны экзаменуемые. Главный же изъян 25-го задания, на мой взгляд, в ином: нет «закрытого», конечного списка текстов (пусть сколь угодно большого) для поиска аргументов. Исходные тексты не скоординированы с русской классикой, изучаемой в школе. Ведь именно классика должна быть, по замыслу разработчиков, резервуаром аргументов для сочинения-рассуждения. Однако есть тексты в официальных версиях ЕГЭ (репетиционных), например, о влиянии Интернета на подрастающее поколение. Я-то знаю, как надо писать сочинение на такую тему, подыскивая аналоги Интернету в русской классике – разнообразные новые явления или новые идеи, обсуждаемые на страницах хрестоматийно известных произведений XIX или XX века. А знают ли школьники?..

Но, так или иначе, официальное объявление об отказе от тестовой части ЕГЭ в пользу заданий с развернутым письменным ответом хотя и не соответствует действительности, свидетельствует об отречении, пусть на словах, от самой концепции Единого государственного экзамена, предполагавшей обезличенную компьютеризованную проверку как основную форму оценки работ. Критерии оценки заданий с развернутым ответом и мини-сочинений по существу не поддаются формализации и допускают высокую меру субъективности – субъективности абсолютно неизбежной. Иной вопрос, насколько объективны и просто разумны ныне существующие инструменты оценки. Вот, например, такой параметр оценки для заданий ЕГЭ по литературе номер 9 и 16: «экзаменуемый отвечает на вопрос, указывает название двух произведений и их авторов, но не во всем убедительно обосновывает выбор каждого произведения <...> И убедительно сопоставляет одно или оба произведения с предложенным текстом в заданном направлении анализа <...>» (за такой ответ присуждается 3 балла) – чем он отличается от параметра: «экзаменуемый отвечает на вопрос, указывает название двух произведений и их авторов, не обосновывает выбор обоих произведений <...> И

⁹ См., например: [7; 10; 1; 9].

убедительно сопоставляет одно или оба произведения с предложенным текстом в заданном направлении анализа <...>» (а за это – только 2 балла)¹⁰. Как можно «убедительно сопоставить» произведения, если выбор их не обоснован? И разве может быть выбор обоснованным, если нет убедительного сопоставления? Причем речь идет об оценке ответа размером всего лишь в 5–10 предложений!¹¹

Построение целостного текста и даже связного высказывания, как и понимание прочитанного, – для многих школьников реальные проблемы. Утрата или деградация этих способностей связаны и с падением интереса к чтению, к книге, и с мощнейшим воздействием визуальной информации, и с формированием «клипового», сегментированного сознания, взращиваемого Интернетом, для которого характерна нелинейная организация информации.

Сочинение-рассуждение ЕГЭ по русскому языку положение вещей не выправляет. Казалось бы, ситуацию должно было исправить так называемое итоговое сочинение по литературе, введенное в 2014 г. в 11-х классах: и объем побольше (минимум 250 слов, рекомендация – 300¹²). Однако фактически это не сочинение по литературе, а эссе на свободную тему на литературном материале. Иными словами, сложный построенный текст и попытки анализа художественного произведения здесь не требуются. К тому же оценивается сей опус всего лишь по системе зачет/незачет, с допущением 5 ошибок на каждую сотню слов и другими послаблениями. При желании институт, в который поступает абитуриент, может накинуть за это сочинение до десяти баллов, обычно же не больше трех – негусто¹³. (Некоторые институты вообще не присуждают за итоговое сочинение ни одного балла.) Вот если бы сочинение оценивалось, например, по стобальной шкале и было обязательным условием для зачисления в любой институт – статус его стал бы действительно весомым. Сейчас же этот довесок – пришей кобыле хвост... «Взгляд и

¹⁰ Цит. по: [8, с.75–76]; подчеркнуто в оригинале.

¹¹ О других изъятиях шкалы оценки ЕГЭ по литературе см.: [4; 14].

¹² В 2014 году рекомендуемый объем был 350 слов. И здесь произошло послабление слабым ученикам...

¹³ Для сравнения: такое же количество баллов по недомыслию и под давлением с самого верха ведущие российские институты решили присуждать обладателям золотого или серебряного знаков ГТО. Спорт и интеллект, конечно, не всегда есть вещи несовместные, но приравнивать для поступающих в высшие учебные заведения «золотое» сочинение и серебряный знак физкультурника – абсурд.

нечто» – творение незабвенного Ипполита Маркелыча Удушьева из «Горя от ума».

Понятно, что при таком увеличении весомости сочинения многие лишились бы возможности получить высшее образование. Но почему высшее образование должно быть формально общедоступным в самом нехорошем смысле слова – то есть невзирая на уровень подготовки абитуриента? Ведь сейчас в соответствии с Распоряжением Рособрнадзора №794-10 от 23 марта 2015 г.¹⁴ по русскому языку для поступления на бакалавриат и в специалитет установлен минимум 36 баллов, по математике профильного уровня – 36, по истории и литературе – 32. Минимум же для получения аттестата: по русскому – 24 балла, по математике – 27¹⁵. По пятибалльной шкале все эти результаты – двоечные!

Если мы не хотим превратить в профанацию и ЕГЭ, и процедуру поступления в высшие учебные заведения, и обучение в оных (а я не верю – хоть убейте, что институт, принимающий с такими результатами ЕГЭ, способен дать серьезное образование) – планку надо поднимать. И значительно. Заодно можно и на числе бюджетных мест сэкономить. (С такими баллами иногда проходят не только на платное обучение!) Нынешнее положение, когда, говоря грубо, но точно: «Заставь дурака ЕГЭ сдавать – он и сдаст», нетерпимо.

Конечно, изменение статуса сочинения, повышение его значимости должно сопровождаться несоизмеримо более серьезной подготовкой к его написанию в школе, как и возвышением такого предмета, как литература. Но тут надвинулась новая напасть. В последнее время положение литературы в школе, и так униженной и оскорбленной, стало просто угрожающим. Все чаще и чаще в филологической и педагогической среде раздаются призывы ввести вариативность, происходят выпады против историко-литературного принципа изучения. Недавно, 21 сентября 2015 г., в программе А.Архангельского «Тем временем» эти идеи горячо и напористо поддержали персоны весьма известные, уважаемые и влиятельные: учитель литературы и русского языка Сергей Волков и филолог Дмитрий Бак – один из разработчиков концепции преподава-

¹⁴ «Об установлении минимального количества баллов Единого государственного экзамена, необходимого для поступления на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета, и минимального количества баллов Единого государственного экзамена, подтверждающего освоение образовательной программы среднего общего образования» [20].

¹⁵ См. документ на сайте Федерального института педагогических измерений [18].

ния литературы в школе; а ректор Московского городского педагогического университета Игорь Реморенко предложил, учитывая вкусы и склонности школьников, заменить что-нибудь из русской классики, например, Максом Фраем... Защитником же литературного канона, классики, приверженцем историко-литературного подхода в изучении изящной словесности в школе оказался один Сергей Зинин, член Федеральной предметной комиссии по литературе. Не ученый и не педагог, а чиновник от образования. Хотя С.Зинин – также автор официально одобренных тренировочных вариантов ЕГЭ по литературе, содержащих задания крайне неудачные, а порой, на мой взгляд, не вполне корректные, вынужден согласиться с ним, а не с его оппонентами, мне лично более симпатичными. Необходимо сохранение классического литературного канона, изучение литературы в школе в ее преемственности, в историческом развитии, как явления, вписанного в исторический и культурный контекст. Изучение литературы в школе если не обеспечивает, то должно обеспечивать культурную преемственность, формирование культурного языка и общего культурного пространства, в конечном счете – национальную идентичность. Можно возразить: это делается плохо, произведения часто даже не «проходят», а «пробегают» и «пролетают», читают мало, палкой любовь к литературе не привьешь... Но если изучение и обучение полно изъянов, разве из этого следует, что его нужно выбросить вообще? Образование (наши реформаторы этого никак не могут или не хотят понять) – вообще вещь затратная и «мало-эффективная», с относительно малым КПД. Не всех и не всему можно научить. Но надо пытаться научить тех, кто учиться способен и желает.

Впрочем, это мысли, очевидно, уже запоздалые: как выяснилось совсем недавно, уже существует и даже прошел некое экспертное обсуждение проект программы среднего образования, в которой русский язык и литература превращены в один предмет, задачами изучения литературы названы приобретение «опыта медленного чтения конкретных произведений отечественной и зарубежной литературы», «формирование умения самостоятельно создавать тексты различных жанров (ответы на вопросы, рецензии, аннотации, комментарии и др.) и природы (иные проектные и исследовательские работы о литературе и искусстве)». Знание истории русской литературы в ее связях с историей культуры, страны и государства подменяется скромным «знакомством с историей литературы: русской и зарубежной, литературной классикой и современным литературным процессом». Историко-литературное изучение произведений изящной словесности подменяется изучением текстов,

вырванных из культурного контекста и объединенных в несколько блоков: «проблемно-тематические» («Личность», «Личность – общество – государство» и проч.), «историко-литературные и теоретико-литературные» («Литература реализма», «Литература модернизма» и др.). Выбор «блока», в рамках коего будет изучаться литература, отдастся на откуп педагогу: обязательный список ликвидируется, число сочинений русских классиков в проекте существенно сокращено по сравнению с ныне существующим (и так не густым)¹⁶. Как этот варварский прожект, достойный пера Элочки Щукиной, может способствовать подлинному пониманию шедевров российской и мировой словесности и созданию мало-мальски серьезных «исследовательских проектов»?! Отвечать не нужно...

* * *

В заключение надо объясниться. Если говорить о высшем образовании – я отнюдь не против перемен в принципе. Я вовсе не идеализирую советскую систему образования, которая была заражена (в гуманитарной сфере, конечно, сильнее всего) идеологическим вирусом и в которой подбор преподавателей далеко не всегда осуществлялся по профессиональным качествам. Но не вижу я и никаких особенных преимуществ у системы западной. Элементы вариативности вполне возможны и в классической модели, собственно, спецкурсы и курсы по выбору такие возможности предоставляли.

Наверное и даже наверняка можно сокращать отдельные курсы. Наверное, в каких-то случаях при этом можно незначительно увеличивать число слушателей лекционных курсов. Оправданными могут быть какие-то сокращения преподавательского состава: из-за недостатка профессионализма, например, или по возрасту. В конце концов, если в образование внедряются западные модели и стандарты, то почему бы не установить и принятый в мире возрастной предел в шестьдесят пять лет. За и против этого можно, наверное, привести равное число аргументов: необходимость обновления преподавательского корпуса, необходимость свежего взгляда и новых сил против накопленных знаний и опыта и т.п. (Только сокращение не должно иметь целью рост нагрузки.) Да, необходим квалифицированный мониторинг институтов: многие дейст-

¹⁶ См. проект направления «Литература» в Интернете: [15], а также петицию протеста: [14].

вительно заслуживают быть закрытыми. Но все дело в том, что проводимые или объявленные реформы *de facto*, кажется, не определяются никакими серьезными планами, кроме разве что сокращения расходов. В ситуации тяжелейшего кризиса эта задача, несомненно, осмысливается как главная.

Крайне вредны постоянные изменения в образовании, перемена правил. Материалы ЕГЭ по русскому языку, например, за несколько лет существования, с 2007 года, менялись пять раз – перемены происходили и в заданиях, и в критериях их оценки. В университетах на год были отменены собственные экзамены (так называемые внутренние, или дополнительные, испытания), через год в большинстве самых известных университетов – восстановлены, хотя и в меньшем числе. После почти многолетнего существования двух обязательных ЕГЭ Министерство образования вдруг осознало, что помимо них нужны еще два – история и английский язык, причем по основаниям, в последние годы воспринимающимся едва ли не как взаимоисключающие: история – по патриотическим и, боюсь, идеологическим¹⁷ мотивам, а английский – ради открытости западному миру. Надо признать: постоянные изменения, переходящие в шараханье из стороны в сторону, происходили последнее время в самых разных областях жизни, например в правилах парковки и эвакуации автомобилей в Москве, в оплате штрафов и еще во многом. Для страны, в которой уважение к закону – явление едва ли не раритетное, такая тенденция совершенно нетерпима, ибо содействует правовому нигилизму. А в образовании еще и дезориентирует учащихся, не знающих, к чему надлежит готовиться.

Пока реформы образования проводятся авторитарно-бюрократическим манером, без реального широкого обсуждения в педагогической среде, без серьезных дискуссий, без прислушивания власть имущих к голосу оппонентов – ничего хорошего не будет. А пока все эти инновации-модернизации будут проводиться так, как это происходит сейчас, невозможно верить никаким патриотическим декларациям, звучащим сверху. Потому что образование – это сила и достоинство страны.

Нужно лишь признать: образование – тонкий инструмент, а все инновации последних лет – это манипуляции слона в посудной лавке. И понимать, повторю еще раз, что образование – система весьма косная,

¹⁷ *Что бы ни говорилось об идее единого учебника истории, проект незабвенного Козьмы Пруткова «О введении единомыслия в России» вспоминается неизбежно.*

инертная и малоэффективная по своей сути. Блистательный филолог Михаил Гаспаров как-то заметил по поводу образования школьного: «...мне кажется, что школьники все лучшее узнают не из учебников, а из научно-популярной литературы». О своем студенческом времени он вспоминал так: «Для меня самообразование было важнее: я необщителен, личность учителя и соседство товарищей скорее мешали мне понять урок или лекцию, а не помогали. Знакомым студентам я говорю: "Помните, что университет – это пять лет, подаренные Вам для самообразования, которому мешают лишь мелкие досадные заботы, например, посещение лекций". Но, конечно, человеку другого душевного склада будет легче воспринимать науку с голоса и в компании. Если повезет попасть к хорошему учителю – это большое счастье. Но ведь учебники, а тем более научно-популярные книги для того и существуют, чтобы помочь тем, кому не повезло попасть к хорошему учителю. Хороших учителей – сотни, а тиражи у книг – тысячные» [5]. А замечательный и разносторонне образованный, обладавший глубокими знаниями в русской истории педагог В.С.Смирнова однажды ответила на вопрос своего ученика, в будущем легендарного преподавателя филологического факультета МГУ Н.И.Либана, «Варвара Сергеевна, а Вы на истфаке учились?» словами: «...Важно не факультет, а важно чтение, но еще больше – раздумье над тем, что ты читаешь» [17, с. 80, выделено в оригинале].

Студенческие годы, особенно для гуманитариев, которым не требуются лаборатории и эксперименты, часто дарят не столько знания, полученные на занятиях, сколько среду и опыт общения – и со сверстниками, и с преподавателями, и с мудрыми книгами, о которых они услышали от лучших педагогов. И этот бесценный опыт – подлинный признак эффективности образования в лучшем и высшем смысле слова.

Библиографический список

1. Айзерман Л. Гордиев узел не развязывают – разрубают: Вступительные сочинения нужно отменить как пережиток // Учительская газета. 2006. 27 июня.
2. Аронов Н. На уничтожение российского образования отпущено шесть лет // Гражданская инициатива: За бесплатное образование и медицину. URL: <http://netreforme.org/news/na-unichtozhenie-rossiyskogo-obrazovaniya-otpushheno-shest-let/> (дата обращения: 20.11.2015).

3. Борусьяк Л., Левинсон А. Гордость не порок: за что россияне Родину полюбили. URL: www.rbc.ru/opinions/society/05/11/2015/56339da9a7947dfo115fe4a (дата обращения: 16.11.2015).
4. Бушканец Л. ЕГЭ и литература. Две вещи несовместные? // Новый мир. 2014. №12. С.142–156.
5. Гаспаров М.Л. О школе и образовании (из интервью для газеты «Первое сентября») // Гаспаров М.Л. Филология как нравственность: Статьи, интервью, заметки / Сост. и ред. А.М.Зотовой. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. С.209–215.
6. Данилова А. Эффективный контракт уводит школы от риска, но уменьшает шансы на прорыв. URL: <http://ug.ru/article/716> (дата обращения: 20.11.2015).
7. Десять гуманитариев в поисках университета: Круглый стол о судьбе гуманитарного образования в России // Неприкосновенный запас. 1998. №2. С. 16-28 (выступление К.М.Поливанова).
8. ЕГЭ: типовые экзаменационные варианты: 10 вариантов / Под ред. С.А.Зинина. М.: Национальное образование, 2016. 80 с.
9. Загидуллина М. Неодолимая сила // Новое литературное обозрение. 2006. №80. С. 184-190.
10. Кронгауз М. Сочинение: за и против. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199902201> (дата обращения: 15.01.2015).
11. Ливанов: до 30 тысяч в России зарабатывают педагоги невысокого уровня. URL: <http://www.newsru.com/russia/17nov2012/livanov30.html> (дата обращения: 21.11.2012).
12. Мандельштам О. О природе слова // Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т.2: Проза / Сост. и подг. текста С.Аверинцева и П.Нерлера; Коммент. П.Нерлера. М.: Художественная литература, 1990. С. 172-186.
13. Неклюдов С. Гильотина как эффективное средство от мигрени: О разгроме высшего образования. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/27/edu/> (дата обращения: 15.01.2013).
14. Ранчин А. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». О статье Лии Бушканец «ЕГЭ и литература. Две вещи несовместные?» // Новый мир. 2015. №3. С.163–170.
15. Ранчин А. Диссертации, рейтинги, индексы: о критериях оценки научной деятельности // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2014. №1 (93). С.185–191.

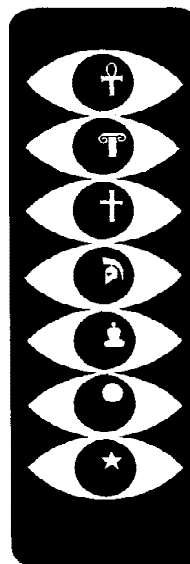
16. Ранчин А. Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России // Новый мир. 2013. №7. С.171–192.
17. Рассказывает Николай Иванович Либан // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана / Сост.: В.Л. Харламова-Либан. М.: Кругъ, 2015. С. 75-114.
18. Распоряжение Рособнадзора №794-10 от 23.03.2015. URL: http://www.fipi.ru/sites/default/files/document/normativ/min_porog_ege_2015.pdf (дата обращения: 15.11.2015).
19. Россияне еще больше потеряли интерес к протестным акциям. URL: <https://news.mail.ru/politics/23898740/?frommail=1> (дата обращения: 15.11.2015).
20. Россияне считают недостаточным объем школьных знаний для сдачи ЕГЭ. Также граждане поддерживают исключение из Единого государственного экзамена тестовой части. URL: <https://news.mail.ru/society/23533228/> (дата обращения: 8.10.2015).

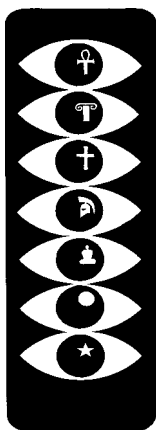
Высшие классы общества, стоявшие ближе к преобразователю, были глубже захвачены реформой и могли лучше понять ее смысл. Реформа давала им много побуждений усердно содействовать стремлениям Петра. Многообразными нитями эти классы успели связаться с западноевропейским миром, откуда шли преобразовательные возбуждения. Правительство, комплектуемое из этой среды, волей-неволей должно было поддерживать созданное Петром влиятельное положение России в Европе, а для успеха дипломатических сношений не ослаблять и культурных связей с нею. В ту же сторону тянули и перемены в социальном и племенном составе этих классов.

В.О.Ключевский

Петр не поддавался искушению, не принял предложения вести дело успешно с людьми выученными, вполне подготовленными, но иностранцами, хотел, чтоб свои, русские, проходили деятельную школу, хотя бы это стоило и больших потерь, сопровождалось большими неудобствами...

С.М.Соловьев

Владимир Дегоев

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ЭТАПЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)05

В настоящей статье, первой из серии, посвященной дипломатии Петра I на заключительном этапе русско-турецкой войны 1686–1700 годов, прослеживается ход подготовки Карловицкого конгресса, где предстояли сложнейшие переговоры о мире между Священной лигой (Австрия, Венеция, Польша, Россия) и Османской империей. Острые разногласия внутри лагеря союзников придали этому процессу мучительный и непредсказуемый характер.

The first in the series this article deals with Peter the Great's diplomacy at the final stage of Russo-Turkish War of 1686–1700. The peace negotiations were to be conducted at Karlowitz between the Holy League (Austria, Venetia, Poland, Russia) and the Sublime Porte to try to reach an uneasy compromise. As the author argues in the opening part of his text, the conflicting interests of the allies seemed obvious enough to make the chances for success slim.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1684–1700 гг.; Священная лига (1684–1699 гг.); Карловицкий конгресс; Петр I; П.Б.Возницын; император Леопольд I.

Key words: Russo-Turkish War of 1684–1700; Holy League (1684–1699); the Congress of Karlowitz; Peter the Great; Procopius Voznitsin; the Emperor of the Holy Roman Empire Leopold I.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

Тема предлагаемой серии статей связана с непростыми вопросами, которые почему-то не принято относить к категории дискуссионных. Была ли у Петра I целостная, системная внешнеполитическая стратегия или она складывалась из ситуативных ответов на международные конъюнктуры, а уже потом, в исторической ретроспективе приняла вид Большого проекта (*Grand design*)? Как далеко прочерчивала государева мысль географические границы, жизненно необходимые для России? Стоит ли считать головокружительный поворот царя с южного направления (Крым, Черное море, Турция) на западное (Балтика) своевременным и безальтернативным? Какие территории смог бы приобрести Петр, если бы он в течение двух десятилетий тратил гигантские материальные и человеческие ресурсы страны не на прорубку «окна в Европу», которое рано или поздно досталось бы России с гораздо меньшими жертвами, а на методичное продвижение на юг? Разумеется, мы ставим эти вопросы в гипотетическом плане и лишь перед теми историками, которые находят их приемлемыми.

I. Томительный пролог к Карловицкому конгрессу

Закат Священной лиги

Когда Петр со свойственной ему энергией и верой в победу взялся за строительство боевого флота на Дону и модернизацию сухопутной армии, в русско-турецкой войне (1686–

1700) явственно обозначилась прежде не знакомая ей динамика, не сулившая Порте ничего хорошего. Первым признаком стратегического перелома не только в этой войне, но и практически во всей истории противоборства между Россией и Османской империей стало завоевание Азова в 1696 году.

Царь был переполнен решимости развить успех. Он безраздельно посвятил себя одной задаче – создать на юге обширный плацдарм, накопить там военно-морские силы, обеспечить их эффективной инфраструктурой в виде системы укреплений, портов, арсеналов, коммуникаций. Небывалые масштабы военных приготовлений указывали на то, что петровские геополитические горизонты отнюдь не упирались в устья Дона и Днепра, а простирались намного дальше – южнее, восточнее, западнее.

Петр спешил использовать и благоприятные международные обстоятельства: Россия вела войну в составе антиосманской Священной лиги (Австрия¹, Венеция, Польша). Однако к середине 1690-х годов,

¹ Полное тогдашнее название: Священная Римская империя германской нации.

русские союзники, воевавшие уже более десяти лет, стали выдыхаться. Англичане и голландцы, имея на то свои виды, упорно хлопотали о мире. Опасаясь преждевременного распада союза, Петр в составе Великого посольства отправляется в Европу. Царский указ от 6 декабря 1696 года прямо объясняет цель этой беспрецедентной дипломатической миссии – «подтвердить древнюю дружбу и любовь (к европейским монархам. – В.Д.) для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, салтана Турского, хана Крымского и всех бусурманских орд, и к вящему приращению государей христианских» [3, с.6].

Когда Петр приехал в Вену (июнь 1698 г.), его опасения подтвердились: австро-турецкие (по сути сепаратные) переговоры о мире шли полным ходом. Он с возмущением узнал, что в основу переговоров положен принцип *uti possidetis*². Более того, уже известно было место проведения будущего мирного конгресса – местечко Карловиц³.

Австрийскому императору (цесарю) Леопольду I царь ясно дал понять, что это – вопиющее нарушение союзнического обязательства не прекращать войну в одностороннем порядке. На платоническое обещание венских дипломатов учитывать интересы России Петр не обратил никакого внимания. Он готов был воевать дальше, и, видимо, с намерением найти более надежного союзника, чем Австрия, собирался из Вены ехать в Венецию. Но тут из Москвы пришло сообщение о новом стрелецком бунте. Царь, бросив все дела, помчался в Россию.

Вместо себя он оставил опытнейшего дипломата Прокопия Богдановича Возницына, которому царской грамотой от 19 июня 1698 г. была дана «полная и совершенная сила и мочь» действовать от имени «нашего Царского Величества» и подписать «пристойный и нам потребный» мир, учитывающий «все наши пользы и прибитки» [2, стб.4]. Сообщая об этом Леопольду, Петр неслучайно оговаривается: «если до того (подписания мира. – В.Д.) дойдет». Он делает акцент на «пристойных статьях» будущего трактата, выражая уверенность, что «по обязательству союза и по древней к нам вашей дружбе [...] в тех мирных договорах наше Царского Величества желание, надлежащее к пользе нашей и всего христианства, презренно оставлено [...] не будет» [2, стб.3].

П.Б.Возницын оказался в труднейшем положении. На первый взгляд, ему предоставлялась широкая свобода действий. Но что она означала в реальности? Какой мир, с точки зрения «всех наших польз и

² У каждого остается то, что им завоевано на момент прекращения боевых действий.

³ Историческое название сербского города Сремски Карловцы.

прибытков», удовлетворит царя? А если «пристойного и нам потребного мира» добиться не удастся, то подразумевал ли такой поворот разрешение взять курс на срыв переговоров?

Точных распоряжений на этот счет Петр не дал. И причина, возможно, не только в спешном отъезде в Москву. Похоже, царь сам находился в мучительном поиске оптимального соотношения между военными и дипломатическими средствами достижения геополитических целей России.

Оставалось лишь посочувствовать П.Б.Возницину, который волею обстоятельств был приговорен к каторжной необходимости едва ли не ежедневно гадать о том выборе, который сделает Петр в столь запутанной международной обстановке. Или уже сделал.

Прокопий Богданович слишком хорошо знал, что неспособность исполнять четкие монаршие приказы так же строго наказуема, как и неумение додумывать смутные монаршие указы...

Каждый за себя

30 июля 1698 г., почти за три месяца до начала Карловицкого конгресса состоялась конференция Возницина с высшими дипломатическими чинами Австрии – имперским канцлером Кинским, подканцлером Кауницем, президентом гофкригсрата⁴ Штарембергом и вторым (австрийским) канцлером Буцелини.

Накануне встречи Прокопий Богданович доставил хозяевам много хлопот своим дотошным вниманием к церемониальной стороне дела, ясно давая понять, что он представляет не какое-то рядовое государство, а державу и державного монарха. Три из пяти предъявленных условий были приняты без особых проблем. По двум же возник спор. Возницин настаивал, чтобы конференция проходила не в «цесарской канцелярии» (министерстве иностранных дел), а в «Цесарского Величества дворе» (дворце), и чтобы в ее преддверии император Леопольд дал ему аудиенцию. Первое требование австрийцы, возможно прошупывавшие собеседника, попытались отвергнуть, ссылаясь на отсутствие исторических прецедентов. Блеснув эрудицией, Возницин такой прецедент привел незамедлительно. Хозяева отступили. Но в вопросе об аудиенции у цесаря они были непреклонны, и тут уж уступил Прокопий Богданович [2, стб.15–17, 28–29, 41–44].

⁴ Придворный военный совет.

Прокопий Богданович Возницын

На конференции 30 июля Возницын, после пышных заверений о том, что Петр преисполнен желанием пребывать в «братской дружбе и любви» с Леопольдом, заявил о неизменной готовности царя, в соответствии с буквой и духом союзного договора от 29 января (8 февраля) 1697 г.⁵, «войну против басурман (турок и крымских татар. – В.Д.) всеми своими силами вести не токмо сухим путем, но и морем». Известив австрийцев о «непрестанных воинских трудах» Петра в низовьях Днепра, Возницын сказал, что учиняется «генеральное приготовление на турков и та-

тар», ради которого были потрачены «многие миллионы» на создание современного флота (70 кораблей, большое количество фурагов и бригантин) и совершенствование сухопутной армии. И все это будет приведено в действие весной 1699 г. Царь надеется, что и Леопольд «со своей стороны, над неприятелем по союзному обязательству воинский промысел чинить изволит». Если же идти на мировую, то лишь на условиях, устраивающих всех участников Священной лиги [2, стб.45–48]. Прокопий Богданович фактически потребовал от цесарских уполномоченных твердого обязательства не заключать мир без должного удовлетворения интересов России и без конкретного уговора о том, какое именно вознаграждение получит она за свои труды и жертвования в общем деле войны христианской [3, с.252–253].

Возницын с удовлетворением отмечал исключительное внимание австрийской делегации к каждому его слову (несколько человек одновременно вели протоколы). Цесарцы, выслушав Прокопия Богдановича, попросили его конкретно сформулировать требования России к Порте.

⁵ 29 января 1697 г. в Вене был подписан русско-австрийский договор, подтверждающий взаимные союзные обязательства в войне против Османской империи.

Посол деликатно уклонился от преждевременных формулировок. Он не желал открывать карты, пока этого не сделают союзники. Похоже, Прокопий Богданович догадывался, что точный список русских условий даст Вене простор для маневра и время для их блокирования. Он поставил вопрос шире: если одной из воюющих сторон является Священная лига, то ее участники обязаны действовать сообща. Это значит, что условия мира должны быть согласованы и предъявлены «общему неприятелю» вкуче. Возницын напоминает статьи коалиционного (в определенном смысле перестраховочного) договора от 29 января 1697 года, где все это прописано ясно и подробно. Закулисные игры Вены являлись грубейшим нарушением союзных соглашений, о чем посол говорит вполне откровенно [2, стб.49–50].

Цесарцы отвергли упреки Возницына, не найдя ничего лучшего, как сослаться на технические трудности. Австрийцы заявили, что на конгрессе будет действовать принцип «каждый за себя», и русским никто не запрещает самим определять меру своих требований к Порте в соответствии с формулой *uti possidetis*. Единственное, что было обещано русскому послу, заключалось в обещании (исполненном лишь отчасти) уведомлять его о ходе австро-турецких переговоров [2, стб.50]⁶. Звучала и скрытая угроза: если Возницын будет бойкотировать конгресс, то вообще лишится возможности выторговать для России хоть что-нибудь. Дальше повторился обмен аргументами, которые приводились в ходе переговоров Петра с Леопольдом и его канцлером, с той лишь разницей, что с Возницыным цесарские дипломаты не особенно церемонились. Вот эти доводы.

Возницын: «Это начало (*uti possidetis*. – *В.Д.*) допущено волею одного цесаря без общего согласия, и Российский Государь не может довольствоваться только тем, чем ныне владеет».

Австрийцы: «Запросы всегда объявляются тому, с кем война. Цесарю и знать неужудно, кто чего себе желает. От союзников он ничего не требует, и они вольны помогать у турок на конгрессе всего, чего хотят, не стесняясь принятым началом. Притом же война еще не кончилась, и перемирия с турками нет: если счастье послужит императорскому (русскому. – *В.Д.*) оружию, его величество оставит за собою все, что вновь завоеует; тем же правом могут воспользоваться и союзники в случае успехов их собственного оружия» [2, стб.54–55; 3, с.253].

⁶ Иначе говоря, австрийцы заявили Возницыну, что будут ставить его перед фактом.

Цесарцы пропустили мимо ушей заявление Возницына о необходимости соблюдать обязательства, взятые Австрией по договору 29 января 1697 г., тем самым фактически дезавуировав ее подпись под этим соглашением и признав главную роль Вены в развале Священной лиги. Прокопий Богданович не унимается, напоминая, что срок истечения наступательного союза против турок наступает лишь через полтора года. В ответ он вновь слышит слова о том, что вырабатывать общую позицию не с кем, а на съезде каждому представится возможность выдвигать неприятелю собственные требования [2, стб.55]. Беседа с обеих сторон принимает тавтологичный характер. Главные аргументы были истрачены, и все впустую [2, стб.55–57]. Утешением Возницыну могла служить разве что отменная церемониальная вежливость цесарских дипломатов. Впрочем, это тоже было немало, принимая во внимание ту бесцеремонность, которую они, к примеру, демонстрировали в общении с польским послом.

Ответ на законный вопрос – сохранила ли Священная Римская империя какое-то уважение к международным законам? – Возницын, конечно, предпочел бы услышать от самого Леопольда, которому было направлено соответствующее письменное представление. Неделию спустя император через графа Кинского объяснил, что не может отвергнуть турецкое предложение о мире, которого хотят его подданные и которого требуют посредники – короли Испании и Англии, а также генеральные штаты Голландии. Леопольд обещал приложить все старания для удовлетворения своих союзников, но они (подразумевалась, конечно, Россия) не вправе указывать ему, что именно требовать от Порты на конгрессе. Что касается времени, оставшегося до его открытия, то в течение этого периода вообще бессмысленно предъявлять Турции, еще не сложившей оружие, какие-либо условия. Чтобы смягчить жесткий тон австрийского ответа Возницыну, высокий профессионал Кинский на всякий случай добавил в заключение вежливые, хотя и пустые, строки: «Его императорскому величеству (Леопольду. – *В.Д.*) весьма приятно слышать о неутомимых приготовлениях Российского государя к войне с врагами святого Креста, чем без сомнения ускорится дело мира; но как (поскольку. – *В.Д.*) будущее неизвестно, то и не следует пренебрегать настоящим» [3, стб.253–254].

Обращает на себя внимание одна любопытная деталь. Леопольд не скрывает, что одобряет военные приготовления России, но они важны для императора лишь как средство «ускорения дела мира». Что получит

Петр, его интересует ровно в той степени, в какой это будет способствовать прекращению состояния войны между Веной и Стамбулом.

При всем уважении к казуистическому искусству Кинского (а более чем вероятно, текст писал он), основные его аргументы даже в глазах дипломата менее искушенного, чем Возницын, выглядят, мягко говоря, неубедительными. Можно ли всерьез воспринимать апелляцию Леопольда к волеизъявлению своих подданных? Кто в те времена считался с мнением народа, тем паче во внешнеполитических вопросах, относившихся к области исключительных привилегий властей предержавных? Совершенно странным представляется также ссылка на требования посредников (Испании, Англии, Голландии). Эти требования, не имеющие никакой юридической силы, без зазрения совести ставятся выше официальных союзных договоров государств-участников Священной лиги. И как-то уж совсем по-простецки обиходно звучит мотив «лучше синица в руке, чем журавль в небе».

В донесении Возницына о встрече с цесарскими представителями Петр, едва ли надеявшийся на перемену австрийской позиции, не нашел для себя ничего нового. Разве что еще прочнее утвердился в идее о дипломатии как о служанке войны – идее, несвоевременной на тот момент, ибо все помыслы его союзников по Священной лиге сосредоточились на мирном договоре. Однако в этих помыслах не было места для интересов России, и Петр твердо вознамерился осваиваться с данной реальностью не за столом переговоров, а на воронежских верфях.

Вместе с тем, государь, не желая нарушать правила европейских дипломатических игр, согласился, хотя и с крайней неохотой, послать свою делегацию на Карловицкий конгресс, где предстояло заключить мир между Священной лигой и турками [3, с.247]. Вполне вероятно, главным мотивом, обусловившим решение Петра, была вовсе не вера в возможность склонить Порту к уступкам, а должное осознание самого факта беспрецедентного в истории участия русских дипломатов в международной конференции такого уровня. Руководителем делегации царь, естественно, назначил многоопытного Возницына, хорошо изучившего и европейскую дипломатическую технику, и османские лукавые приемы. «Священные» союзники были для России, по-своему, не менее сложными контрагентами, чем турецкие противники.

Петр понимал это не хуже Возницына, перед которым он поставил задачу, на первый взгляд, вполне классическую для анналов дипломатии – поднять планку требований до максимума, чтобы получить необходимое. Царский наказ предписывал в качестве идеальной цели не

допустить прекращения войны и в качестве цели практической – добиваться от турок передачи России помимо территорий, завоеванных русским оружием, еще и Керчи. В крайнем случае, отказаться от этого требования и удовольствоваться принципом *uti possidetis* [3, с.247].

Государь, однако, прекрасно понимал и другое. Турки не согласятся и на этот принцип, и предпочтут прибегнуть к приему, в котором не было им равных: затеют нескончаемый, способный вымотать кого угодно спор по всему спектру русско-османских противоречий [3, с.248]. Не потому ли Петр тем легче согласился на *uti possidetis*, что не верил в согласие Порты на такую формулу? И не потому ли, что был убежден: участники конгресса не имеют ни малейшего желания тратить свое время на эту, совершенно периферийную для них дискуссию?

Стало быть, не с решениями конгресса связывал Петр свои планы. А с чем же? С последующими двусторонними русско-турецкими переговорами? Конечно, но при одном принципиальном условии: предметное содержание этих переговоров, должно выйти за рамки тех требований, которые предъявил Возницын. Добиться такого от Стамбула дипломатическим путем было абсолютно нереально. Поэтому нам представляется, по меньшей мере, неточным утверждение Н.Г.Устрялова о стремлении царя «как можно скорее прекратить распрю на юге, чтобы сосредоточить свои силы на севере» (См., к примеру: [3, с.247–248]). Вопрос стоял не о «как можно скорее», а о «как можно выгоднее для России». Нет нужды объяснять, что это совершенно разные вещи.

Проблема по имени «Возницын»

Тем временем английский и голландский послы в Вене лорд Вильгельм Пэдджет и Якоб Кольер, выполнявшие функции посредников между Священной лигой и Осман-

ской империей, полным ходом вели переговоры с турками в предместьях Белграда, «дабы наискорее к съезду (конгрессу. – В.Д.) поступлено было» на основании принципа *uti possidetis*, о котором, как писали они Кинскому, «нечего спороваться» (и спорить нечего). Посредники также сообщали, что переговоры идут в удобном для Вены направлении. Об интересах других союзников не было и слова [2, с.30–32].

Имея основания не доверять обещанию австрийцев держать русского посла в курсе событий, Возницын развернул бурную деятельность по сбору собственной информации, способной помочь сориентироваться в планах союзников и турок. Его донесения в Москву похожи на поден-

ный дневник, где он дает в одном случае просто факты, в другом – свое видение их. В венском дипломатическом корпусе Возницын был отнюдь не посторонней фигурой. Своим появлением в Европе Петр заметно повысил моральный авторитет людей, представлявших Россию за границей. Да и сам Прокопий Богданович профессионально мало чем отличался от европейской дипломатической аристократии, своеобразным доказательством чего являлась ее подчеркнутая обходительность с петровским уполномоченным, нисколько не противоречившая стремлению обыграть его «по всем правилам» профессионального искусства.

31 июля к Возницыну явился секретарь лорда Пэджета Штарлат⁷ сообщить лишь о самом факте переговоров с турками на предмет прекращения военных действий и уточнения организационно-процедурных аспектов будущего конгресса. О конкретном содержании этих переговоров он, естественно, умолчал. Тем же днем был у Прокопия Богдановича польский посланник в Вене ксендз Гамалинский (еще не имевший официальных полномочий на участие в будущем конгрессе). Он с возмущением говорил об эгоистической политике австрийцев, которые прямо заявили об отсутствии у Речи Посполитой, как у недееспособного и недееспособного государства, права выставять какие-либо претензии. Пока Австрия воевала с османами, поляки «ничего не делали, только французские факции (профранцузские политические интриги. – В.Д.) строили и сеймы разрывали [...] и, вместо бусурман, сами себя воевали, и дрались, и ныне дерутся». Успехи Священной лиги добыты де австрийской «кровью и многотрудными подвигами, а не их польскою помощию». В беседе с Возницыным Гамалинский не комментировал, за излишностью, всем известное внутреннее состояние Польши, но признал наличие разногласий между польским королем Августом II и шляхетским сеймом, в том числе в вопросе об условиях мира с Портой. Самое любопытное заключалось в том, что ксендз, ни словом не обмолвившись об интересах России, настоятельно попросил (если не сказать потребовал) Возницына о дипломатической помощи, неоказание которой будет «явным нарушением» Вечного мира 1686 года⁸ (между прочим, не ратифицированного польским сеймом) [2, стб.57–60].

⁷ Возможно, искаженное Старлинг или другое.

⁸ Согласно этому договору, Речь Посполитая отказывалась в пользу России от Левобережной Украины, Киева, Запорожья, Смоленска и Чернигово-Северской земли. Вечный мир снимал препятствия к вступлению России в антиосманскую Священную лигу.

Ни один шаг Возницына не оставался без внимания австрийцев, справедливо опасавшихся, что его деятельность может помешать заключению сепаратного мира. Русский посол становился для Вены все более заметным препятствием на пути осуществления ее внешнеполитических планов. От Возницына исходила потенциальная угроза образования дипломатического альянса (Россия, Польша, Венеция), выступающего против прекращения войны на условиях, выгодных только Вене. После первого общения с Прокопием Богдановичем отменно вежливые хозяева поняли, что нейтрализовать активность этой «темной лошадки» следует симметричными дипломатическими усилиями с целью убедить его в одном: до прекращения войны с турками еще очень далеко, если это вообще возможно.

Показателен в этом отношении визит Возницына к имперскому обергофмейстеру, графу Дидрихштейну (2 августа 1698 г.). Радужно встретив гостя у самой кареты и проводив в свои палаты, главный дворецкий Леопольда, в ответ на высказанную послом озабоченность слухами о заключении австро-турецкого перемирия без согласия союзников, поспешил успокоить посла. «Армистии (перемирия. – В.Д.) [...] с неприятелем никакой нет», – утверждал Дидрихштейн, с уверенностью добавляя, что он ее и не чает. Во-первых, турки толкуют о перемирии только потому, что им нужна срочная передышка. Во-вторых, австрийская армия стоит против османской в полной боевой готовности. В-третьих, французы никогда не допустят прекращения войны. «Искренность» своих слов он подкрепил церемониальным провожением Возницына до стоявшего у крыльца экипажа [2, стб.65–66].

Прокопия Богдановича беспокоило то, что австрийцы и посредники (англичане и голландцы), держат в секрете содержание белградских переговоров⁹ о прекращении военных действий. Это было чревато таким оборотом событий, при котором в условия перемирия будут заложены основные положения будущего сепаратного мира. Желая развеять опасения Возницына, австрийская дипломатия внушала ему, что все проблемы будут решаться на конгрессе. При этом усиливался акцент на идее о том, что Порта хочет мира.

В свете имеющихся исторических документов мысль об отсутствии альтернатив продолжению войны выглядит не бесспорной. Из-за дефи-

⁹ С конца лета 1698 г. в Белграде при посредничестве англичан и голландцев и практически тайне от участников Священной лиги шли австро-турецкие переговоры не только о прекращении военных действий, но и о дележе территорий.

цита фактов невозможно составить исчерпывающее представление о предконгрессной стратегии Вены. Даже при самом скрупулезном анализе ее, остается место для непроясненных вопросов и осторожных гипотез. Был ли внешнеполитический штаб Леопольда полностью уверен в готовности турок к удовлетворению австрийских требований? Что собирался делать император в случае провала переговоров о перемирии? Как его дипломатия оценивала шансы уже в ходе самого конгресса исторгнуть у турок искомое?

Тут можно лишь предполагать. К области вероятного и логичного, но не доказуемого, относится и следующее предположение. Австрийцы опасались преждевременного дипломатического раскола внутри формально еще существовавшей Священной лиги. Во главе этого раскола мог встать Возницын, объединив вокруг себя недовольных (поляков и венецианцев), поскольку он загодя начал работу в опасном для Вены направлении, оказывая давление и на нее тоже. Ситуация для австрийцев осложнялась тем, что до поры до времени русский дипломат был единственным послом в Вене, обладавшим «полной мочью» для подписания любых международных документов, и с ним нельзя было обращаться как, к примеру, с Гамалинским. Его решительность, в глазах австрийцев, не исключала, что он пойдет по пути создания русско-польско-венецианской «коалиции» для бойкота конгресса. Последствия такого поворота были непредсказуемы.

Так это или нет, но Возницын какое-то время находился если не в центре, то уж точно не на обочине венского дипломатического пейзажа. Видимо осознав, что разговорами о маловероятности прекращения войны усыпить бдительность посла не удастся, цесарцы стали перекладывать акцент на тему о неизбежности мирных переговоров, а значит о неизбежности участия в них русского посла. С таким извещением приехал к Возницыну (3 августа) помощник Леопольда граф Кениксакер (в иных документах – Кеник Сакер). В ответ на сообщение о готовности Порты отправить своих уполномоченных на конгресс, Прокопий Богданович заявил, что во исполнение воли Его Царского Величества готов ехать и он [2, стб.67].

Поскольку миссия Кениксакера носила сугубо уведомительный характер, Возницын не стал допытываться о деталях австро-турецких переговоров, понимая бесполезность подобных расспросов. Однако на следующий день (4 августа) он отправляет к Кинскому своего переводчика с просьбой учинить ответ на требования России, изложенные

на конференции 30 июля, и как можно скорее назначить время для конфиденциальных русско-австрийских переговоров [2, стб.67–68].

**Шепот и ропот
«священных» союзников**

Торопился Возницын не зря. В Вене еще находился английский эмиссар Штарлат, привезший из Белграда (где Пэджет с исключительным усердием хлопотал о незамедлительном выходе Австрии из войны) предварительные тексты австро-турецких соглашений. Русский посол, исходя из торжественного обещания Кинского не оставлять его в неизвестности относительно белградских переговоров, хотел получить от канцлера не простое оповещение о самом факте таких переговоров, а подробную информацию об их содержании, к чему обязывали элементарные правила союзнической вежливости, не говоря уже о союзнических обязательствах. Скрытность Вены наводила на подозрение, что австрийцы, через посредников, договариваются с Портой не только о перемирии, но и об основных положениях будущего сепаратного мира. Учитывая военную ситуацию на тот момент и османскую психологию, трудно было допустить, чтобы стороны согласились на безусловное прекращение боевых действий. Явно затягивая время, Кинский писал Возницыну, что те документы еще не показаны Леопольду (скорее всего, это была ложь), и прежде чем английского курьера отпустят в Белград с тем или иным решением императора он, канцлер, будет рад встретиться с русским послом [2, стб.68].

Не один Возницын догадывался о том, что цесарцы юлят. 5 августа он получил от Гамалинского письмо, в котором польский аблегат¹⁰ буквально умолял Прокопия Богдановича о совместном «докучании» в адрес Вены по поводу секретности австро-турецких переговоров. Вывод поляка был однозначен: «нас проволакивают» [2, стб.68–69].

Чем очевиднее становилась справедливость данного заключения, тем приторнее звучали преамбулы посланий Кинского Возницыну. Одно из них (от 7 августа) почти наполовину состояло из многократно повторявшихся сусально-напыщенных слов о нерушимой «братской дружбе» между Леопольдом и Петром, которому император бесконечно предан. Современному историку понадобятся усилия, чтобы пробиться сквозь плотный казуистический туман этого документа. Если же ему хватит

¹⁰ Применительно к данному, польскому случаю: дипломатический представитель второго ранга, в отличие от чрезвычайного и полномочного посла.

терпения дочитать текст до конца, то за елейной пеленой откроется жесткая суть вещей.

Ничего нового в ней в принципе нет. Кинский пишет Возницыну, что, коль скоро турки уже назначили своих представителей на конгресс, Леопольд ответил согласием и приглашает Россию и других союзников присоединиться к нему. Доводы прежние: желание остановить пролитие христианской крови, изнурение подданных и «непрестанные домогательства» Англии и Голландии. Пустые слова о необходимости союзного единодушия на съезде дополнялись не пустым предупреждением: тем, кто вздумает игнорировать конгресс, Леопольд ничего не обещает. Так и не услышав о содержании переговоров в Белграде, Возницын вместо этого получил обидчиво-наставительный комментарий в ответ на свое предложение согласовать требования союзников к туркам. Грубо передегивая карты, канцлер, по сути, обвинил посла во вмешательстве в австрийские внешнеполитические дела. И тут – случайно или нет – следует прелюбопытнейший нюанс. Никто из членов Священной лиги, как заявил Кинский, не смеет «переписывать» те статьи, которые Вена собирается предъявить Порте. Это подразумевало, что эти статьи, хотя бы вчерне, уже *написаны*. Где? Разумеется, в Белграде. Извещать о них Возницына канцлер и не подумал.

Далее Кинский дает России «дружеский» совет. Военные приготовления Петра в качестве фактора морального давления на неприятеля – это замечательно, но рассчитывать нужно не на «переменчивое счастье стрел» (намек на то, что успех царя в войне с турками сомнителен), а на ныне имеющиеся реальные дипломатические возможности. И, похоже, самым неприятным сюрпризом для Прокопия Богдановича стало мимоходом оброненное сообщение, что конгресс назначен на 19 сентября [2, стб.72–76] – дата, которую австрийцы ни с кем из союзников не согласовывали, как будто предстояла не многосторонняя конференция, а мирные переговоры между Веной и Стамбулом. И это еще раз подтверждало подозрение русского посла о том, что в Белграде были намечены предварительные условия австро-турецкого мира, которые хранились втайне от России (и, возможно, от других союзников).

9 августа Кинский принял Возницына. В условиях, когда вопрос о времени созыва конгресса оказался решенным, возобновлять прежние споры было почти бессмысленно. В принципе у посла оставался в запасе один ход – объявить, в знак протеста против неподобающего поведения Австрии, о своем отказе участвовать в съезде. Однако этим жестом Прокопий Богданович поставил бы себя в очень рискованную ситуацию

со многими неизвестными. Блеф хорош тогда, когда он приносит успех. Между тем гарантии, что Вена поддастся на этот шантаж, не было. Она ведь могла просто взять и с «сожалением» развести руками, да еще обвинив Россию в попытке срыва мирных соглашений. В присутствии союзников или без них, австрийская делегация, пусть и с ущербом для своей репутации, уладила бы свои проблемы на конгрессе, предоставив другим полную свободу действовать по своему усмотрению. В таком случае Россия официально осталась бы в состоянии войны с Турцией. Главное для Возницына заключалось не в том, хорошо это было или плохо, с его личной точки зрения, а в том, как отнесется Петр к демаршу своего посла? Поскольку узнать об этом своевременно не было никакой возможности, Прокопий Богданович воздержался от самодеятельности.

Возницын уведомил Кинского о том, что едет на конгресс в надежде на добрую волю императора Леопольда, о чувствах которого к Петру канцлер рассказывал в столь напыщенных тонах. Кинский обещал «ему, Царского Величества послу, вспоможение во всем», намекая, что делает для Возницына исключение, поскольку другим уполномоченным союзников придется самим «стеречь на съезде» свои интересы [2, с.76–82].

Следом, 10 августа, Возницын нанес визит подканцлеру графу Кауницу, заявив ему следующее. Если уж австрийцы не желают согласовывать общие требования к туркам, то он, посол, уповает на всяческую помощь Вены в том, что касается русских интересов. Ведь не зря же у Петра ни с кем больше нет «такой братской дружбы и любви», как с Леопольдом. Да и союза крепкого «неприятеля воевать», – ввернул Возницын со значением. Затем Кауниц услышал менее приятные вещи. Прокопий Богданович, исходя из свершившегося факта заключения австро-турецкого сепаратного перемирия, заметил, что теперь ничто не мешает Порте бросить свои войска против России, с которой у нее нет «армистии». Это «зело противно» логике союзнических обязательств.

Отвечая, заметно встревоженный Кауниц, похоже, стал на ходу импровизировать. Он сказал, что «с турецкой стороны» было такое желание, но Австрия категорически выступила против. Всё остальное неправда. Имел место данный сюжет в австро-турецких переговорах или нет, неизвестно. Очевидно другое: еще до открытия конгресса Кауниц начал продавать России весьма сомнительный товар – дипломатические услуги Вены.

Когда разговор перешел в русло обсуждения техническо-церемониальных подробностей предстоящего переезда русской делегации

к месту проведения конгресса (в Карловице), подканцлер вероятно вздохнул с облегчением, неустанно повторяя, что Возницыну будут оказаны все почести, подобающие при столь теплых отношениях между его «Цесарским Величеством» и его «Царским Величеством» [2, стб.82–87].

Вена диктует лавируя

Ближайшие недели Возницын провел в подготовке к поездке. Речь, конечно, шла не об укладывании личного скарба, а об интенсивной дипломатической работе. Время было запол-

нено визитами, приемами, сбором информации, в зависимости от которой посол собирался выстраивать свою линию на конгрессе. С этой точки зрения, важны были встречи не только с австрийцами, но с ними в первую очередь. Понятно, что Возницын предпочел бы прямой контакт с турками, но до этого было еще далеко. Привилегию встреч с османскими представителями до переговоров цесарцы оставляли за собой. Никто из союзников не должен был отвлекать от этого занятия главных игроков, намеревавшихся устроить свои дела до начала конгресса.

Получив из Москвы почту (12 и 26 августа), Возницын сообщил Кинскому, Кауницу и венецианскому послу в Вене Рудзини, что Россия, с целью обезопасить своих союзников от удара с востока, выдвинула войска к границам Крымского ханства, заставив его помышлять лишь о собственной обороне. Подобные маневры в условиях переговорного процесса обычно обращаются в элемент давления на противника. Хотели ли австрийцы переусложнять этим психологическим моментом игру, и без того развивавшуюся в их пользу? Ради кого жертвовать предсказуемым течением событий? Ради русских, венецианцев, поляков? Ведь гордые турки, загнанные в угол, могли пойти по иррациональному пути, который на поле битвы зачастую оказывался самыми эффективным.

Видимо, о реакции адресатов Возницыну нечего было доложить в Посольский приказ¹¹, кроме короткой фразы: «они, приняв те вести, благодарствовали» [2, стб.88, 119]. Намек на готовность России выполнять свои военные обязательства остался без комментария. Сейчас для Вены это было не актуально.

Правда, через пару дней Рудзини поспешил в резиденцию русского посла с «премной благодарностью за такое на неприятеля вспоможе-

¹¹ Государственный институт средневековой России, заведовавший иностранными делами. В 1718 г. Посольский приказ преобразован в Коллегию иностранных дел.

ние и сильное наступление» и с обещанием «всегда иметь радение о Его Царского Величества пользе». Не слишком тронутый этой патетикой, Возницын дал понять, что ему трудно считать венецианско-турецкое перемирие радением об общей пользе, в то время как русские войска «имеют непрестанные с неприятелем труды», из-за чего Россия вошла в большие убытки. Рудзини стал оправдываться настолько неуклюже, что лучше бы он этого не делал. Оказалось, что в Дарданеллы выдвинулся венецианский флот для того, чтобы просто-напросто встать напротив османского, на всякий случай. Впрочем, у Рудзини хватило совести не назвать это стояние «военными действиями». Венецианец намекнул Возницыну, что ему не нравятся австрийские интриги и «помешательства», идущие вразрез с интересами союзников, а сепаратный мир, по его мнению, едва ли состоится [2, стб.93–94].

Убедившись не только в отсутствии между австрийцами, венецианцами и поляками единой позиции, но и в том, что явное недовольство союзников поведением Вены от него не скрывается, Возницын попытался сыграть на этом, объединившись с послами Польши и Венеции. Возможно он не пошел бы на такой шаг, если бы доверял словам Кинского о готовности цесарской делегации защищать интересы России на конгрессе. Но обстановка секретности, окружавшая австро-турецкие переговоры, подтолкнула его к контрдействиям.

В письме канцлеру от 17 августа 1698 г. Возницын подчеркивал, что, несмотря на провозглашенный Веней принцип «каждый за себя», он отправляется на конгресс с твердой верой в торжество священного союзнического долга. Из смысла сказанного следовало: сепаратное перемирие с турками, на которое посол согласился закрыть глаза, – это одно, а сепаратный мир – совсем другое. Прежде чем предъявлять Порте условия мирного договора, союзники должны иметь «твердое постановление о согласии» между собой, дабы каждый из них «пристойное себе удовольствие, общим рассуждением определенное, получил». Возницын открыто бросал вызов логике австрийцев, напоминая, что кроме их собственных интересов существуют цивилизованные нормы международного права и союзническая порука. Чтобы не попасть в ловушку венских интриг, Прокопий Богданович намеренно говорил не только от имени России. Ну и, конечно, Возницын напомнил Кинскому о «крепком обнадеживании», которое дал Леопольд Петру и которое затем было подтверждено австрийским канцлером. А во избежание недоразумений еще раз уточнил суть этого обнадеживания: Австрия «к миру с ними (турками. – *В.Д.*) не приступит», пока Россия не будет «по союзному

обязательству» удовлетворена в своих требованиях. Лишь верой в то, что «все с Его Цесарского Величества стороны не порушимо исполнено будет», Возницын «принужден ехать и быть на той комиссии» [2, стб.95–96]. Однако оснований для оптимизма оставалось все меньше. Отменная предупредительность австрийцев в церемониальных и посольско-бытовых вопросах предвещала только одно – неприятную компенсацию, которая не заставила себя ждать.

21 августа секретарь Кинского привез к Возницыну черновой вариант договора об условиях перемирия. Эмиссар Пэджета должен был доставить эту бумагу своему шефу в Белград для передачи его туркам. Прокопий Богданович сразу понял, что в этом договоре – якобы об «армистичии» – уже была заложена суть будущего мира. От имени всех союзников исходным и нерушимым признавался принцип *uti possidetis*. Посол заявил, что повторял и повторяет о несогласии Его Царского Величества с этим принципом. Секретарь, уж не известно на кого рассчитывая, попытался сделать вид, будто это лишь самый общий контур переговоров, оставляющий за Россией право «упоминаться и об ином довольстве» [2, стб.105–106].

В тот день во время визита к Кинскому Возницын упрекнул канцлера в подготовке документа, подтверждающего согласие Его Царского Величества на проведение мирных переговоров на принципах, о которых условились лишь австрийцы и турки. Более того, Вена берет на себя полномочия выступать от имени всех союзников. Дискуссия приняла весьма острый характер, но ни к чему не привела. Кинский усиливает моральное давление на Прокопия Богдановича, показывая ему дипломатические бумаги, свидетельствующие о том, что произведенная за кулисами подготовка к конгрессу практически завершена. Канцлер прозрачно намекает, что подписание мира все равно состоится, а отказ русского посла принимать в этом участие останется на его совести [2, стб.106–109].

Ближайшие дни прошли в мелких интригах. Поляки вновь жаловались Возницыну на австрийцев. Венецианцы в туманных фразах обещали русским помощь на конгрессе и благодарили их за неусыпные ратные труды. Французские эмиссары в меру своих сил стремились сорвать заключение мира, распуская слухи, что турки готовят коварный бросок через Дунай. Волнения наблюдались среди венгров и сербов. По каким-то причинам дата открытия конгресса была перенесена на более поздний срок [2, стб.110–115].

Был ли Прокопий Богданович введен в заблуждение этими «событиями»? Во всяком случае, в письме к Петру (от 27 августа) посол док-

ладывает, что «дело с турками мирное смущается» и вероятность его срыва существует. Сам же он «стоит крепко при намерении том, как ему велено» (т.е. против принципа *uti possidetis*) [2, стб.119–120].

Возможно, найдется строгий историк, который снисходительно заметит, что Возницын неправильно проанализировал всю сумму факторов и вывел из нее (пусть и в виде предположения) ложную перспективу. Это будет крайне несправедливо не только в отношении петровского, но и других дипломатов, находившихся там, в эпицентре интриг, противоборства, неопределенности. Лишенных возможности заглянуть в исторические учебники или «надежные» астрологические карты, чтобы, узнав из них о ближайшем будущем, не тратить понапрасну сил. Весь драматизм, напряжение и игровая суть момента именно в том и состояли, что собиравшиеся на конгресс люди сами творили это никем не предрешенное будущее, не имея о нем достоверного представления, мучаясь сомнениями, страхами, надеждами или пребывая в твердокаменной уверенности в себе, за что частенько расплачивались.

Возницын был честен перед Петром в нежелании скрывать от него своих сомнений. Даже тогда, когда они не обещали подтвердиться. Навивно считать, что здесь не было ни малейшей примеси перестраховочного инстинкта. Но чувство профессионального долга было сильнее. Не исключая перспективы срыва мира, посол ведь не спешит ручаться за нее, хотя знает, как это обрадовало бы государя. Дипломат обрисовывал общие, весьма неоднозначные тенденции предконгрессной ситуации, причем так, как они виделись не ему одному. Возницын считал себя обязанным докладывать всё, даже мелочи, которые в царских глазах могли вовсе не оказаться таковыми. Действия Прокопия Богдановича отнюдь не говорят о нем как о человеке, твердо решившем, что мира с турками не будет и поэтому можно пустить дела на самотек. Ни на минуту не прекращая подготовку к отъезду, он срочно запрашивает инструкции относительно своей линии поведения в крымском вопросе на тот случай, если турки упрутся намертво [2, стб.120].

**Интриги,
сомнения,
дорожные сборы**

Между тем, в распоряжение османских войск были отправлены документы, в которых Леопольд от имени своих союзников подтверждал, что препятствий к началу конгресса нет.

Уже были назначены официальные переговорщики¹², которые проводили время в последних приготовлениях к поездке в Карловиц. Организация переезда послов являлась непростым предприятием с точки зрения безопасности и логистики. По послевоенным дорогам рыскали стаи мародеров и разбойников. Богатая знать, собиравшаяся покинуть Вену, чтобы собраться в другом месте, была идеальной добычей. Поэтому требовались солидные воинские конвои для сопровождения посольских делегаций. Случаев ограбления и убийства слабо охраняемых дипкурьеров было немало. Во избежание излишнего риска австрийские власти решили доставить участников конгресса в Карловиц по Дунаю.

Пока каких-то безошибочных признаков срыва переговоров не наблюдалось, если не считать разного рода слухов, домыслов, инсинуаций, потуг выдавать желаемое за действительное, чтобы выловить мелкую рыбешку в глубокой и мутной воде. Возницын, который, быть может, рад бы был обольщаться любыми вдохновляющими для России идеями (в том числе о продолжении коалиционной войны с турками), прекрасно понимал, что на повестке дня – особенно для Вены, как главного игрока – стоит один-единственный вопрос – доставить дипломатов в Карловиц и усадить их за стол переговоров. Блокировать данную повестку – значило брать на себя ответственность за непредсказуемые последствия такого действия.

Поскольку у Возницына не было уверенности в возможности создания реального дипломатического перевеса (Россия, Венеция, Польша) над Веной, он предпочел вежливо выслушивать обещания Эттингена о «всяком радении» в пользу России и готовиться к отъезду. Пока это радение выразилось в предъявлении Возницыну предварительной схемы рассадки делегатов конгресса, на которой русскому послу приготовили место «не ниже польского». Намекнув, что этот вопрос еще будет предметом пререканий, Эттинген обещал Возницыну сохранить его «церемониальное преимущество» над Малаховским, что очень походило на продажу австрийских «добрых услуг» [2, стб.126–127]. Подтвердить политику «радения» призван был визит Кинского (9 сентября), в ходе которого он не скупился на пышные славословия о «превысокой чести Его Царского Величества, и о непобедимом оружии его, и о сильном наступлении на неприятеля (турок. – *В.Д.*) и многой помощи Его

¹² *От Австрии графы Вольфганг Эттинген и Леопольд Шлик, от Польши пан Станислав Малаховский, от Венеции Карло Рудзини.*

Цесарскому Величеству». И вновь намек о том, что все это не останется без благодарности [2, стб.127].

Историка, анализирующего эти факты, непроизвольно преследует ощущение, будто австрийцы готовы были возносить Петра Алексеевича и его подвиги до небес, лишь бы в самый последний момент он не преподнес сюрприз, запретив своему послу ехать в Карловиц. А исключать этого профессиональные дипломаты не могли. Потенциально вызревал еще один неприятный для Вены сюрприз. Как ни парадоксально, в данный момент успехи русского (христианского) оружия не устраивали Австрию никоим образом. Они позволили бы Петру резко ужесточить территориальные требования к Порте, которая, скорее всего, отвергла бы их. Тогда теоретически под угрозой оказывался и австро-турецкий мир, суливший Вене важные приобретения и свободу внешнеполитических действий в Европе.

Не успел Кинский покинуть Возницына, как из Москвы пришло сообщение, что крымские войска, потерпев крупные поражения в устье Днепра, бежали на полуостров и готовятся к обороне. Посол дал этим новостям широкую огласку, в первую очередь, оповестив о них австрийских министров, за что те «благодарствовали» [2, стб.127–128]. Конечно, читая эти известия, высшие венские сановники испытывали не чувство «благодарности», а досаду и беспокойство по поводу появившихся у Возницына новых шансов поломать разработанный австрийцами сепаратный план действий на конгрессе.

Хотя петровского посла не радовала перспектива превращения Карловицкого конгресса в австро-турецкую мирную конференцию, чрезмерного обструкционистского усердия он все же не проявлял. Не только из-за дипломатических приличий, и уж тем более не потому, что питал какие-то иллюзии относительно столь щедро обещанной готовности Вены защищать русские интересы. Возницын просчитывал все возможные результаты конгресса, в первую очередь теоретически наиболее реалистичный вариант, при котором австрийцы быстро подпишут выгодный для себя мир и выйдут из игры. Насколько прочным обещал быть такой мир, учитывая неубывающее количество горячего материала на европейских территориях Османской империи? Возницын осознавал, что этот вопрос волнует отнюдь не только его. Будучи осведомленным в истории международных отношений, знал он и о том, какие камни остаются за пазухой у тех, кто от имени своих правителей клянется на пышных церемониях подписания мирных договоров в «вечной и нерушимой дружбе» ко вчерашнему врагу. И как стремительно руются

эти соглашения по самым разным причинам и поводам, в основе которых всегда лежит принцип «объективной» необходимости, понимаемый сегодня так, а завтра иначе.

Поэтому Возницын посчитал нелишним запросить (10 сентября) у Посольского приказа инструкции на тот случай, если Австрия и Венеция после заключения с турками мира захотят остаться в антиосманском (надо полагать – тайном) союзе с Россией. Принимать ли это предложение и на каких условиях? [2, стб.128].

С приближением дня открытия конгресса венский дипломатический корпус все больше напоминал растревоженный пчелиный улей. Послы стран Священной лиги обменивались частыми визитами, пытаясь проведать то, чего нельзя было добиться от Кинского и других цесарских министров, которые, впрочем, и сами многого не знали. Любопытствовали о характере предварительных австро-турецких договоренностей и, естественно, о степени их ущербности для того или иного союзника Австрии. Внешняя доверительность и нарочитое радушие в общении скрывали глубокую подозрительность всех ко всем. Дипломаты избегали даже называть точную дату своего отъезда из Вены в Карловиц. Совершенно неопределенная и явно нервная атмосфера не давала никакой возможности предвидеть что-либо заранее. При всем макиавеллизме австрийцев и при всей искусности таких матерых посредников, как англичане и голландцы, на конгрессе могло произойти всякое. Одним словом, предстояла крупная дипломатическая игра с классическими ходами, вынужденными импровизациями, потенциальными угрозами, неустойчивым равновесием между шансами как на успех, так и на провал.

Возницын, конечно, не собирался оставаться вне этой круговерти. Да и обстоятельства не дали бы ему такой возможности. В предотъездное время побывал у него граф Кауниц, но подробности этого визита посол в Москву не сообщает, видимо, за их несущественностью. Скорее всего, обсуждались технические детали вояжа. Между тем, Прокопий Богданович предпочел бы знать, с каких исходных позиций начнутся карловицкие переговоры. Иными словами, чем закончилась работа английских и голландских посредников. В попытке выяснить это, Возницын за три дня до отъезда направил соответствующий запрос Кинскому. Однако вместо ответа на главный вопрос получил от канцлера подробную роспись церемониально-протокольной схемы проведения конгресса [2, стб.128–133]. Более чем вероятно, что Кинский кое-что скрывал. Гораздо важнее другое: насколько ценна была информация, которой он не

хотел делиться? Не могло ли стать так, что канцлер и сам пребывал в неведении относительно перспектив склонить османов к миру?

12 сентября Возницын нанес голландскому посланнику Якобу Гаппу визит, цель которого оставалась прежней – прояснить хоть что-нибудь. Тщетно. Тот был немногословен, но обещал поддержать русские требования к туркам.

Ситуация в венском дипломатическом корпусе отдавала неким комизмом. Каждому послу мерещилось, что его коллегам было известно нечто такое, чего не знал он. Отсюда бесчисленные челночные визиты, в ходе которых дипломаты фактически обменивались лишь своими недоумениями и тревогами по поводу предстоящего конгресса. 11 сентября к Возницыну заглянул Рудзини, вроде бы сообщить о своих сборах в дорогу, а на самом деле поинтересоваться – нет ли чего нового. Через несколько дней с тем же присылал своего секретаря пан Гамалинский, сообщив заодно, что поляки недавно одержали какую-то победу над татарами [2, стб.129].

**Уж Карловиц по курсу,
а ясности все нет**

Наконец все поняли, что нет другого способа узнать, что их ждет в Карловице, как поскорее отправиться туда. 20 сентября судно с русской делегацией во главе с Возницыным поки-

нуло венский причал и направилось вниз по Дунаю. На промежуточных остановках Прокопий Богданович имел встречи и беседы со своими коллегами, также державшими путь в Карловиц. В Будине он вел «разговоры пространные о настоящих делах» с паном Малаховским, представившим Речь Посполитую, то есть сейм [2, стб.134–135].

Дунайское путешествие в информационном плане оказалось куда более насыщенным, чем томительное пребывание в Вене. Из разных источников Возницын получал все новые доказательства того, что «всяк о себе всякими способами радение творит» [2, стб.136]. Днем окончательного прозрения, если так можно сказать, стало 27 сентября. Посол не замедлил доложить Петру: «Цесарцы с турками, через посредников своих, [...] всякое сношение чинят, и ту комиссию (конгресс. – *В.Д.*) не просто проволакивают: мнится, уже все свои дела, поставя на мере (обо всем договорившись. – *В.Д.*), к окончанию и подписанию приедут, тогда и нас приведут, и тогда в кратком времени со всех стран понуждаемы будем. Бог ведает, что против той неправды делать!» [2, стб.137].

Можно сколько угодно обвинять австрийцев в предательстве, но к такому поведению их принуждали собственные интересы, которые в иерархии жизненно важных внешнеполитических проблем Империи стояли гораздо выше обязательств перед союзниками. Дипломаты Леопольда видели свою задачу в том, чтобы исключить из австро-турецкой переговорной повестки лишние, отягощающие темы, связанные с территориальными претензиями Венеции, Польши и России. Точнее говоря, они не возражали против помощи своим союзникам, но только при условии, что интересы Вены не будут ущемлены ни в малейшей степени. Международное право тут отступало на второй план, не говоря уже о морали и о каких-то человеческих сантимертах.

В донесениях Возницына государю чувствуется, что посол прекрасно это понимает. И хотя Прокопий Богданович, как ему и положено, страстно возмущается австрийскими «оборотами», в глубине души он отдает должное дипломатической изворотливости цесарцев и едва ли не призывает Петра учиться у них искусству «свои дела вести» [3, с.257, 484].

Ответ на вопрос, «что против той неправды делать?», Возницын решил искать в подражании австрийцам. Иными словами, выделить русско-турецкие проблемы в отдельный переговорный формат. На пути реализации этой стратегии стояли серьезные препятствия. Поданный Веней пример в корне подорвал остатки коалиционного единства и снял всякие нравственные ограничения в использовании принципа «каждый за себя». Между русскими, венецианцами и поляками началось жесткое состязание за право сепаратно договариваться с османами сразу вслед за австрийцами, когда те уладят свои проблемы.

5 октября 1698 г. русская делегация прибыла в местечко Петервардейн, где располагались резиденции, предназначенные для дипломатов государств Священной лиги. В двух часах езды оттуда находился Карловиц, возле которого возвели целое шатровое поселение. В центре находился дворец с конференц-залом, где должны были проходить заседания конгресса.

На следующий день к Возницыну явился секретарь лорда Пэджета с уведомлением о подписании перемирия между Австрией и Турцией и об османской «желательности к съезду». Хотя данное сообщение новостью для русского посла не являлось, Возницын предпочел отреагировать так, будто слышит об этом впервые. И формально он был прав, ибо только теперь весть о перемирии получила статус официально зафиксированного факта. Ожидать от Возницына проявления радости по поводу

«армистии» было бы неестественным в такой же мере, как и удивляться его обвинениям в адрес австрийцев, вступивших в тайный сговор с турками в ущерб союзникам, что в корне противоречило букве и духу Священной лиги. Ставить его, «великого и полномочного посла» России, в положение стороннего наблюдателя недостойно организаторов столь высокого дипломатического собрания, которое негоже начинать с такой неприличной прелюдии. Эта мысль была доведена до австрийцев в предельно четкой формулировке [2, стб.141–142].

Уж кому-кому, а цесарцам не нужно было объяснять, что они продемонстрировали вопиющий дефицит политического такта. Желая сохранить хорошую мину при плохой игре, они всячески старались облагородить свой цинизм помпезными знаками внимания к Возницыну. Русскую делегацию в Петервардейне встречали высокопоставленные австрийские сановники в сопровождении полутора сотен солдат с барабанами, ритмичный бой которых сливался с приветственным грохотом пушек. Когда по недоразумению произошла небольшая церемониальная заминка, комендант города поспешил к Возницыну с нижайшими извинениями и с просьбой «не прогневаться» за непредумышленную нерадивость. Прокопий Богданович был явно растроган такой предупредительностью, тем более что вслед за комендантскими поздравлениями с приездом грянула оглушительная канонада, заставившая думать лишь о том, как сберечь уши. Церемония прибытия завершилась торжественным визитом адмиралов дунайской флотилии, которые также поздравляли Возницына с благополучным завершением путешествия. Посол, в свою очередь, благодарил их за прекрасную организацию вояжа и словами, и подарками [2, стб.140–141, 143].

7 октября в Петервардейне под гром литавр и неумолкаемое пение труб было официально обнародовано перемирие с турками. Однако, как писал Возницын царю, некое чувство тревоги остается, ибо татары, входившие в состав османского войска, «непрестанно по полям волочатся», заставляя цесарских солдат быть начеку [2, стб.147]. Докладывал посол и о том, что день открытия конгресса еще не назначен и, судя по всему, ни австрийцы, ни посредники с этим не спешат. Причину объяснял так: «Цесарцы, Государь, мало по истине поступают, чрез посредников письмами и словами с турками непрестанное сношение имеют, а нам тех писем не кажут, и мало что сказывают, – а по должности союза, не довелось было им того чинить». Возницын прямо говорит, что общение между османами, англичанами, голландцами и австрийцами происходит в обстановке непроницаемой секретности [2, стб.148].

Не могла обрадовать Петра и выведенная его послом информация о том, что переговоры с русскими по азовско-черноморскому вопросу¹³ султан поручил крымскому хану, который, по мнению Возницына, к уступкам совершенно не склонен, а значит России, возможно, придется продолжить войну с Османской империей в одиночестве. Не имея инструкций на этот случай, Прокопий Богданович просил срочно снабдить его соответствующими указаниями [2, стб.148–149].

9 октября Возницын направил австрийским и венецианским уполномоченным (находившимся вне Петервардейна) запрос о причинах задержки с открытием конгресса, недвусмысленно интересуясь также о том, какие темы обсуждают английский и голландский посредники с турками на этот раз, когда перемирие официально уже подписано. И почему относительно содержания этих переговоров русский посол остается в полном неведении? Союзные дипломаты фактически ушли от конкретного ответа, заверив, что в ближайшее время придут в Петервардейн [2, стб.149].

Шляхетская фанатерия во всем блеске

Не ожидая ничего другого, Возницын окончательно утвердился в стремлении действовать независимо от союзников и, в частности, от австрийцев, последовательно проводивших свою сепаратистскую политику, не обещавшую, что в ней найдется место для русских интересов. На следующий день (10 октября) Возницын посылает в распоряжение прибывшей на конгресс османской делегации тайного эмиссара, сербского монаха Григория. У него было письмо к Александру Маврокордато, помощнику и переводчику главного турецкого представителя рейс-эфенди Рами Мехмед-паши. Надеясь на «единоверческое» благорасположение к России грека Маврокордато, Возницын сообщал о своем желании обсудить, «прежде неже съедемся на разговоры публичные», «некоторые дела чрез верных людей» [2, стб.149–150].

В тот же день, австрийцы, чувствовавшие растущее к ним недоверие Прокопия Богдановича, прислали к нему сановника заверить в «братской дружбе и любви» Леопольда к Петру, и о своем желании, по при-

¹³ Так мы условно именуем комплекс геополитических проблем, связанных с перспективой приобретения Россией широкого выхода в Черное море, Крымского полуострова, Северного Прикубанья.

меру государей, «с ним иметь дружбу и приязнь». Возницын ответил столь же протокольными любезностями [2, стб.150–151].

До выезда в Карловиц (13 октября) в Петервардейне решались с виду несущественные, но для того времени крайне щекотливые церемониальные вопросы. Они сразу же вылились в конфликт между Возницыным и паном Малаховским, так и не договорившимися о том, кто кому нанесет визит первым [2, стб.156–158]. Конфликт был органично связан с более серьезным спором о так называемой «прецеденции», то есть о схеме рассадки делегатов на конгрессе в порядке значимости. Центральное место цесарских министров не оспаривалось. А вот где и на каком отдалении от них будут сидеть остальные дипломаты, имело важное символическое значение. Возницын настаивал, чтобы ему было отведено место по правую сторону от имперских послов, а польскому представителю – по левую, дальнюю сторону [1, с.367].

Пан Малаховский возражал против такого варианта и, чтобы поломать его, закрутил сложную интригу, вероятно, желая заручиться поддержкой местного дипломатического общества. Просвещая коллег о сути дела, посол объяснял им, что польское королевско-монархическое правление имеет куда более почтенную историю, чем русское. В Московии первым присвоил себе царский титул Иван Васильевич, да и то лишь в XVI в., хотя законность и этого акта весьма сомнительна, ибо корона его была «не такая, яко у прочих монархов и королей». Малаховский дошел до того, что назвал Петра «князем Московским» [2, стб.151–152].

Не на шутку возмущенный Возницын решительно потребовал объяснений. Польский посол, сообразив, что он в своей фанаберии зашел непозволительно далеко, трижды посылал к Прокопию Богдановичу своих делегатов «с великим унижением» (нижайшими извинениями), пытаясь выкрутиться из этого конфуза настолько неуклюже, что еще глубже завяз в нем. Несуразные оправдания Малаховский подытожил клятвенными заверениями о том, что у него и в мыслях не было «понижать чести Царского Величества», в доказательство чего он мечтает быть с Возницыным «во всяком приятстве..., дружбе и любви», а при личной встрече с царским послом «будет в сем кланяться и просить прощения» [2, стб.152–153].

Прокопий Богданович холодно принял эти извинения, сказав лишь, «чтоб таких речений впредь он, посол, не плодил», если не хочет быть уличенным в незнании «посольских поведений», т.е. дипломатических приличий [2, стб.151–153].

11 октября Возницын послал своего гонца к Эттингену, Шлику и Рудзини сообщить об очередных победах русского оружия над турецко-татарским войском и о полном бездействии поляков. Намекая, что перемирие перемирием, а война продолжается, посол интересовался, есть ли какие новости от лорда Пэджета. Ему ответили, что османская делегация уже выехала к месту проведения конгресса и на днях будет там. Просили подготовиться к переезду и Возницына [2, стб.153–156].

В день выезда в Карловиц (13 октября) Возницын, не забывший оскорбление пана Малаховского, потребовал от Эттингена и Шлика, чтобы за столом переговоров польский посол, в соответствии с первоначальным «чертежом» (а такой действительно был), сидел ниже московского. Австрийцы, не желая обострять ситуацию своим вмешательством в этот вопрос (где соломонова решения не предвиделось), заметили, что они не вправе распоряжаться на Карловицком поле, поскольку это не цесарская земля. А дипломаты – «господа вольные», и могут размещаться, как кто пожелает. Распределять места между ними – дело для цесарцев «не пристойное» [2, стб.160–161]. Однако демонстративное отстранение австрийцев от этого вопроса все же не спасло от скандала. Воспользовавшись предложенной формулой «каждый садится, где хочет», Возницын со своими секретарями занял за столом переговоров самое почетное место, рядом с венскими дипломатами. Потерявший самообладание Малаховский велел своим людям согнать русских делегатов, но это им не удалось. На другой день (14 октября) он предъявил австрийцам протест, угрожая покинуть конгресс [4, №696].

Малоприятная миссия уладить этот инцидент досталась австрийскому сановнику графу Марсилию, который проявил отменную деликатность и усердие. Явившись к Возницыну, он начал с радушных поздравлений по случаю счастливого прибытия посла в Карловиц. Затем граф, используя деликатные экивоки и не называя имен, как бы мимоходом заметил, что слышал о «какой-то ссоре», которая, если и была, то, слава богу, улажена. Исключительно любезный тон Марсилия говорил об отсутствии у него всякого желания заниматься расследованием. Сметливый Возницын, подыгрывая графу, напустил на себя простодушный вид и произнес, что «ни с кем никакой ссоры не было». А если было нечто такое, о чем он, посол, не ведает, то всячески рад помочь доброму делу восстановления спокойствия во всем, что не касается «умаления Его Царского Величества чести». Собеседники прекрасно дополнили друг друга в этом маленьком спектакле [2, стб.162, 170].

Но настоящая головная боль Марсилия и других цесарских сановников ждала впереди. Малаховский объявил бойкот, уединившись на своей дунайской барке. Цесарцы занервничали. Конгрессу не хватало кворума, и это могло дать туркам повод либо вообще не вступать в переговоры, либо сорвать работу съезда, если его общее направление не будет отвечать их интересам.

Нужно было срочно что-то придумать. И 15 октября австрийцы нашли довольно остроумное решение. Они предложили союзникам сесть за столы, расставленные квадратом, что снимало проблему «прецеденции»: венецианцев усаживали напротив цесарцев, а москвитов напротив поляков. Все делегации официально подтвердили свое согласие с таким «чертежом». При этом пан Малаховский посчитал самым важным в данном случае – не отказать себе в удовольствии буркнуть что-то злобное в адрес своего московского обидчика [4, №696, 699].

Казалось бы, настало время вздохнуть с облегчением и приступить к делу. С точки зрения обустроительной, все было почти готово. Вокруг спасительного «квадрата» возводились шатры для проживания дипломатов. На эту работу ушло несколько дней.

Ничто не предвещало новых осложнений до тех пор, пока Рудзини, прибывший на Карловицкое поле с некоторой задержкой, с изумлением не обнаружил на месте, отведенном для его шатра, неказистую палатку пана Малаховского. Не склонный к скандалам венецианец осторожно сообщил графу Эттингену о неприятном открытии. Австрийцы, решив, что это уж слишком, сделали польскому послу несколько представлений на тему о правилах вежливости. Тот и не думал отзываться, продолжая свое затворничество. К нему командировали графа Марсилия. Но даже у этого специалиста по деликатным ситуациям разговор с паном долго не клеился. Наконец Малаховскому предложили выбрать для шатра любое свободное место. Переговоры, а скорее тяжбу, по этому вопросу поляк умудрился затянуть почти на неделю, то соглашаясь с австрийцами, то внезапно отказываясь от уже достигнутых договоренностей [2, стб.163–165, 167–170].

Для современников и историков поведение Малаховского остается во многом загадочным. Психическая неуравновешенность, фанаберия, затаенная на русского посла злоба, конечно, сыграли некоторую роль. Но имела ли она определяющий характер? У Рудзини, к примеру, были на этот счет сомнения. В его депеше в Венецию (от 21 октября) мы наталкиваемся на любопытные строки: «Потому ли, что характер польского посла от природы беспокойный, или потому, что под видом такого

беспокойства он, повинувшись секретным инструкциям своего двора, ищет то того, то другого предлога, чтобы поставить препятствие конгрессу и вызвать его замедление» [4, №696, 699]. Допуская логичность такого предположения, историк, однако, не получает ответа на вопрос: а какие резоны могли подталкивать Польшу к срыву конгресса, если она не собиралась продолжать войну с Портой? Желание пошантажировать Вену и заставить ее включить тему польских интересов в проблематику тайных австро-турецких переговоров?

Как бы то ни было, связывая ребяческое поведение Малаховского лишь с его природной скандальностью и капризами, историк рискует чрезмерно упростить картину сложно переплетавшихся интриг, характерных для периода подготовки конгресса и не до конца раскрытых до сих пор. Вместе с тем, в эту картину вполне вписывается и, так сказать, театральное-психологическое содержание странных до комизма маневров Малаховского. Обратив на себя внимание он пытается любыми способами. Сначала шумной ссорой с Возницыным, которую поляк открыто искал как мелкий задира. А затем – с Рудзини. Прокопий Богданович, надо бы заметить, не слишком усердно мешал Малаховскому разжигать конфликт. Уж очень хотелось поставить зарвавшегося пана на место. То ли дело стычка с Рудзини. Зачем польскому послу понадобилось лезть на рожон в отношениях с тактичным и уступчивым венецианцем можно объяснить только навязчивым стремлением к обострению общей атмосферы конгресса. Опять же – для чего?

Возможно, среди причин столь вызывающих действий Малаховского присутствовало стремление «продать» свою обиду на Возницына и на Рудзини как можно дороже. Истеричность посла вполне могла быть осознанной тактикой: поставить себя в центр внимания и вынудить австрийцев подпустить его поближе к пирогу победителей, тем более, что эти полушутовские приемы в конце концов принесли результат, какое бы презрение они ни вызывали у участников конгресса.

Уподабливаясь Малаховскому Прокопий Богданович считал недостойным царского эмиссара и профессионального дипломата. Да и от пирога победителей Петру нужно было гораздо больше, чем Польше. Надеяться на полное удовлетворение притязаний России могла лишь мечтательная натура. На те случаи, когда она порой просыпалась в государе, рядом всегда были глубоко прагматические советники, к которым принадлежал и Возницын.

Свой прагматизм посол проявил и в отношении к Малаховскому. Не питая к нему, после всех его эскапад, ни малейшей симпатии, Прокопий

Богданович не только заставил себя первым протянуть руку примирения, но и подавил в себе гнев, когда она повисла в воздухе. Посланному Возницыным нарочному с предложением о встрече (22 октября), гордый пан ответил, что видеться им «не для чего» [2, стб.175, 200–201]. Следом к Малаховскому направляется доктор Петр Васильевич Посников¹⁴ с изъявлением «дружбы и приятства» и с предложением «иметь... в делах общих сношение». Логично было ожидать, что на этот раз поляк немного успокоится. Но как бы не так. В припадке ярости он обрушился на Посникова с прямыми оскорблениями в адрес России. Он вновь напомнил о «малолетстве» российской монархии, представитель которой посмел поставить себя выше посла польской короны, ничем не уступающей цесарской, не говоря уже о какой-то московской «княжеской шапке» (шапке Мономаха) – такой же, что красуется на голове у крымского хана. Ему, Малаховскому, стыдно не то, что дела какие вести с Возницыным, но даже просто встречаться с ним. В завершение разговора поляк заявил, что о нанесенной ему обиде уже доложено и королю Августу, и сейму Речи Посполитой [2, стб.183–184, 198].

Через несколько дней Малаховский поостыл, понимая, что известие о конфликте с представителем русского царя не украсит его донесения Августу II. С 27 октября польский посол принялся наводить мирные мосты. Его эмиссар пан Коронский сообщил сотрудникам Возницына, что Малаховский «зело печалится» по поводу происшедшего и хочет помириться. Парламентеру ответили, что печалиться не о чем, ибо никакой ссоры не было и в помине. А посему Прокопий Богданович всегда готов видеться со своим коллегой и «в приятстве» с ним находиться [2, стб.213–214].

Не стоит искать в демонстративном великодушии Возницына чего-то иного кроме профессионального стремления мобилизовать все возможные дипломатические ресурсы для защиты интересов России с максимальной выгодой. В обстановке, когда австрийцы полностью монополизировали каналы связи с османской делегацией, для русского посла важен был любой потенциальный союзник.

В тот же день Коронский с депутацией шляхтичей уже официально явился к Возницыну с неуклюжими оправданиями. Оказывается, конфликт намеренно спровоцировали злокозненные люди из польского

¹⁴ П.В.Посников – один из ближайших помощников Возницына. Окончил Падуанский университет (Венеция), где получил степень доктора философии и медицины.

Сейма, тщившиеся разорвать «крепкую дружбу» между царем Петром Алексеевичем и королем Августом. Теперь же, когда ложь выведалась, Малаховский просит Прокопия Богдановича быть с ним «в совете и помощи». Если бы не многолетняя привычка к эмоциональной самодисциплине, Возницын при виде этой комедии, вероятно, не сдержался бы, по крайней мере, от ироничной ухмылки. Однако в данном случае ему было не до смеха еще и потому, что австрийцы вели свои дела с Портой к завершению, оставляя русского посла лицом к лицу с неуступчивыми османскими дипломатами. В ответ тут же была отправлена к Малаховскому депутация во главе с Посниковым, которому надлежало заявить, что Возницын «душевно рад» предложению о взаимопомощи, и желает повидаться с польским послом лично.

Конкретная причина польских лихорадочных ухаживаний выявилась с возвращением Посникова. Суть доклада Петра Васильевича заключалась в следующем. Малаховского пугали «великие трудности» в вопросе о получении от турок Подолии с городом Каменцем, в связи с чем он просил Возницына, «яко союзника», оказать помощь. О том, на что имеет право Россия, «яко союзник», продолжающий воевать, в отличие от Польши и других участников Священной лиги, не прозвучало ни слова [2, стб.233–235]. Разумеется, столь оригинальное толкование союзнического долга являлось для Прокопия Богдановича гораздо более основательной причиной для удручения, чем все предыдущие фокусы польского пана. Чувства доверия к Малаховскому у Возницына так и не возникло, о чем было откровенно доложено царю: «надобно крепко на него смотреть – постоянства мало» [2, стб.241].

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Госполитиздат, 1946. Т.3. – 503 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1868. Т.9. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1698 по 1699 год). – 1230стб.
3. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1858. Т.3. Путешествие и разрыв с Швецией. – 532 с.
4. Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1903. Т.1. 1693–1700. – 728 с.

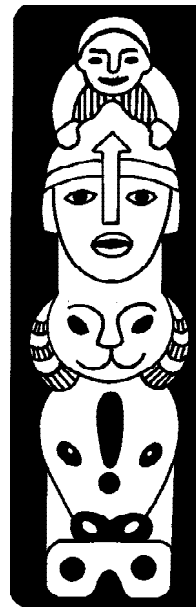
(Продолжение следует)

Образ правления в государстве – то же, что темперамент в человеке. Что такое темперамент? Это способ распоряжения своими мыслями и поступками, насколько он зависит от установленного всей конструкцией человека соотношения его духовных и физических сил. Что такое образ правления? Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившего исторически соотношения его нравственных и материальных средств. История, прошедшее для народа – то же, что для отдельного человека его природа, ибо природа каждого из нас есть не что иное, как сумма наследственных особенностей.

В.О.Ключевский

Самый опасный момент для плохого режима – когда он начинает реформироваться.

Алексис Токвиль

Дмитрий Маслов

ЗАМЫСЕЛ ГОРБАЧЕВСКОЙ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

ПОПЫТКИ РЕКОНСТРУКЦИИ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47)“1985/91”

В статье рассмотрены вопросы, связанные с выявлением замысла «перестройки» в СССР 1985–1991 гг. в источниках и историографии. Показана актуальность темы для изучения современной истории России. Обозначены основные подходы к проблеме, представлена аргументация их сторонников. Сделан вывод, что острота дискуссий по проблеме не утихает, а подходы исследователей и участников событий сохраняют полярность. Основной нерв дискуссии связан с вопросом о наличии самого плана «перестройки» и его содержании. В последнем случае исследователи расходятся во мнениях, был ли этот план изначально направлен на разрушение советского строя или такой результат стал следствием объективных процессов. В статье представлены предложения по методологии исследования проблемы, включая методы критики исторических источников.

The author considers issues connected with exposure of the «perestroika» design in the USSR in 1985–1991 as the design is reflected in sources and historiography. Importance of these issues for study of the current history of Russia is demonstrated. Principal approaches to the problem under investigation are designated and arguments of respective approaches followers are presented. The author comes to the conclusion that poignancy of discussion does not abate while approaches of scientists and participants of perestroika events remain to be extremely contradictory. The main nerve of discussion is connected with the issue whether there was a conception of perestroika or not and what was the content and intention of the conception. In the latter case researchers are in disagreement on the point whether the conception was aimed at the destruction of the Soviet formation or such destruction was a result of objective processes. Suggestions on methodology of the problem investigation including methods of historical sources critique are made in the article.

Ключевые слова: замысел перестройки; М.С.Горбачев; реформы; советский социализм; А.Н.Яковлев; методология исследования; план.

Key words: design of perestroika; M.S.Gorbachev; reforms; the Soviet socialism; A.N.Yakovlev; methodology of investigation; plan.

E-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Почему это важно сейчас

С каждым годом все очевиднее, что отечественные реформы конца XX – начала XXI в. оказали существенное воздействие на развитие не только нашей страны, но и всего мирового сообщества. Тридцатилетие начала «перестройки» в СССР неизбежно актуализировало вопрос о ее итогах. Однако подведение их в отрыве от исходных проектов выглядит не совсем логичным. Но именно с таким подходом к оценке «перестройки» нередко приходится сталкиваться. Категоричные выводы о том, что «перестройка» закончилась «крахом», «провалом», «крупнейшим историческим поражением» и т.п., имеют смысл в том случае, если проект перестройки предусматривал *передовое социалистическое общество, возглавляемое государством-сверхдержавой*. Как будет показано далее, в новейшей литературе подобный замысел ставится под весьма аргументированное сомнение. Некоторые лидеры «перестройки», в частности М.С.Горбачев, не согласны с приведенными выше оценками результатов своих реформ.

Часть исследователей полагает, что преобразования носили спонтанный характер, чем и объясняют их (преобразований) неудачу. Есть и те, кто считает, что Горбачев и его соратники разрушительный для СССР и социалистической системы исход спланировали изначально, но до поры держали свои планы втайне даже от коллег. Принципиальной является и дискуссия по вопросу о том, в каком соотношении друг с другом находятся «перестройка» и преобразования 1990-х гг.

В последние годы историческая наука активно интересуется замыслами планировавшихся или предполагавшихся событий: реформ, войн и т.д. (достаточно вспомнить, например, неутраченные дискуссии о замыслах мировых лидеров накануне обеих мировых войн). Тем самым находки в области методологии выявления замысла прошедшего могут быть использованы в исследовании аналогичной проблематики.

Заметим, что идею «перестройки» разные авторы облачают в следующие формы: проект, план, программа. Идентифицировать эти термины в каждом конкретном случае – задача практически неразрешимая, поэтому применительно к целям настоящей статьи будем исходить из тождественности смыслов названных терминов.

А был ли план?

Публично вопрос о наличии плана преобразований был поставлен в 1987–1988 гг., когда в обществе появились серьезные сомнения не только в правильности курса, но и в самом его наличии. Тогда же свое первое развернутое изложение замысла реформ дал их инициатор

М.С.Горбачев, отнесший складывание «более или менее продуманной и систематизированной программы» к апрелю 1985 г. [14, с.21–22]

Но вскоре появились и другие подходы. Писатель Ю.Бондарев в известном выступлении на XIX партконференции в 1988 г. сравнил «перестройку» с «самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка» [13, с.224]. Впрочем, серьезной дискуссии по данной проблеме тогда не произошло.

Накапливавшиеся по ходу «перестройки» сомнения относительно первоначального замысла реформ принимали все более конкретные формы, превращаясь порой в обвинения лидеру преобразований. Так, выступая на IV Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.), Н.И.Рыжков¹ заявил, что «перестройку в том виде – я подчеркиваю это, – в котором она замышлялась, осуществить не удалось» [24, с.10]. В 1995 г. он не отрицал, что к 1985 г., в том числе с участием возглавляемого им в тот момент Экономического отдела ЦК, была разработана «достаточно серьезная концепция», предвосхитившая грядущие экономические реформы и предполагавшая децентрализацию экономики. Очевидно, что проект «перестройки» по Рыжкову не предполагал радикальных политических реформ. Историк А.В.Островский, однако, убежден, что возникшая уже тогда идея регионального хозрасчета, при всей ее внешней привлекательности, неизбежно подрывала основы союзного государства [18].

Несколько изменены акценты в вопросе о замысле «перестройки» в последней по времени издания книге Н.И.Рыжкова, признавшего «отсутствие четкой программы действий» [23, с.11]. Примечательно, что в своей первой послеперестроечной книге Рыжков, однако, не был столь критичен в отношении наличия программы перестройки. С чем здесь сталкивается исследователь: с изменением взглядов или изменением самого предмета обсуждения? Очевидно, претензии Рыжкова связаны с

¹ *Председатель Совета министров СССР в 1985–1990 гг.*

тем, что «перестройка» вышла далеко за рамки хозяйственных реформ и в этом смысле не имела ясного плана.

В послеперестроечное время аналогично высказался другой активный оппонент Горбачева – бывший московский партийный руководитель Ю.Прокофьев: «заявив "перестройку и ускорение", мы ввязались в драку, не имея программы, и все пошло путем проб и ошибок» [22, с.55].

Из известных исследователей, близких по взглядам к Н.И.Рыжкову, но еще более радикальных в этом вопросе, отметим Р.А.Медведева, заявившего, что «никакого проекта и никакого архитектора у "перестройки" никогда не было, это была весьма хаотическая работа, в которой процессы разрушения явно преобладали над процессами созидания» [17, с.28–29]. Против такой точки зрения выступает А.С.Черняев². По его мнению, главное в «перестройке» – не разрушительный, а созидательный импульс [30, с.7].

Р.А.Медведев доказательством «стихийности и непредсказуемости» «перестройки» считает абсолютную неизвестность в 1985 г. тех, кто выйдет на большую политическую сцену в 1990-е гг. (Г.Зюганова, В.Жириновского, А.Лебеда, Д.Дудаева, Е.Гайдара и др.). Аргумент, на мой взгляд, небесспорный. Ведь в революционные эпохи быстрые и частые смены действующих лиц и «декораций» – обычное явление. Р.Медведев приводит выдержки из популярных общественно-политических изданий Запада 1985 г., в которых подчеркивает отсутствие единства по поводу истинных намерений Горбачева. Солидарен с Р.Медведевым Н.С.Леонов: «никакого вразумительного плана действий М.Горбачев предложить не мог», а свою команду генсек формировал по методу противопоставления одного другому [14, с.7–8].

Им вторит исследователь М.Ф.Полынов: заранее продуманного плана не было, высшее руководство не имело четкого представления, как проводить реформы [21, с.508]. Примечательно, что те исследователи и участники событий, которые отрицают наличие у Горбачева плана преобразований, в ряде случаев добавляют эпитеты «вразумительного», «продуманного» и т.п. Из чего можно вывести предположение, что план «невразумительный» все же имел место быть. Но эту границу «вразумительности / невразумительности» никто даже не пытается обозначить, если это вообще возможно.

Солидарны с отечественными и некоторые зарубежные специалисты (П.Рэддуэй, Д.Глинский): «У Горбачева и его команды отсутствовала

² Помощник М.С.Горбачева по международным вопросам в 1986–1991 гг.

какая-либо продуманная стратегия общественных преобразований» (Цит. по: [17, с.29]).

Интересно, что некоторые члены горбачевской команды, по крайней мере частично, согласились с приведенным выше мнением. Так, помощник М.С.Горбачева Г.Х.Шахназаров констатировал, что Горбачев не имел целостной, «развернутой вглубь» программы преобразований. Отсюда и его очевидные для всех шараханья, когда следующий шаг отменял предыдущий. Но означало ли отсутствие такого плана наличие у Горбачева изначального намерения разрушить систему? Шахназаров полагает, что едва ли у генсека изначально был такой план, он верил в возможность ее улучшить [35, с.13]. Отмечая «спонтанность» реформ, в аналогичном духе высказывается в недавней книге и А.С.Ципко³ [29, с.63].

В вопросе о наличии / отсутствии плана к указанным авторам при-мыкает идеологически весьма далекий от большинства из них А.Н.Яковлев⁴. Он так отвечал критикам, считающим, что плана «перестройки» не было: «Что касается плана, то его и не могло быть». Аргументы в обоснование своей позиции Яковлев приводил следующие: 1) никто в то время не воспринял бы «план» коренной реформы, предполагающий ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности; 2) как можно заранее спланировать жизнь миллионов людей? Требования плана порождены привычной традицией мышления. Идей же было в достатке и не только у руководителей, но и в обществе [37, с.15–16].

Здесь показательна своеобразная «игра словами»: идей было много, а плана не было. Но какая форма должна быть придана идеям, чтобы их уже можно было называть планом? В советский период считалось, что озвученные партийными съездами и пленумами и даже отдельными руководителями идеи, задачи, цифры – это и есть не что иное, как «планы», в борьбу за выполнение и перевыполнение которых немедленно включались трудящиеся. Почему аналогичные документы середины 1980-х гг. вдруг перестали считаться планами? Нет ли здесь попытки задним числом найти оправдание тому, что результаты «перестройки» разошлись с ожиданиями немалого числа граждан? Простой ответ мно-

³ А.С.Ципко – ученый, общественный деятель, одним из первых в годы перестройки выступивший за отказ от «сталинской модели» советского социализма.

⁴ Член Политбюро ЦК КПСС в годы «перестройки», выступавший за более решительные преобразования.

гое объясняет: дескать, не было изначально никакого плана, вот и главная причина провала реформ. При таком подходе не требуется и анализа политики «перестройки»: раз плана не было, значит, «перестройка» была обречена.

А была ли концепция?

Тезис об отсутствии плана реформ имеет и серьезных оппонентов. Их список ожидаемо возглавляет главный «архитектор» реформ – М.С.Горбачев, неоднократно обращавшийся к заявленной здесь теме. Обвиняя своих критиков в привычке к «всеохватывающей регламентации жизни», он полагает, что «в периоды глубоких, сущностных изменений основ развития общества предлагать какую-то заранее разработанную "модель" или четкий график преобразований не только бессмысленно, но невозможно. Однако это не означает отсутствия ясной цели реформ, концепции их, основного их направления» (подчеркнуто М.С.Горбачевым. – *Д.М.*) [12, с.66]. Все это, по мнению Горбачева, у «перестройки» было (демократизация, свобода выбора), что не исключало и даже предполагало необходимость менять по ходу реформ конкретные ориентиры для каждого этапа, вести поиск оптимальных решений.

В своей книге 2012 г. вопрос о замысле «перестройки» Горбачев справедливо называет одним из ключевых в дискуссиях об этом периоде [8, с.413]. Последний генсек смещает акцент на постепенное развертывание замысла перемен. Вначале была проделана большая работа по изучению состояния советского общества, особенно экономики, выявившая всеобщее недовольство положением дел. После мартовского пленума ЦК 1985 г., как отмечает Горбачев, руководство начало с простых шагов, подготавливающих общество к новым правилам жизни в условиях свободы. Ключ к пониманию замысла «перестройки», по Горбачеву, в лозунге «больше демократии, больше социализма». Замысел также заключался в том, чтобы, начав реформы «сверху», вовлечь общество в их проведение и обеспечить необратимость преобразований. Эта часть замысла косвенно подтверждается теми широко известными фактами, когда даже националистические проявления власть не пресекала с применявшейся ранее жесткостью. Большинство же исследователей объясняют это якобы присущей Горбачеву нерешительностью или нежеланием принимать ответственные решения.

Не обошел вопрос о плане реформ М.С.Горбачев и в своей новой книге, дав несколько иную его интерпретацию. Заметив, что считать «конкретный» план реформ сложившимся к моменту его избрания генсеком было бы преувеличением, он отметил: яснее было, от чего надо уйти и труднее определиться с тем, к чему двигаться дальше [11, с.384]. Полагаю, что здесь нет противоречия со сказанным Горбачевым ранее, т.к. речь идет о конкретном, обстоятельно разработанном плане, которого действительно не было.

В вопросе о наличии плана реформ Горбачев находит поддержку даже в лице своего сначала союзника, а затем оппонента Е.К.Лигачева⁵. Последний пишет, что цели и программа социалистической «перестройки» были выработаны XXVII съездом и пленумами ЦК КПСС [15, с.74–75]. Естественно, данный мемуарист обвиняет Горбачева в последующем отходе от курса на совершенствование социализма.

Таким образом ответ на вопрос «была ли концепция», можно сформулировать так. В 1985 г. высшее руководство представляло себе общие контуры реформ, не имея выверенной по этапам и механизмам программы действий. Основанием для такого вывода является тот факт, что и сторонники, и оппоненты Горбачева в большинстве своем признают существование определенного ценностного комплекса, ставшего начальным ориентиром «перестройки». Но дело не только в сделанных задним числом признаниях, которым нет основания доверять полностью. Известно, что еще в период генсекства Андропова «наверх» были подтянуты практически все будущие реформаторы. А люди подбираются под определенные цели и программы.

Какой «скелет» был в идеологическом «шкафу» инициаторов реформ?

Следующий вопрос, требующий ответа, состоит в том, когда появился и получил закрепление замысел «перестройки»? Какие мотивы лежали в его основании?

Члены горбачевской команды исходят из того, что идеи «перестройки» возникли не вдруг и гораздо раньше 1985 г. В связи с этим упоминается визит М.С.Горбачева в Великобританию (1984), его встречи с М.Тэтчер, выступление в британском парламенте [33, с.34]. А.С.Черняев, весьма критически оценивавший советских лидеров еще с

⁵ Член Политбюро ЦК КПСС в годы «перестройки», представитель «консервативного направления», оппонент А.Н.Яковлева.

1970-х гг., на Горбачева обратил внимание уже в 1972 г., во время визита последнего в Бельгию [32, с.26]. На встрече в конце 1970-х гг. М.С.Горбачев и Э.А.Шеварднадзе⁶ сошлись на том, что «всё прогнило» [8, с.277].

В недавнем исследовании упомянутого питерского историка А.В.Островского доказываемся, что 1) у М.С.Горбачева план «перестройки» был изначально («общий замысел реформ») и 2) этот план был направлен на ликвидацию советского строя и самого СССР как «государства-корпорации». Работы Островского по современной истории опираются на скрупулезный анализ солидной источниковой базы, обстоятельный разбор научной литературы и отличаются при этом парадоксальностью ряда выводов, что побуждает к дискуссии. В качестве гипотезы данный исследователь выдвигает тезис, согласно которому «перестройка была задумана как подготовка к вхождению советской страны в мировую экономику и созданию... "нового мирового порядка"». По мнению Островского, политика Горбачева и его ближайшего окружения приобретает определенный смысл, если принять именно такую версию замысла «перестройки». Вопрос для него остается в том, от кого могла исходить такая программа и осознали ли сами реформаторы ее последствия [18, с.663–664].

В обоснование своей позиции Островский активно применяет метод исторической реконструкции. Это позволяет ему по-новому подойти к оценке причин, в частности, алма-атинских событий декабря 1986 г., нагорно-карабахского конфликта. Подтверждение своей версии историк находит и в целом ряде других внутри- и внешнеполитических акций горбачевского руководства.

Так, анализируя антиалкогольную кампанию, он полагает, что авторы «перестройки» не могли не осознавать ее губительные финансовые последствия, но раз пошли на нее, значит, «сознательно торпедировали бюджет, укрепляли позиции теневого капитала, подогревали общественное недовольство и направляли его против советской системы» [18, с.31]. Конечно, такое допущение возможно, хотя никаких прямых доказательств «осознанности» как губительности последствий, так и намерений обострить недовольство системой, до сих пор никем не приведено. Если же рассматривать аргумент о стремлении усилить роль теневого капитала, то в данном случае речь может идти не о каких-то мощных

⁶ *Министр иностранных дел СССР в 1985–1990 гг., один из наиболее активных сторонников «нового политического мышления».*

структурах, а о неорганизованных «самогонщиках», которых едва ли уместно рассматривать как социальную базу антикоммунистов во власти.

В случае с антиалкогольной кампанией надо учитывать к тому же нередко забываемый ныне факт. Ведь необходимость борьбы с пьянством осознавалась и в обществе, и обращения граждан в руководящие инстанции содержали требования «решительных мер». Конечно, власть несет основную долю ответственности за издержки той кампании, но попытки усмотреть в этом коварный замысел требуют большего обоснования.

Далее А.В.Островский находит, что Горбачев лишь имитировал стремление к ускорению научно-технического прогресса (НТП). В доказательство приводится факт неоднократного переноса пленума ЦК по данному вопросу, а в итоге вместо него состоялось «всего лишь» совещание, проведенное «для галочки» и как средство стимулирования хозяйственной реформы, направленной на изменение хозяйственного механизма [18, с.35]. Однако пленум откладывался еще с брежневских времен, в чем Горбачев не может считаться главным виновником (а до 1980 г. его вины и вовсе не могло быть, т.к. он не являлся членом Политбюро ЦК). Что касается изменения статуса мероприятия, то по Уставу партии пленум, конечно, выше совещания. Но надо учитывать, что проведенное на первом этапе «перестройки» под руководством генсека, оно имело для местных партийных руководителей, а также для госаппарата директивное значение. Материалы совещания были опубликованы и положены в основу официальной пропаганды, системы партучебы и пр. Поэтому едва ли в данном случае изменению статуса мероприятия следует придавать повышенное значение. Скорее всего, сами инициаторы не задумывались над этим аспектом. Еще в книге 1987 г. Горбачев обращал внимание на то, что первой акцией нового руководства было проведение посвященного именно НТП мероприятия [9, С. 22].

Но есть в этом вопросе нюанс, на который резонно обращает внимание и Островский. Речь о том, что уже в 1985–1986 гг. некоторые руководители, в т.ч. и М.С.Горбачев, задумывались об изменениях в хозяйственном механизме. С каждым месяцем «перестройки» становилось все очевиднее, что проблемы экономики не столько в замедлении темпов роста, сколько в вопросах структурного характера. В мемуарах Горбачева неоднократно приводятся факты, связанные с неэффективностью попыток внедрения достижений НТП в производство, препятствием чему являлся именно устаревший хозяйственный механизм, отторгав-

ший подобные новации. Поэтому если бы генсек провел даже пять пленумов по НТП, это не дало бы никакого результата без структурных изменений. Но когда это было вполне осознано советскими руководителями, ухудшилась конъюнктура цен на нефть на мировом рынке, возникли бюджетные дыры и от антиалкогольной кампании, чернобыльской трагедии, и вопрос о перезревших глубоких экономических реформах приходилось решать в весьма неблагоприятной ситуации. Да, Горбачев, хотя и не сразу, пришел к необходимости замены хозяйственного механизма. Но это была не попытка ликвидировать социалистическую экономику, а требование времени. Остается лишь сожалеть и искать причины того, почему команда «перестройщиков» провалила выполнение этой задачи. Но это уже не вопрос плана преобразований.

Один из наиболее частых упреков горбачевской команде связан с позицией генсека по вопросу отношения к социализму как идеологии и политической практике. Улавливая отдельные нюансы в эволюции взглядов руководителей на социализм, исследователи делают порой далеко идущие выводы. Так, в литературе обращается внимание на то, что уже в 1986 г. Горбачева не возмущали попытки искать решение назревших проблем «за рамками социализма» [18, с. 68]. Доказательства такого отношения легко можно найти в многочисленных книгах генсека и его окружения. Казалось бы, главный «перестройщик» пойман на слове? Но здесь-то, на наш взгляд, и кроется одна из ловушек для тех, кто воспринимает тексты источников слишком буквально. Чтобы объективно оценить отношение Горбачева к социалистической перспективе СССР в начале «перестройки», необходимо учитывать следующее.

Основная проблема заключается в различных трактовках категории социализма. Планы Горбачева летом 1988 г. подготовить тексты о социализме Островский расценивает как попытку продолжить дурачить «всех советских людей» [18, с.241]. Сегодняшние критики Горбачева рассматривают социализм в той его исторической форме, которая сложилась к середине 1980-х гг. и от которой реформаторы как раз попытались уйти. Горбачев исходил из того, что настоящий социализм в СССР не построен; поэтому отказ от существующей и дискредитировавшей себя модели социализма (как тогда называли, «сталинской», административно-командной и т.д.) не может трактоваться как отказ от идеи социализма в принципе. Даже слова Горбачева об иллюзии (до 1988 г.) улучшить социализм и наступившем затем разочаровании в этой затее надо понимать именно как осознание нерепформируемости не социализма вообще, а сложившейся в СССР его конкретно-исторической модели.

Нельзя не отметить, что вплоть до наших дней Горбачев характеризует свой идеал как социал-демократию.

Далеко идущие замыслы реформаторов обнаруживаются исследователями и по вопросам внешней политики СССР и новой конструкции международных отношений. Из тех авторов, кто усматривает у Горбачева антисистемные замыслы еще до «перестройки», редко кто не приводит факт уже упоминавшейся встречи Горбачева и Тэтчер в Лондоне (1984) и слова британского премьера о будущем генсеке («с этим человеком можно иметь дело»). Эти слова порой служат чуть ли не убойным доказательством заведомо антикоммунистических взглядов Горбачева. Однако сама Тэтчер даже впоследствии, когда задним числом ей было вполне выгодно продемонстрировать свою проницательность, объяснила, что ее внимание привлекли не слова Горбачева (вполне привычные и для других советских лидеров), а раскованный стиль его общения, позволявший неформально обсуждать острые темы (Подробнее см., напр.: [28, с.223–230]). Тэтчер призналась и в том, что приглядывалась к советским руководителям на перспективу, но в период с декабря 1984 по март 1985 г. она, при всей ее энергии, ни по каким каналам не смогла бы способствовать выдвижению Горбачева во власть.

В литературе высказывается мысль, что горбачевская идея «общеевропейского дома» объективно вела к радикальным переменам и в международных отношениях, и в СССР [18, с.43]. В последние месяцы такой подход еще более подкрепляется острыми разногласиями между Россией и западными государствами по украинскому и сирийскому вопросам. Многим это кажется лишним доказательством мифологичности самой идеи «общеевропейского дома» (См., в частности, новейшее исследование: [21]). Но что может быть альтернативой конфронтации, кроме того или иного варианта «общеевропейского дома»? Из этого и исходило горбачевское руководство, приступая к «перестройке». Историческая память, к сожалению, слишком коротка, и многие современные мировые лидеры интеллектуально не способны выйти за рамки восприятия мира через призму «свой – чужой». Новых Рузвельтов, Черчиллей и де Голлей не видно.

Переходя к конкретным внешнеполитическим сюжетам, А.В.Островский приводит подтверждение своей гипотезе. Его, в частности, удивляет стремление советского руководства как можно скорее организовать встречу с американским президентом в 1986 г. Даже согласие СССР провести ее в Рейкьявике – столице натовского государства – означает, по мнению указанного исследователя, уступку

Западу. Смысл рейкьявикской встречи состоял, по Островскому, в выдвижении Горбачевым инициатив помимо вопросов разоружения, не предусмотренных повесткой и не отраженных в изданных документах [18, с.76 и далее]. Данный исследователь высказывает смелое, но не подкрепленное источниками предположение: Горбачев в Рейкьявике представил Рейгану план радикальной «перестройки» в СССР в обмен на отказ США от СОИ, который (отказ) ничем не грозил США, но давал козыри Горбачеву для «оправдания капитуляции на мировой арене и радикальных перемен внутри страны». Автор ссылается на личную беседу с Р.И.Косолаповым⁷, по сведениям которого в Рейкьявике Горбачев познакомил Рейгана со своим планом «перестройки», который показался Рейгану настолько невероятным, что он не поверил и решил, что его пытаются обмануть [18, с.101]. К сожалению, из текста книги не следует, *что* конкретно известно Косолапову об озвученных планах Горбачева.

Вопрос о месте проблемы СОИ в определении политики «перестройки» является одним из ключевых. О том, как данный фактор воспринимался в 1985–1986 гг. при определении стратегии реформ, Горбачев в 1998 г. сообщил, что в СОИ было много мифического, но советские разработки показывали, что могли быть и конкретные результаты. Советский ответ поэтому готовился как вполне эффективный, но не такой дорогостоящий [7 с.19]. Что касается самой идеи встречи в Рейкьявике, то она возникла как реакция советского руководства на безрезультатность женеvских переговоров по разоружению.

Важный вопрос для оценки радикальности горбачевских замыслов – это тема об уступках СССР в разоруженческой сфере. Есть немало исследований, авторы которых с конкретными цифрами вполне убедительно показывают большие сокращения советских вооружений различных классов по сравнению с американскими. Тот факт, что СССР лишал себя *новых* образцов техники, отнюдь не противоречил горбачевской доктрине оборонной достаточности (См., напр.: [27]).

Документы свидетельствуют, что вопрос об уступках в пользу США дискутировался в советском руководстве уже в середине 1980-х гг. И в зависимости от контекста из источников можно выдернуть фразы, доказывающие противоположные вещи. Так, на Политбюро 8 мая 1986 г. Горбачев на свой же риторический вопрос «в чем мы уступили?» дает категоричный ответ: «да ни в чем!» А на Политбюро 22 сентября того

⁷ Ученый, представитель ортодоксального направления в коммунистической идеологии.

же года генсек четко дает понять соратникам, что если не принимать в расчет интерес США к встрече в Рейкьявике, то из нее ничего не получится. Он заявил, что «мы американцам не можем предлагать такое, на что они заведомо не пойдут. Это не политика» [19, с.162, 166–167]. В этом при желании можно увидеть намерение что-то «сдать» американцам, но при этом следует вспомнить, что иной, «упертый» подход к вопросам разоружения в предшествующие «перестройке» годы завел международные отношения в тупик. Так какая же была у Горбачева альтернатива?!

Что касается количественных уступок (особенно часто упоминаются советские ракеты «Ока»), то здесь у Горбачева была своя логика: не имеет значения, кто и на сколько ракет больше сократит, т.к. даже и того, что останется, хватит с лихвой для неоднократного уничтожения друг друга. Главное же – сделать процесс разоружения необратимым, вовлечь в него Запад, получить в союзники в вопросах разоружения мировое общественное мнение, сэкономить средства для реформирования советской экономики. Это была принципиально иная логика советской внешней политики, которую на Западе первоначально расценили как очередную коммунистическую хитрость и, лишь с меньшей вероятностью, как уступку.

Свидетельства Горбачев-фонда [19] подтверждаются зарубежными источниками. В обильно иллюстрированной документами книге Д.Хоффмана приводятся связанные с Рейкьявиком материалы, в целом соответствующие документам Горбачев-фонда [19, с.169–179, 184], и доказывающие, что готовность советского лидера идти на уступки вовсе не была беспредельной. В конце концов именно несогласие Горбачева на то, чтобы вывести американские работы по СОИ за лабораторные рамки, парализовало достижение соглашения в Рейкьявике [28, с.344–347]. Если следовать логике А.В.Островского, то непонятно, почему же тогда Рейган в Рейкьявике не оторвал, что называется, с руками, абсолютно беспронятое для него предложение советского лидера и уперся в свою якобы нереальную СОИ? Однако Рейган стоял до последнего, и в дальнейшем советской стороне пришлось искать новые подходы для реализации своих внешнеполитических замыслов.

Совсем в другой плоскости призывает искать истоки «перестройки» А.С.Черняев: главный мотив не давление США, а моральный императив самого Горбачева [30, с.6].

Причины не совсем, на мой взгляд, обоснованных выводов исследователей о замыслах команды «перестройщиков» лежат не только в об-

ласти критики источников, но и в вопросах методологии изучения. Поскольку в исследовании проблемы, связанной с труднодоступной для ученого материей, источники не всегда убедительны, применяются и формально-логические методы. Так, пытаясь найти инициатора тех или иных деструктивных решений или действий власти, ряд авторов склонны в большинстве случаев возлагать ответственность на генсека. Данная логика сводится к тому, что если не Горбачев дал указание на что-то принципиально новое, антисистемное, то кто же еще? При этом не всегда учитывается неоднократно подтвержденное фактами обстоятельство, что на определенном этапе перемен они приобретают собственную логику и уже всё меньше зависят от воли самих реформаторов.

В качестве метода обнаружения замысла используется придание любому политическому решению определенного смысла. Но всегда ли политика является осмысленной? Почему нельзя допустить и другую версию: Горбачев не собирался разрушать СССР, но на каком-то этапе реформы обрели свою, неподвластную генсеку, логику развития.

Широко используется метод выявления замысла перестройки по проводимым в ее рамках мероприятиям. Такой метод может дать результат при соблюдении следующих условий: а) однозначная оценка результатов этих мероприятий; б) обоснование прямой связи таких результатов с первоначальным замыслом, без «примеси» того, что в юриспруденции называют эксцессом исполнителя, и других привходящих факторов, влияющих на результат, но не вытекающих из первоначального замысла. Так, если анализировать в этом плане антиалкогольную кампанию, то, на мой взгляд, ни одно из этих условий не соблюдается.

Наконец, нельзя исключать и того, что связано с ошибочными действиями Горбачева как главы государства. Приписывание осмысленности едва ли не всякому его действию или бездействию возносит этого безусловно неординарного политика на такую высоту стратегического планирования, на которую могут подняться не реальные деятели, а некие «идеальные типы». При таком подходе остается непоясненным вопрос: как мог человек, всю жизнь прошедший в рамках системы, прошедший в ней все карьерные ступени и, наконец, достигший высшей точки, решиться все это – и, в первую очередь собственную карьеру, – сломать. На данное обстоятельство обращает внимание известная правозащитница Л.Алексеева. Она считает, что Горбачев проделал идейную эволюцию от номенклатурного человека до

поборника демократии, но нежизнеспособная советская система развалилась помимо его воли [2].

А.В.Шубин считает, что в речах Горбачева вплоть до 1987 г. «просматривается программа модернизации, исключая существенные изменения социальной структуры, но допускающая осторожное расширение товарно-денежных отношений» [36, с.27]. Это продолжение андроповского курса, в том числе и с применением методов авторитарной модернизации (что отчасти было и в китайских реформах, но для СССР «китайский путь» Шубин считает невозможным). Горбачев неоднократно отвергал обвинения реформаторов в игнорировании «китайского пути» как несостоятельные, т.к., по его мнению, экономике горбачевское руководство придавало в первые годы преобразований ключевое значение, но реформировать экономику, не затрагивая других сфер (прежде всего, политической), оказалось невозможным.

Так как источниковая база по данному вопросу весьма противоречива и специфична («замысел» может не иметь внешних проявлений, находится исключительно «в голове» автора), и даже одни и те же участники событий в разное время и в разных аудиториях высказывают порой расходящиеся между собой версии, то сочетать источники довольно затруднительно.

Конечно, для историка главным является обращение, в первую очередь, к свидетельствам самих инициаторов «перестройки». К этой группе источников у нас нередко относятся скептически, полагая, что их создателям есть что скрывать. Конечно, трудно представить себе крупного политического деятеля без своего «скелета в шкафу». Но едва ли уместно впадать и в другую крайность, когда все сказанное такими деятелями априори квалифицируется как обман или сокрытие истины. Посмотрим, *что* говорят по интересующему нас поводу «архитекторы перестройки».

Так, А.С.Черняев, принимавший самое непосредственное участие в формировании проекта преобразований, свидетельствует об идейной и политической эволюции Горбачева. При этом по Черняеву, Горбачев «представлял конечные результаты своей миссии иначе», но разделил судьбу всех великих реформаторов. Его заслуга – он «свернул шею неосталинистскому тоталитаризму» [31, с.9–10].

О стремлении Горбачева улучшить советский социализм в духе «пражской весны» пишет А.С.Ципко. Советский генсек не выходил за рамки «шестидесятилетних требований демократизации социализма». При всей наивности первоначального замысла, «перестройка», по Цип-

ко, истинно русский проект как стремление к Правде, к идеалам наиболее образованной части общества, имеющий гуманистическую направленность, глубокую нравственную основу. Данный автор оспаривает стремление Г.Павловского оценивать перестройку не по ее мотивам, а по «разрушительным результатам» [29, с.53, 54, 60, 271–273, 279, 298].

Об отсутствии завершенной концепции преобразований в самом их начале свидетельствует и главный участник событий – М.С.Горбачев. Он признается, что сначала реформаторам казалось: «вот поправим дела, вытянем на прежних подходах, а там возьмемся уже за глубокие реформы» [6, с.336]. А.В.Шубин прокомментировал этот тезис в том ключе, что под «глубокими» надо понимать вполне умеренные преобразования второй половины 1980-х гг. [36, с.28]. Горбачев отмечает далее: «я считал, что надо прежде всего попытаться модернизировать экономику, чтобы к началу 90-х годов подготовить условия для радикальной экономической реформы» [6, с.337].

На первых порах реформаторы, по Горбачеву, полагали, что «перестройка» – это продолжение Октября, попытка осуществить идеи, им намеченные⁸, но не реализованные [12, с.62–63]. Горбачев, как и большинство в его окружении, считал, что этого можно добиться, лишь совершенствуя систему. «Логика развития» показала необходимость обновить основы системы, т.е. постепенно перейти к социальной рыночной экономике, к демократическому политическому строю, основанному на господстве права и приоритете прав человека.

Более позднее признание Горбачева о замысле «сломать хребет тому тоталитарному монстру, который у нас стали называть Административной Командной Системой» [5, с.136], не следует понимать как стремление разрушить СССР. Горбачев вполне мог отделять политический режим от государства, его породившего. Едва ли есть основания сомневаться в искренности слов Горбачева, который уже после распада СССР неоднократно считал это своей главной ошибкой и трагедией для страны.

Горбачев в ответ на реплики оппонентов неоднократно заявлял, что к началу «перестройки» он был полностью информирован о происходящем в стране, и потому попытки представить его как неинформированного и некомпетентного руководителя неубедительны. Однако по ряду конкретных позиций Горбачев вынужден был признать недостаток

⁸ *Преодоление отчуждения людей от власти и собственности, демократия, реальная социальная справедливость.*

либо полное отсутствие доступной для него информации [10, с.18, 66–67]⁹. Вопрос о его информированности представляется правильным поставить так: что-то он знал хорошо, а о чем-то имел лишь общую информацию.

Карьера Горбачева и его положение к 1985 г. позволяли ему достаточно хорошо ориентироваться в: 1) положении в сельском хозяйстве; 2) ситуации в других отраслях экономики, напрямую не связанных с «оборонкой»; 3) механизме принятия решений руководством партии; 4) реальных настроениях в обществе (через связи с либералами); 5) ситуации на местах и ряде других вопросов.

Хуже Горбачев разбирался, не имея всей полноты необходимой информации, в вопросах: 1) размера военного бюджета СССР; 2) внешней политики в целом и разоружения в частности (не случайно немалая часть всей адресованной Горбачеву-генсеку критики приходится на его внешнеполитические шаги); 3) внешнеэкономической деятельности; 4) отечественной истории, особенно XX века. Последнее выразилось в упрощенной трактовке Горбачевым ряда ключевых событий советского периода¹⁰; 5) Горбачев не располагал данными о размерах золотого запаса и рядом иных, имеющих отношение к финансам (Подробнее см.: [18, с.635–636; 24, с.233]).

Короля делает свита?

Определенные лакуны в информированности генсека оказывали свое влияние на формирование замысла «перестройки». Но в руководстве СССР были и другие претенденты на

то, чтобы «делать историю». Весьма развернуто в своих книгах дает представление о складывании замысла преобразований А.Н.Яковлев. Его позицию по данному вопросу стоит изучить подробнее, т.к. именно его по сложившейся научной традиции принято считать идеологом радикальной «перестройки» в антисоветском ее варианте.

⁹ См. также: «Конечно, нельзя сказать, что к моменту начала перестройки мы уже все увидели и поняли, все продумали» [12, с.62].

¹⁰ Предпочтение в целом «правильного» Ленина «плохому» Сталину; идеализация нэпа, хрущевских и косыгинских реформ, XX съезда КПСС; огульная критика коллективизации, брежневского периода как «застоя»; недооценка негатива в отношении Запада к СССР (России) и др. (См., в частности: [12]).

Написанные в постсоветские годы работы Яковлева, естественно, несут на себе отпечаток результатов «перестройки». Отвечая на обвинения своих консервативных критиков в «ренегатстве», «предательстве» и пр., автор пытается широко развернуть полотно своей «сложной духовной эволюции» [37, с.12 и далее].

Яковлев не считает себя прирожденным космополитом. Находясь в СССР, он, по его словам, тяготился официальной ложью и несправедливостями, но, оказываясь за границей (в т.ч. послом в Канаде), пришел к выводу, что «слепое копирование чьих-то моделей будет губительным для России». «Изменения... мыслились мной как *совершенствование социалистической практики*» (курсив мой. – Д.М.). Тогда Яковлевым владело «чувство гордости за свою страну, неистребимая уверенность, что мы сами выберемся из тупиков...». Его личная перестройка началась задолго до общественной. Характеризуя свою записку, обсуждавшуюся с Горбачевым (декабрь 1985), Александр Николаевич задним числом находит ее противоречивой: то социализм отвергается, то предлагается его совершенствовать; то марксизм отрицается, то критикуется только его догматическая интерпретация. Но именно такими непоследовательными и были тогда его взгляды.

Однако, А.И.Лукьянов¹¹, близко наблюдавший в тот период Яковлева, отмечает споры с последним на Политбюро в начале «перестройки» из-за того, что тот уже тогда предлагал частную собственность и отмену моноидеологии [16, с.10]. Вполне возможно, что Лукьянов приписал Александру Николаевичу его же, но более поздние взгляды.

Яковлев утверждает: в 1985 г. разделял иллюзию, что проблема в недостатке полной и достоверной информации и в конкретных людях. Говоря о записке (декабрь 1985) Горбачеву, он указывает: в преамбуле писал о том, что предлагаемые меры приведут к укреплению социализма, «хотя и понимал, может быть, и не полностью, что радикальные изменения приобретут свою логику развития, предсказать которую невозможно. Но были в этих предложениях и наивность, диктуемая временем, и неизбежное для тех лет лукавство».

Яковлев, далее, констатирует, что в 1985 г. в руководящем звене партии «незыблемость и прогрессивность социалистического строя не подвергалась сомнению». Концепция «ускорения» свою задачу выпол-

¹¹ В годы «перестройки» заведующий Общым отделом ЦК КПСС, впоследствии заместитель Председателя, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, сторонник укрепления социализма и сохранения СССР.

нила, показав непригодность привычных методов. Переломным стал январский пленум 1987 г., поставивший вопрос о демократизации самой партии. На этом этапе «эволюция перестроечных представлений начала обретать определенную автономность от ее инициаторов, собственную логику развития». Переход к гласности не был неизбежен в те годы. Во многом он продиктован философией «перестройки», ее инициаторов.

Косвенно об эволюции взглядов Яковлева на реформы указывает его вывод об итогах «перестройки». Он готов дискутировать по мнению о якобы поражении «перестройки». Последняя, как он считал, еще и в 1994 г. не закончилась.

Но в книге «Сумерки» (2003) автор несколько иначе оценил свои записки 1985 г., сместив акцент на более резкую критику советского строя. Так, предвзято текст записки в книге 1994 г., к словам «как это можно заранее спланировать жизнь миллионов людей», где ранее предложение заканчивалось знаками «?!», теперь добавились слова «на базе упразднения старых экономических, политических и нравственных отношений» [38, с.376]. А следом и вовсе: вместо патетически размытого вопроса «снова мифы, иллюзии» и т.д. в поздней книге сказано: «речь-то шла о смене жизненного уклада...». Из адресованной Горбачеву записки в книге 2003 г. он исключил слова о своей уверенности в 1985 г. в возможности включения партии в «перестройку»¹².

Но если эволюция комментариев автором своих текстов – вещь, в принципе, нормальная (хотя и показательная), то «эволюция» задним числом самих текстов не совсем понятна, хотя также примечательна. В более позднем варианте автор что-то убрал и что-то добавил, изменилась и структура текстов. Так, из якобы показанной Горбачеву записки в позднем варианте 2003 г. из предложений Яковлева выпал пункт 5: «Сам процесс (демократизации. – Д.М.) должен вестись, не только сверху, но и снизу, руками масс»¹³. Случайность? Но вот еще одно расхождение текстов. Из варианта 2003 г. той же записки выпал целый абзац после предложения об отзыве депутатов, их подотчетности и сменяемости: «Последствия (предложения. – Д.М.): колоссальное возрастание реальной ответственности перед массами... а главное – действительное привлечение масс к управлению» и т.п.¹⁴ Причем в более позднем вари-

¹² Ср. неодинаковое освещение этих сюжетов в книгах Яковлева: [37, с.212] и [38, с.383].

¹³ Ср. неодинаковое освещение этих сюжетов в книгах Яковлева: [37, с.207] и [38, с.381].

¹⁴ Ср. неодинаковое освещение этих сюжетов в книгах Яковлева: [37, с.208] и [38, с.382].

анте Яковлев отмечал пропуски элементов текста отточиями, в указанных случаях таких знаков не имеется.

Может, Александр Николаевич в 2003 г. уже не считал народные массы субъектом политики? Или исходил из того, что за двадцать с лишним послеперестроечных лет «массы» оказались еще дальше отодвинуты от активной общественной жизни, чем это было в 1985 г.? Есть и другие отличия в структуре приведенных текстов. Безусловно, автор вправе издавать свои тексты в той редакции, которую он считает нужной. Но коль скоро речь идет о текстах, написанных когда-то, то подобные изменения – повод для исследователей задуматься. Судя по запискам, Яковлев порой претендует не только на разрушение социализма, но и на смену «всей тысячелетней парадигмы государственности» [37, с.21]. Но есть сомнения в правомерности отнесения подобных замыслов к 1985 году.

С корректировкой источников «задним числом» мы сталкиваемся и у других участников событий. Так, М.С.Соломенцев¹⁵ спустя годы после алма-атинских событий декабря 1986 г. изменил свое мнение об их причинах. Если раньше он видел причины в национализме, а корни событий – внутри Казахстана, то позднее, не отрицая националистических тенденций, в качестве главных причин называл «интриги, нити которых плелись не только в Алма-Ате, но и в Москве» [26, с.208]. С чем в этом случае сталкивается исследователь: выявленными мемуаристом новыми фактами, переосмыслением причин произошедшего или это банальное подстраивание фактов под заданную концепцию?

Любопытно сравнить акценты в двух изданиях книги В.И.Воротникова¹⁶. В первом издании андроповские тезисы по экономике показывают истоки «перестройки» в ее варианте 1985–1987 гг. [3, с.33] Т.е. какой-то замысел был, и зародился он еще до Горбачева. А во втором издании Воротников добавил слова, которых не было в первом варианте: «Позже я убедился, что к моменту избрания Горбачева генсеком, у него не было ясной и четкой концепции необходимых перемен. Он был в поиске и принимал немало спонтанных решений» [4, с.51].

¹⁵ В 1985–1988 гг. член политбюро ЦК КПСС, представитель консервативного направления. Впоследствии выступал с резкой критикой М.С.Горбачева и его политики.

¹⁶ В годы «перестройки» член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета министров РСФСР (до 1988 г.), Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР (до 1990 г.). Представитель консервативного направления.

**Методы в период
реконструкции замысла
решают все**

При выявлении замысла «перестройки» исследователям предстоит заняться методологией его реконструкции. Основу такой методологии может составить комплексное применение следующих методов и под-

ходов: хронологического метода (выявление динамики обнаружения и развертывания замысла); контекстуального подхода (зависимость содержания замысла от аудитории); количественных методов (какие элементы, идеи планов озвучиваются чаще всего); сравнительных методов; методов исторической альтернативистики (*что* можно было предложить иного); субъектный подход (выявление зависимости содержания обнаруженных планов от политических взглядов автора, степени его участия в «перестройке», гражданства и пр.); ретроспективный метод (выведение замысла из знания о текущей ситуации; нередко «перестройке», что называется, задним числом приписываются элементы, возникшие позже).

Хронологический метод может быть полезен в следующем случае. Если говорить об изначальном замысле Горбачева и «компании» на разрушение, то историк должен поставить вопросы: когда и в силу каких причин такой замысел сформировался. Ясно ведь, что это если и произошло, то не 10 марта 1985 г. Конечно, делать окончательные выводы о подлинных замыслах кого-либо (а особенно весьма противоречивого политического деятеля) на основании им же самим созданных текстов было бы слишком наивно. Методологически правильным в такой ситуации представляется анализ контекста формирования исторической личности и настроений общества в конкретный момент времени. Иначе говоря, теоретически можно предположить, что Горбачев (а также Яковлев и другие) могли желать победы капитализма в СССР еще в 1985 г. Но дело даже не в отсутствии подтверждающих это прямых свидетельств. А в том, что выступление названных политиков с подобными идеями в то время было бы равносильно немедленному политическому самоубийству. И не понимать это они не могли. Даже гораздо менее радикальные шаги им давались с трудом, а некоторые (переход к рынку) состоялись уже после их ухода из большой политики.

Надо учитывать неизбежный при ретроспективном подходе к выявлению собственных замыслов эффект их «осовременивания». Поэтому дополнительно к прочим трудностям исследователям приходится, как в

случае с восстановлением древних фресок, отделять более поздние «наслоения» от первоначальных. Сопоставление между собой позиций по ключевым вопросам общественной жизни облегчает такую работу. Так, в своей книге 2005 г. М.С.Горбачев, излагая намерения усовершенствовать советский социализм, указывает в их числе и возможность «свободно выбирать и собственность, и партию, и религию» [10, с.23]. Вот, казалось бы, саморазоблачающее свидетельство из уст генсека о его, по сути, изначальных прокапиталистических намерениях. Ведь выбор собственности не что иное, как готовность признать все ее формы, в том числе и частную. А выбор партии должен означать отказ от монополии КПСС на власть и переход к многопартийности.

Полагаю, однако, что не стоит и здесь торопиться ловить Горбачева «за руку». На наш взгляд, в этом случае мы как раз имеем дело с более поздней «вставкой», вполне возможно, проскочившей незаметно для самого автора и отражающей его современные взгляды. В пользу такого вывода говорит то, что Горбачев в конце 1985 г. не дал ход составленной в радикальном ключе записке Яковлева. Да и зачем Горбачеву лить воду на мельницу своих и без того многочисленных оппонентов, позволяя уличить себя в изначальном намерении «предать социализм»?! Также не считаю возможным принимать за чистую монету оценки Горбачевым советского общества как тоталитарного якобы уже в начале «перестройки» [10, с.18]. Невозможно поверить, что уже в середине 1980-х гг. полвека воспитывавшийся на коммунистической ортодоксии новый генсек вдруг стал мыслить категориями западной советологии. Таких чудес не бывает, значит, и в этом случае Михаил Сергеевич (скорее всего, неосознанно) осовременил свои взгляды. Гораздо уместнее подчеркнуть осознание Горбачевым на тот момент забюрократизированности, сверхцентрализованности и неэффективности советской управленческой машины.

Нельзя игнорировать при выявлении замысла «перестройки» и *субъектный подход*. Ведь зачастую исследователи тот или иной замысел приписывают исключительно М.С.Горбачеву. Однако, говоря о замысле «перестройки», следует иметь в виду не один проект, а несколько. Их носителями выступали: 1) М.С.Горбачев, который первые примерно два года перестройки едва ли допускал реформы, посягающие на основы советского строя; 2) А.Н.Яковлев (и, с большой вероятностью, Э.А.Шеварднадзе, позднее Б.Н.Ельцин и либеральные реформаторы), с самого начала настроенный на более радикальную «перестройку», но до поры не афишировавший своих взглядов; 3) Н.И.Рыжков, Е.К.Лигачев,

В.И.Воротников и др., выступавшие за экономические реформы при сохранении основ политического строя. Безусловно, что замысел реформ рождался не только в «руководящих головах». Свои представления о преобразованиях имели, например, «шестидесятники», творческая интеллигенция и др. И за каждым из этих проектов стояли определенные социальные группы.

В силу ряда причин, анализ которых выходит за рамки данной статьи, победил в итоге второй вариант. Поэтому сторонникам А.Н.Яковлева нет оснований говорить о поражении «перестройки» – они празднуют победу в виде «крушения коммунистической империи». Своя правда у сторонников третьего варианта – они считают «перестройку» «преданной», а разрушение СССР и социализма прямо противоположными тем результатам, что планировались ими изначально. «Диалектическая» позиция у М.С.Горбачева: он удовлетворен крахом тоталитаризма, но разочарован распадом СССР. И он не признает поражения «перестройки».

Политические деятели «перестройки» также понимают под ее замыслом, как правило, проект, олицетворяемый Горбачевым. Такое понимание является порождением времени, когда только КПСС от лица генсека определяла «единственно правильную» программу развития общества. В середине 1980-х гг., особенно по мере развития гласности, началась острая борьба идей и проектов. Лидеры «перестройки» впервые в советской истории вовлекли в «выяснение отношений» общество, сужая поле для компромисса. В данной статье автор хотел показать, что изменение подходов с учетом всего многообразия идей и интересов накануне и после 1985 г. позволит более четко определить содержание «замысла перестройки».

Один из методов определения замысла – анализ содержания известных нам предперестроечных проектов. В частности, концепции, которую разработала комиссия (создана еще по поручению генсека Ю.В.Андропова), в которую входили М.С.Горбачев, Н.И.Рыжков и В.И.Долгих¹⁷. Опираясь на мнение ученых и опыт зарубежных стран, исполнители поручения полагали целесообразным сохранить в руках государства 50–60% собственности (базовые отрасли экономики и «оборонка»), остальные 40–50% могли находиться в «акционерной и частной» форме [23, с.13]. Примечательно, что это признает более консервативный оппонент Горбачева – Н.И.Рыжков, которого большинство

¹⁷ До 1988 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

исследователей не склонно подозревать в антисоциалистических наклонностях. А.В.Островский видит в этом важное доказательство того, что уже к середине 1980-х гг. высшее руководство СССР готово было «сдать социалистический строй». В личной беседе с автором статьи данный исследователь подчеркнул эту позицию [1]. На мой взгляд, здесь вопрос меры. Действительно, какой процент собственности должен оставаться в руках государства, чтобы строй можно было назвать социалистическим? Ясно, что какого-то точного и общего для всех стран показателя быть просто не может.

Что вообще готовил Андропов? Ведь его рассматривают как предтечу Горбачева и в качестве его «патрона». Фигура эта и особенно его намерения являются предметом острых дискуссий и по сей день. В последнее время усилились голоса тех, кто приписывает ему весьма далеко идущие планы (См., напр.: [34, с.267 и далее]). Но убедительности таким предположениям недостает, в основном, в силу краткосрочности правления Андропова.

Итак, можно констатировать наличие серьезных разногласий по вопросам: 1) о каком проекте будущих перемен членов горбачевской команды в 1985 г. идет речь (развернутый план, общий замысел, программа и пр.); 2) был ли вообще к 1985 г. у горбачевцев такой проект; 3) если был, то имел он внутрисистемную или внесистемную направленность (т.е. какова была изначальная направленность проекта); 4) если был, то в какой форме он существовал (для историка здесь возникает вопрос о специфике источников по данному вопросу); 5) если был, то сформировался он изначальным или претерпел в дальнейшем эволюцию. Даже такой не самый короткий перечень вопросов можно было бы продолжать. О замысле чего именно, например, идет речь (т.е. *что* понимается под «перестройкой»)? Нередко под одним и тем же термином имеется в виду разное содержание. Для одних «перестройка» – реформирование социалистического общества в направлении его совершенствования, для других – революционное изменение основ общественного строя. Проблема выявления замысла «перестройки» связана также с неоднозначностью самого термина «перестройка», а также целого ряда других терминов и понятий с изменчивым историческим содержанием.

Резюмируем сказанное. Несмотря на острые дискуссии, есть и объединяющие различных авторов моменты. Так, те, кто отрицает наличие у Горбачева к началу «перестройки» программы, как правило, указывают не на отсутствие программы (плана) вообще, а программы «четкой», «продуманной» и т.п. Тем самым (вольно или невольно) подразумевает-

ся, что нечто похожее на программу все-таки имелось. Кто-то называет это «комплексом идей», другие усматривают продолжение андроповской политики, но это уже вопрос квалификации. Также автор статьи полагает, что замысел «перестройки» в ходе реформ подвергся эволюции в более радикальном направлении. Но это стало не проявлением якобы ранее скрываемого генсеком намерения разрушить систему, а отражением изменившихся общественных условий. Есть понимание и того, что замысел «перестройки» имеет как внутривнутриполитические, так и международные аспекты, хотя остается открытым вопрос о соотношении их значимости.

Не разделяя мнение многих авторов, выдвинем тезис, обоснованный выше, об отсутствии серьезных доказательств изначальной внесистемной направленности замысла «перестройки».

Представляется, что следование научной методологии, основанной на критическом (но не нигилистическом) изучении источников, способно внести некоторую ясность как в выявление замысла «перестройки», так и в изучение предыстории других важных исторических событий.

Библиографический список

1. Запись беседы с А.В.Островским. 30 июня 2011 г. // Личный архив автора.
2. [Алексеева Л.] История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России. [Полная стенограмма лекции]. [Опубл.] 9 марта 2006 г. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/03/09/lma> (дата обращения: 18.12.2015).
3. Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Совет ветеранов книгоиздания: SI-MAR, 1995. – 473 с.
4. Воротников В.И. Хроника абсурда: отделение России от СССР. М.: Алгоритм: Эксмо, 2011. – 317 с.
5. Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости, 1992. – 222 с.
6. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн.1. – 596 с.
7. Горбачев М.С. Как закончилась «холодная война» (Вместо предисловия) // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С.9–26.
8. Горбачев М.С. Наедине с собой. М.: Грин Стрит, 2012. – 688 с.
9. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. – 272 с.
10. Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 399 с.
11. Горбачев М.С. После Кремля. М.: Весь мир, 2014. – 415 с.
12. Горбачев М.С. Размышления о прошлом и будущем. М.: Терра, 1998. – 301 с.
13. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. Стенограф. отчет. М.: Изд-во полит. лит., 1988. Т.1. – 352 с.

ЗАМЫСЕЛ ГОРБАЧЕВСКОЙ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

14. Леонов Н.С. Крестный путь России. 1991–2000. М.: Рус. дом, 2002. – 525 с.
15. Лигачев Е.К. Кто предал СССР? М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. – 285 с.
16. Лукьянов А.И. Август 91-го. А был ли заговор? М.: Алгоритм: Эксмо, 2010. – 237 с.
17. Медведев Р.А. Советский Союз: последние годы жизни. Конец советской империи. М.: АСТ, 2010. – 637 с.
18. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д, 2011. 863 с.
19. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-фонд. М.: Весь мир, 2010. – 944 с.
20. Полюнов М.Ф. Внешняя политика Горбачева. 1985–1991 гг. СПб.: Алетейя, 2015. – 501 с.
21. Полюнов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. – 512 с.
22. Прокофьев Ю.А. Как убивали партию. Показания первого секретаря МГК КПСС. М.: Эксмо: Алгоритм. 2011. – 240 с.
23. Рыжков Н.И. Главный свидетель. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – 240 с.
24. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. – 576 с.
25. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М.: Новости, 1992. – 397 с.
26. Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 221 с.
27. Стародубов В.П. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 508 с.
28. Хоффман Д. «Мертвая рука»: Неизвестная история холодной войны и ее опасное наследие. М.: Corrus: Астрель, 2011. – 734 с.
29. Ципко А.С. Перестройка как русский проект: Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя М.: Алгоритм, 2014. – 542 с.
30. Черняев А.С. Выступление // 10 лет без СССР. Перестройка: наше прошлое или будущее?... Материалы конф. ... / Под ред. О.Здравомысловой. М.: Эслан, 2002. С. 6–13.
31. Черняев А. Предисловие // В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А.С.Черняев и др. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С.7–11.
32. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. – 1047 с.
33. [Черняев А.С., Красин Ю.А.] Часть 1. Мотивы перемены Горбачевым внешнеполитического курса [Предисловие] // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С.29–34.
34. Чураков Д.О. СССР при Брежневе. Правда великой эпохи. М.: Вече, 2014. – 317 с.
35. Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Росника Зевс, 1993. – 626 с.
36. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. – 477 с.
37. Яковлев А.Н. Горькая чаша: Большевик и реформация России. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1994. – 461 с.
38. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003. – 672 с.

В общежитии обычно говорят о человеке как о свободно живущем и передвигающемся на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю. До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочкой, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее не отделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться.

В.И.Вернадский

В действительности, ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится. Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны – прежде всего *питанием* и *дыханием* – с окружающей их материально-энергетической средой. Вне ее в природных условиях они существовать не могут.

В.И.Вернадский

Евгения Лупанова

ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II В СФЕРЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

**УПРАЗДНЕНИЕ КОНТРОЛЯ
РАДИ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА?**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47).066
630

С XIX в. в историографии утвердился тезис о том, что во время правления Екатерины II закончилась начатая Петром I политика охраны лесов с целью сохранения ценного природного ресурса для последующего развития флота и промышленного производства. Императрица считала необходимым развивать частную инициативу, а государственные монополии (в т.ч. на пользование лесами) – неперспективными для развития экономики. Однако рассматриваемые в статье материалы показывают, что такая категоричная оценка однобока и неверна. При отказе от репрессивных методов Екатерина II уделяла много внимания проблемам лесного хозяйства: организации охраны лесов, описанию, научному изучению, составлению нового «Устава о лесах». Увеличение вырубок лесов при ее правлении действительно произошло, но оно было обусловлено не столько собственно изменениями в законодательстве и попустительством, сколько ростом населения и неверным толкованием законов.

Since the 19th century there is a common belief in the historiography that the period of Catherine II's reign was the time when the policy of forest protection (started by Peter the Great's as the wood was an important recourse for long-term development of navy and industry) was stopped. Indeed Catherine II supposed it necessary to develop private initiative, and state monopolies unpromising for economical development. However the materials taken under consideration in this article show that this judgment is lop-sided and not quite correct. At the time of refuse of repressive methods, Catherine II paid much attention to the problems of forestry – organization of preservation, descriptions, studies, creation of new regulation. Chopping wood really increased during her reign. But the reason for it was due to not only the changes in legislation and connivance as the growth of population and practice of interpretation.

Ключевые слова: Екатерина II; государственное регулирование лесопользования; лесное хозяйство.

Key words: Catherine II; state regulation of wood exploitation; forestry.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Сегодня, в XXI веке, забота о сохранении окружающей среды и решение экологических проблем для многих людей является абстракцией, делом благим и нужным, но далеким от повседневных забот каждого. Считается само собой разумеющимся, что для реализации этих благих идей нужна разумная политика государства и общественных организаций (и то, и другое также являются в известной мере абстрактными идеями). Двумя столетиями ранее ситуация выглядела противоположным образом. Подавляющее большинство населения России жило в непосредственной близости к лесам. От состояния окружающей среды непосредственно зависело повседневное благополучие: в лес ходили по грибы и ягоды, оттуда везли деревья на дрова, строительство, изготовление утвари. Лес давал деготь, смолу, веники, лыко на лапти и многое другое, без чего жизнь была просто невыносима. Сдвиг границы между деревней и лесом или, того хуже, исчезновение лесов в непосредственной близости неизбежно вели к тому, что для получения перечисленных благ необходимо было преодолевать большие расстояния или платить за вещи, которые отцы и деды получали, вкладывая только свой труд. То есть заинтересованность всех и каждого в сохранении своего леса была очевидна и не требовала объяснений. При этом государство в XVIII в. стремилось изменить ситуацию, поставить леса под государственный контроль или передать в руки частных владельцев. Развитие флота, производства и торговли вело по пути усиления эксплуатации лесов, несмотря на то, что декларировалась государственная охрана лесов от самовольных порубок [47]. Лесное хозяйство относилось к ведению Адмиралтейств-коллегии.

Период правления Екатерины II – время новых масштабных реформ, пересмотра сложившихся традиций. Начало правления ознаменовано преобразованиями в сфере высшего государственного управления. Коснулись изменения и Адмиралтейств-коллегии. Разработкой предложений занималась «Морская российских флотов и адмиралтейского правления комиссия», которая пришла к выводам, аналогичным заключению (1732) этой комиссии о сложности системы управления военно-морскими силами державы и сопряженной с ней низкой эффективностью этой системы. По новому регламенту Адмиралтейств-коллегии была разделена на 5 экспедиций (вместо существовавших до этого 10 контор). Управление лесами оказалось теперь в ведении интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии [40, с.92–100].

Портрет Екатерины II (гравюра Ч.Рюотта по живописному оригиналу Р.Бромптона) из фондов Отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Дискуссии и оценки в историографии

натяжкой, удобной для деления истории охраны лесов на «благополучное петровское и елизаветинское время» и «бесхозяйственность при попустительстве Екатерины» (вообще, такой взгляд является довольно распространенным в историографии). На самом деле, упразднение было произведено указом 1760 г. «в таких местах, где по последней описи годных лесов нет и хранимы быть не должны, вальдмейстеров отрешить и впредь к таким местам не определять»¹. На тот момент на вальдмейстерской службе в России состояло 72 человека, из которых 25 работали

При Екатерине II претерпевают изменения взгляды на сохранение природных богатств, производство, торговлю. Многие процессы можно отнести к либерализации политики: отказ от монополий, провозглашение принципа свободной торговли и производства, поощрение мелких ремесленников, отмена ряда пошлин. Взгляды Екатерины II на проблемы экономики не позволяли ей ограничивать возможности частных лиц зарабатывать на продаже древесины, или ухаживать/ не ухаживать за своими лесными владениями. Привилегии и монополии, как она считала, способны причинить лишь вред развитию экономики [19, с.250–351].

В историографии порой можно найти сведения о том, что Екатерина II упразднила вновь продемонстрировавший свою неэффективность институт вальдмейстеров [13, с.38]. Однако это утверждение является

¹ [Выписка из сенатского указа об отрешении вальдмейстеров. 9 сентября 1760 г.] // [4, д.3, л.80 об.]; Дело по рапортам обер-форшмейстеров при коих по сходству сделанным им предписаний доставили выписки из Проекта о лесах // [4, д.65, л.12–13].

в Казанской губернии, 11 – в Нижегородской, 30 – в Воронежской, 5 – в Новгородской, 1 – в Санкт-Петербургской. Было отставлено от службы 59 вальдмейстеров и осталось в Казанской губернии – 7, в Нижегородской – 3, в Воронежской – 1, в Новгородской – 2². В результате этого сокращения штата чиновников в лесном хозяйстве была сохранена и даже усилена диспропорция в пользу богатых корабельными лесами Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний. Если раньше в них служило 66 из 72 вальдмейстеров, то теперь – 11 из 13 и на долю всей остальной России за пределами этих трех губерний осталось только два вальдмейстера, что свидетельствует: утилитарные цели охраны лесов для нужд кораблестроения оставались основой правительственной политики в данной сфере. Одновременно с сокращением числа чиновников, специализировавшихся на охране лесов, была увеличена нагрузка на других государственных служащих. Надзор за лесами вменялся в обязанность губернаторам, которые, в свою очередь, делегировали полномочия сельским управам и нижним земским судам. Низовыми звеньями в этой цепи были сельские старосты, объездчики и землемеры. Екатерина II, получившая такую систему в наследство, не сочла нужным ее снова реформировать.

В начале своего правления императрица организовала особую комиссию³ во главе с С.И.Мордвиновым, которой были предоставлены широкие права по реформированию флота с целью повышения его боеспособности. Комиссия обратила внимание, в частности, и на корабельные леса: «1763 году ноября 25 дня в протоколе Морских российских флотов и адмиралтейского правления комиссия записала: ...велено для всегдашней надобности иметь достаточное известие, обстоятельные описи лесов, которые для построения флотов определены, зделав возможные учреждения о сохранении имеющих к заведению, ко размежеванию новых»⁴.

А.Э.Каримов особо отмечает 1775 г. в истории лесного кадастра в связи с «Учреждением для управления губерний». Хотя перед вновь создаваемыми структурами напрямую и не ставились задачи описания и охраны лесов, в исторической перспективе «формирование казенных

² [О поступлении по указу 9 сентября 1760 г.] // [4, д.3, л.80 об., 81].

³ *Морская российских флотов и адмиралтейского правления комиссия для приведения оной знатной части к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок.*

⁴ *О собрании сведений об имеющихся в Казанской губернии землях, годных для засева дубовыми желудями 1763–1765 гг.* // [3, д.11, л.1].

палат дало возможность... поставить кадастр земельных и лесных ресурсов на новый уровень. Впервые в каждой губернии был создан орган, занимавшийся, среди прочего, инвентаризацией земельных и лесных ресурсов. В царствование Екатерины II эта работа ограничивалась учетом доходных и расходных статей... в губернии (этим занималась 6-ая экспедиция казенной палаты)...⁵. Следует также отметить, что этот год примечателен в истории русского лесного хозяйства отменой государственной монополии на леса. Клеймить деревья, годные для кораблестроения, в частных дачах отныне было запрещено [28, с.569]. По сути, уважение прав частных собственников началось не с указа, а несколько ранее. Например, владельцам поместья, где «...в прошлом 1762 году по указу Государственной Адмиралтейской коллегии флота лейтенант Аничков в Новгородском уезде в Шелонской пятине... заклеимил... со-сновых мачтовых более тысячи деревьев», была выплачена крупная сумма в 3 285 руб. Это свидетельствовало о том, что государство уже считало себя обязанным, принимая во внимание интересы частных лиц и тот факт, что они берегут лес и не вывозят его к портам для продажи, выплачивать за это достойное вознаграждение⁶.

Указ 22 сентября 1782 г. критиковал законодательство предшествующего периода: «учреждения обращались более в стеснение собственности наших подданных, нежели приносили пользы Адмиралтейству». Ситуацию предполагалось исправить, предоставив владельцам неограниченное право распоряжения своими лесами и запретив рубку леса на нужды казны в помещичьих дачах. «Все леса, растущие в дачах помещичьих, наследственных или другим законным образом в собственность приобретенных, оставить в полную их волю, хотя бы оные до сего и заповедными признаваемы были... Позволено каждому, как внутри государства, так и при портах или границах, мачтовые и всякие деревья продавать». Причем указывалось на правомерность такого решения: ведь для обеспечения нужд Адмиралтейства было достаточно казенных лесов, а рачительные хозяева могли быть сами заинтересованы в выращивании деревьев, которые потомками будут проданы в казну по высо-

⁵ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. // [32, т.20, №14392; 20, с.115–116].

⁶ Дела комиссии российских флотов и адмиралтейского правления по челобитной жены порутчика Краснолеповой о награждении ее деньгами и деревнею за отписанные в казну в дачах ее мачтовые леса // [3, д.70].

кой цене⁷. Однако Указ оказался чреватым не столько сам по себе, сколько слухами, которые стали распространяться быстрее его содержания, о том, что императрица освободила дубовые деревья от охраны и разрешила их свободную рубку, вследствие чего начались масштабные самовольные вырубki. Этому также способствовало бытовавшее в те времена мнение о высоких урожаях пшеницы на землях, бывших под дубовыми рощами [37, с.32].

С.В.Ведров характеризует Указ 22 сентября 1782 г. как знаковое событие в истории лесоохраны. По его определению, этот документ положил «конец истории охраны лесов в России». С этого момента «начинается, с одной стороны, история управления казенными лесами, а с другой – печальная летопись истребления частных лесов их собственными хозяевами вследствие необеспеченности и малопродуктивности лесной собственности вообще и стремлению потому к превращению лесной недвижимой собственности в деньги» [10, с.171]. В.В.Врангель датировал данный поворот в истории лесного хозяйства годом раньше (23 ноября 1781 г.), когда было предписано взимать пошлины за вырубку лесов в Новгородской губернии. В том же 1781 г. были сняты все ограничения частного судостроения, с целью развития торговли упразднены все конторы, осуществлявшие контроль над частным судостроением [16, с.278]. Думается, что проведение жесткой грани, обозначенной конкретной датой как рубежной и поворотной, не совсем обосновано, как и негативная характеристика екатерининского царствования. Так, В.В.Врангель приводит сведения о попытке обложения пошлинами в пользу казны вырубok 1766–1768 гг., что являлось мерой по ограничению вырубok [13, с.44].

Анализ правительственной политики 1740-х – 1770-х гг., проведенный С.В.Ведровым, позволяет судить о том, что процесс ослабления контроля был постепенным, постепенно происходило и признание прав частных владельцев распоряжаться недвижимым имуществом по своему усмотрению [10, с.171]. Этот процесс начался задолго до воцарения Екатерины II⁸, а завершенным его нельзя считать и к 1782 г. И было бы

⁷ *Именной указ, данный Сенату, о распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущих. 22 сентября 1782 г. // [32, т.21, №15518].*

⁸ *Именной [указ], объявленный из Верховного тайного совета о назначении мест удобных для сплавки лесов, годных для корабельного строения, об уничтожении вальдмейстерских контор, о небытии вальдмейстерам и о надзоре за лесами воеводам каждому в своем уезде. 30 декабря 1726 г. // [32, т.7, №4995]; Именной состоявшийся в Верховном тайном*

неправильно связывать его с изменением отношения к вопросу сохранения природных богатств – дали свободу распоряжаться, значит открыли возможности для вырубок в любых количествах, чем сразу и воспользовались землевладельцы. Важный момент, который нельзя упускать из вида – инертность поведения людей. В рассматриваемый период государственная монополия на леса в России была в прошлом уже не одно десятилетие. И рассмотренные постановления, казалось бы, укрепляли права помещиков. Однако жизненные реалии подчас напоминали времена Северной войны. Суздальский депутат Уложенной комиссии граф А.И.Толстой докладывал:

...о лесах нужно сделать иное против нынешнего установление. Многие владельцы в своих дачах не имеют других лесов, кроме заповедных, которые однако же никогда не употреблялись на корабельное строение и употребляться не могут за их негодностию; но рубить эти леса, даже на самые крайние нужды, как то на отопление изб и другие крестьянские потребности, без дозволения запрещено. В таком положении владельцы, а в их отсутствие крестьяне их должны ездить в адмиралтейскую контору и брать там... билеты для заклеивания, что... по причине отдаленности мест крайне отяготительно. От этого происходит то, что некоторые по самой крайности, а другие по неведению, впадают в преступление. Всякий владелец подвергается ответственности не только за порубку в своих дачах, но и за несмотрение. Если дерево будет срублено кем-либо посторонним, то за каждое, хотя и негодное, но запрещенное, владелец штрафуетя десятью рублями. Штрафы эти возрастают до такого большого количества, то взыскание их делается совершенно невозможным, и в замену их подвергшиеся обвинению в лесной порубке берутся под стражу. Для устранения этого отяготительного состояния депутат... предложил: означенные леса, разобрав годные от негодных, вновь описать, и годные для кораблестроения рубить запретить, а для присмотра за ними определить особых надзирателей [34, с103].

Процитированный текст показывает, что владельцы даже не считали себя вправе просить разрешения распоряжаться лесами в своих поместьях. Освобождение от обязанностей надзора и необходимости брать

совете [указ] о содержании лесов на Преображенском и прочих островах С.-Петербурга и во всей Ингерманландии по произволу разного чина людей, в сих местах поселившихся, и о смотреции Вальдмейстерской конторе только за нерубкою заповедных лесов. 1 ноября 1727 г. // [32, т.7, №5193].

официальное разрешение для заготовки дров на зиму было пределом мечтаний.

Кроме того в конце XVIII – первой половине XIX в. лес оставался плохо транспортабельным и относительно низко рентабельным товаром. Заготовка древесины требовала большого труда. Поэтому ее использование в качестве источника доходов было скорее исключением, чем правилом, и соответственно лес редко осознавался населением как значительная ценность [20, с.118]. Вместе с тем продолжал расти дефицит древесины в Европе, а с ней – экспорт русских лесов. Большие объемы поставок на заморские рынки делали эту отрасль доходной лишь для немногочисленного круга лиц. Крупные заготовки и торговые операции были под силу более опытным и оборотистым английским предпринимателям, менее связанным государственным контролем, традиционно имевшим привилегии на российском рынке. В этом отношении екатерининская политика принципиально ничего не меняла [29, с.89; 33, с.98–104].

В отличие от С.В.Ведрова советский историк А.М.Цветков выделяет в качестве важнейшей другую веху в истории лесоохраны в России – 1765 г. – начало Генерального межевания. До этого момента все указы, инструкции, описания в данной сфере касались исключительно лесов, годных на корабельное строение, а прочие оказывались вне сферы внимания и защиты. Генеральное межевание предполагало охватить всю территорию губернии, дать полную сеть границ всякого рода владений и, в том числе, реальное размещение лесных массивов и их основные характеристики [39, с.70–71]. Детальные же описания были частью охранной политики. Таким образом царствование Екатерины II и последующие годы, в течение которых проводилось Генеральное межевание, оказываются связанными с важнейшим процессом постановки на государственный учет и взятия под охрану громадных лесных просторов. Существенным является и тот факт, что именно в ходе Генерального межевания впервые была предпринята попытка регламентировать лесные наделы крестьян, хотя установленные пропорции затем не соблюдались на практике [9, с.113–114].

Современный историк Г.А.Гребенщикова последовательно доказывает, что политика Екатерины II была детально продуманной и направленной на сохранение леса как стратегического ресурса. Большое значение исследователь придает «Жалованной грамоте дворянству»

(1785)⁹. Даруя привилегии, Петр III и Екатерина II жаловали и право свободного распоряжения лесами, освобождая помещиков от исполнения функций вальдмейстеров в своих имениях. «Жалованная грамота» создавала новую ситуацию в различных сферах жизни, требовала новых решений тех или иных проблем. В частности, теперь было необходимо изыскивать альтернативные способы контроля за использованием природных ресурсов. Поэтому в ходе реформирования Адмиралтейств-коллегии три конторы – адмиралтейская, сарваерская (ведавшая строительством и ремонтом кораблей) и вальдмейстерская – были объединены в единую интендантскую экспедицию, которая стала осуществлять общий надзор за корабельным лесом [15].

Особое место «Жалованной грамоте дворянству» в истории русских лесов отводил также В.Н.Чубинский, писавший, что именно в соответствии с этим решением «должности вальдмейстеров в губерниях сами собою упразднились, так как дворяне не хотели нести этих должностей без жалованья; посему все леса обращены в ведение директоров государственной экономии или государственного домоводства; только корабельные леса Казанской губернии указом 19 апреля 1767 г. оставлены в ведении Адмиралтейской коллегии... а охрана заповедных лесов возложена на лашманов»¹⁰.

Распространение прав собственности на леса

Для Екатерины II, в отличие от предшественников на престоле, не подлежало сомнению, что лес это, в первую очередь, не материал для строительства флота, а источник доходов – доходов государства и частных лиц, благодаря, прежде всего, экспортной торговле. Ограниченность природных ресурсов представлялась уже не столь острой проблемой. Новое веяние времени заключалось в том, что казенные корабельные леса должны служить источником государственных доходов и не должны предназначаться исключительно для нужд флота. При этом доход казна может получать и без организации на государственном уровне лесозаготовительных работ и

⁹ Жалованная грамота подтвердила основные положения Манифеста о вольности дворянства (1762) Петра III.

¹⁰ Сенатский [указ] о бережении заповедных лесов в Казанской губернии через смотрителей из тамошних обывателей, определяя их из каждого ж селения по очереди. 19 апреля 1767 г. // [32, т.18, №12876; 4, с.99].

поставок. Достаточно получать налог с частных лиц, получающих прибыль от торговли древесиной. Тем более не следовало налагать ограничений на извлечение доходов с частновладельческих имений [13, с.104; 33, с.7].

Осознание ценности природных ресурсов происходит в более широких, чем ранее, общественных слоях и приводит к распространению права собственности на лесные массивы. Неустановленное право владения, «въезжие» леса¹¹, чересполосное владение постепенно осознаются как проблема. Например, в наказе михайловского дворянства Уложенной комиссии читаем: «ничто так в сельской жизни разорительнее... и в сбережении лесов вреднее не бывает, как чересполосное владение» [14, с.503; 34, с.275]. Кроме уже существовавших в первой половине XVIII в. собственников – казны, промышленных предприятий и помещиков – появляются новые. «Ничьи» лесные массивы передаются переселенцам-колонистам. В результате стремления, по крайней мере, частично компенсировать ущерб, причиненный секуляризацией, появляются многочисленные церковные, монастырские и архиерейские леса. В 1780–1790-е гг. выделяются леса городские, крестьянские, дворцовые и государственные. В результате к концу столетия практически все леса Российской империи оказались распределенными между отдельными пользователями [8, с.12–13].

От кого необходимо защищать леса?

В большинстве законодательных актов по охране корабельных рощ крестьяне рассматриваются как наиболее опасный слой населения. Помимо дозволенного они вырубают заповедный лес, превышают лимиты, установленные в выданных им разрешениях, избегают уплаты пошлин, рубка производится ими не только для нужд собственного хозяйства, но и для продажи¹².

¹¹ *Право въезда в принадлежавший кому-либо лес предполагало право на использование материалов на собственные нужды, но не заготовку материалов для продажи.*

¹² *Сенатский [указ] о сбережении казенных дубовых лесов. 9 января 1791 г. // [32, т.23, №16934]; Сенатский [указ] о подтверждении запрещения вырубать заклеименные дубовые деревья. 28 февраля 1793 г. // [32, т.23, №17106]; Сенатский [указ] о наблюдении Архангельской адмиралтейской конторе за лесными поставщиками, чтобы они противу подяда не вырубали излишних деревьев. 15 июня 1793 г. // [32, т.23, №17134].*

Однако по здравому размышлению, крестьяне более других слоев населения были заинтересованы в сохранении ресурсов. Именно по ним больше всего било и оскудение окрестных лесов, и повышение цен на дрова, и дефицит материалов для строительства. Немецкий исследователь Й.Радкау, анализируя практику традиционного крестьянского лесопользования, приходит к выводу о том, что эти технологии причиняли значительно меньший вред окружающей среде, чем сплошные вырубki, подчистки и другие мероприятия, организованные «сверху», направленные, как считалось, на «правильное», «рациональное» использование лесов. Охрану же природы в том виде, в каком это делалось на государственном уровне в различных странах Европы, он называет «бюрократической мечтой», особой деятельностью, которую невозможно полностью отождествлять собственно с охраной природы, экологическим сознанием и т.д. [46, p.142, 306–308].

Показателен случай на Урале, когда в середине XVIII в. сход крестьянских общин принял решение «сохранить березовые рощи... положив платить известный денежный штраф в приходские свои церкви за каждое срубленное самовольно дерево». Т.е. в довольно отдаленном от столицы регионе, там, где правительство не могло обеспечить на должном уровне контроль над исполнением закона, крестьяне оказались в наибольшей степени заинтересованными в реализации лесоохранной политики. Собственное их решение повторило основную мысль закона и частично переложило бремя контроля на собственные плечи. Результаты оправдали ожидания и усилия. Источник начала XIX в. свидетельствует: «ныне видны там изрядные березовые леса и рощи, где прежде была пустая степь» [38, с.157].

Возможно пример такого решения – скорее исключение, чем правило. Тем не менее он показывает, что проблема сохранения лесных ресурсов осознавалась не только учеными и высокопоставленными чиновниками. Крестьяне, страдавшие от оскудения лесов, также задумывались о причинах дефицита, были заинтересованы и готовы принимать участие в решении проблем. При этом они повторяли букву закона, предписывавшего штрафовать за незаконные порубки¹³. Крестьянский

¹³ Инструкция обер-вальдмейстеру Глебовскому. 19 июля 1722 г. // [32, т.6, №4060]; Инструкция обер-вальдмейстеру. 3 декабря 1723 г. // [32, т.7, №4379]; Инструкция или устав каким образом потребные для содержания ея императорского величества флотов леса, где заказаны и порядочно готовлены и рублены быть имеют и как в бережении их поступать. 11 мая 1732 г. // [32, т.8, №6048].

сход, недовольный тем, что государство установило правило, но не в силах следить за его соблюдением, сам взял на себя функции контроля.

Еще один пример защиты крестьянами лесов от истребления в интересах коммерческой выгоды – инцидент близ села Чекашевы Полянки Пензенской губернии. В 1814 г. местный помещик Обресков (владелец села Такмова) купил у графини А.И.Безбородко рощу. Его управитель послал в новоприобретенную дачу людей для вырубki столбов на строительство винокуренного завода, в ответ на что местные «крестьяне человек до двух сот прибежали в ту рощу с дубинами, рогатинами и топорами и такмовских крестьян... прибили» [9, с.118].

Определенную корректировку в стереотип безграмотных и бесхозяйственных крестьян вносит инструкция И.И.Шувалова, по мнению которого крестьяне бережно относились к ближним лесам. Поэтому он распорядился в своих деревнях назначать «полещиков» «от каждого селения по человеку и вести очередь понеделно или месячно и при смене одних другими непременно наблюдать, не было ли порубки леса, и за нерадивое смотрение на тех донести вотчинному правлению, а не наймам, потому более, что наемщики скорей могут в смотрение свое произвести из лесу траты нерадением и продажею или бедою в надежде, что никто их подозревать и усмотреть за ними не может...» [18]. Сам он также был озабочен сохранением лесов именно в своих имениях, не особо раздумывая об остальных, почему предписывал: «...довольствоваться всем крестьянам моей вотчины дальними лесами». В инструкции П.Б.Шереметева еще четче выражена заинтересованность помещика в действии лесоохранительного законодательства, которое является для него средством сбережения собственных богатств: «Леса, которые в крепостных моих дачах, беречь и въезда никому не иметь и не пущать не только безъявно, но и с явками и от того не брать ничего и беречь прикащиком, и выборным, и полесовщикам накрепко, а буде кто порубит, записывать явочное челобитье и поймав с понятыми приводить в город...» [43, с.280]. И.И.Шувалов, как и уральские крестьяне, считал необходимым повторение законоположения о штрафах за незаконные вырубki. Правда, размер штрафа, определенного им для своих крестьян, был существенно ниже по сравнению с определенным общеимперским законодательством. По распоряжению помещика крестьян следовало за незаконные порубки подвергать телесному наказанию и денежному штрафу в размере 1 руб. в первый раз, 2 руб. – во второй, 3 руб. – в третий [18, с.226].

Взгляд на крестьян как на источник проблем, связанных с истощением лесов, был характерным убеждением в правящих кругах на протяжении всего XVIII в. В утверждении подобного взгляда были заинтересованы не только стремившиеся переложить ответственность на чужие плечи высокопоставленные чиновники Адмиралтейств-коллегии (в то время как именно строительство флота требовало наиболее крупных вырубок). Уход от ответственности за счет непросвещенного населения деревень мог стать удобным выходом из запутанной ситуации и для офицера, и для купца. Привлечь к ответственности население деревни (а то и нескольких деревень) за незаконные порубки было намного сложнее, чем конкретного купца, уличенного в незаконном экспорте, или офицера, не справившегося с налаживанием казенных поставок. Кроме того, незнание крестьянами нового законодательства почти официально признавалось поводом для освобождения их от ответственности.

Показателен в связи с этим случай перновского купца, владельца лесопильных мельниц Я.Биппена. Отправленные им за границу доски были задержаны в порту на основе указа 6 июля 1751 г., запрещавшего экспорт леса из Пернова. Началось расследование, в результате которого было установлено: «чтоб рубка за запретительным указом купцами нового лесу была, того не найдено, а явилось вновь в вырубке и в сплавке к Пернову крестьянами обтесанных тысяча сто одиннадцать круглых, тысяча пятьсот тридцать девять бревен, из которых торгующим лесом купцами для заморского отпуску куплено только триста семьдесят четыре дерева». Таким образом купцы в итоге оказываются невиновными и получают право на вывоз товара, при этом крестьяне – подрядчики Я.Биппена освобождаются от ответственности [41, с.248–254].

Но в целом эти «темные» малограмотные крестьяне нуждались в строительном материале, топливе и подчас больше любых специалистов были заинтересованы в бережном отношении к лесам в непосредственной близости к деревням. В России второй половины XVIII в. были еще актуальны древние традиционные представления о лесе как об общем достоянии, наличие и ценность которого понимались не только как возможность бесконтрольного и неограниченного использования, но и как ответственность, обязанность общей заботы о сохранении лесов. В масштабах всей Европы отказ от этого очень живучего стереотипа шел постепенно, сначала через установление частновладельческих прав на отдельно взятые леса, затем – через установление государственного

контроля. Процесс шел одновременно с урбанизацией и техническим прогрессом, т.е. одновременно лес превращался из чего-то доступного, понятного, ежедневно видимого, осязаемого, используемого на нечто менее доступное и конкретное, в некий идеальный образ, связь с которым не является условием выживания.

**Возвращаясь
к дискуссиям**

У Екатерины II злоупотребления, связанные с вырубками и торговлей лесами, не всегда вызывали большое беспокойство. «Не может сие, конечно, обратиться к оскудению

адмиралтейства нашего в лесах», – отмечается в цитированном уже выше указе 22 сентября 1782 г. За все годы ее правления трудно обнаружить хотя бы один случай привлечения к ответственности государственного служащего за злоупотребления по лесной части. Хотя судебные дела о мелком воровстве и незначительных незаконных порубках встречаются¹⁴.

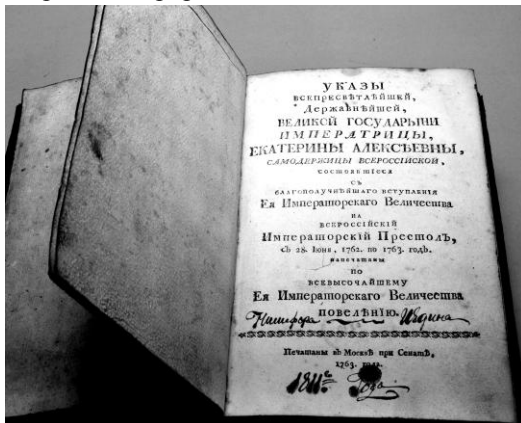
Екатерина II была осведомлена о злоупотреблениях чиновников и недостатках законодательства по лесной части (равно как и о злоупотреблениях во многих других сферах). На вопросы Д.Дидро о проблемах лесного хозяйства в России императрица дает следующие ответы: «Существуют ли общие регламенты относительно рубки леса? Каковы они? – Очень мало, да и те плохо соблюдаются. Имеется ли... лесная стража и чиновники? – Имеются, но они своими злоупотреблениями вызвали к себе ненависть» [12, с.401].

При этом императрица подчас эмоционально относилась к вопросам, связанным с лесами. Безлесные земли производили на неё тяжелое впечатление. По этой причине во время поездки в Крым она распорядилась посадить деревья близ Херсона [45, р.180].

Пропасть между буквой закона и реальной жизнью, сложности при реализации предписаний тем более были очевидны для людей, чья деятельность была непосредственно связана с лесным хозяйством. Я.Г.Бекман противопоставляет предписания действиям чиновников на местах: «не бесполезно, когда... от начальства сие строго запретится; а если ферстерским старанием сие исполнено будет...» [7, с.14–15]. Вместе с тем, нельзя упускать из виду реальные возможности лесного стража.

¹⁴ См., например: *Журналы комиссии Академии наук* // [5, д.309, л.109].

Помещик, скрывающийся за псевдонимом «Сельский Житель» (вероятно, А.Т.Болотов), описывал ситуацию: «я... не однажды совестился тем, что по необходимости принужден был наказывать лесников и сторожей за худое смотрение и за упущение, ...ибо рассуждая по человечеству... признавался сам себе, что иногда мы от лесников и сторожей наших... того хотим, чего исполнить иногда сущая невозможность не позволяет: я становил себя иногда мыслями на их место и спрашивал, в состоянии ль бы я был усмотреть и уберечь лес так, чтобы не могло пропасть из него ни хворостинки и стало ли бы меня на столько, чтоб ежеминутно везде быть и, находясь в одном краю, узнавать, что в другом происходит, а особливо в ночное время и в таком лесу, в котором за густотою и днем не можно ни слышать, ни видеть, что и за 100 сажень впереди происходит будет» [36]. Нужно сказать, что лесной сторож в помещичьем имении находился под значительно более строгим контролем по сравнению с государственным чиновником, охранявшим казенное добро. Государственный служащий должен был контролировать большие пространства, и осознание им практической неподконтрольности вышестоящим инстанциям, а также традиционный правовой нигилизм создавали условия, крайне неблагоприятные для реализации идей сохранения природных богатств.

Указы Екатерины II.
Печатная книга. СПб., 1763.
Из фондов Отдела истории
Кунсткамеры и российской
науки XVIII в. МАЭ РАН

В одной из собственноручных записок Екатерина II размышляет о проблемах русских лесов: «Мы ни в чем так не грешим, как по части лесов, – писала она. – У нас леса в небрежении; нет людей, знающих в этом толк; срубив одно дерево, о нем так же мало заботятся, как пока оно на корню. Я давно говорила, что надобно награждать помещиков,

которые будут беречь свои леса и потом продавать их на сруб Адмиралтейству. Хотя Адмиралтейство имеет в своем распоряжении обширные леса Казанской губернии, но с ними до крайности дурно поступали, не потому, что не было постановлений на этот предмет, но по неимению сведущих в деле людей» [37].

Чрезвычайно важным направлением деятельности монарха, намного более важным, чем издание запретительных постановлений, государыня считала воспитание сознательных подданных, исполняющих закон не из страха перед жестоким наказанием, а из осознания необходимости соблюдения установленного порядка в интересах как личного, так и «общего блага» [19, с.354–355]. С ее приходом к власти меняется базовая установка отношения к закону. Если раньше в основе законотворчества было репрессивное начало, ставилась цель запугать подданных, чтобы они не смели совершать противоправных действий, то теперь закон становился инструментом просвещения общества, его задача – донести информацию, научить от лица авторитетной власти посредством печатного слова. В связи с этим публикация трудов, которым отводилась некая роль в процессе воспитания общества, имеет большое значение в политике охраны лесов. В статьях закона появляются фразы, отражающие изменение в отношении к законодательству, например, о том, что Вальдмейстерская инструкция 1732 г. «нас научает». Мысль, что просвещение должно быть важным направлением лесоохранной политики, прочно утверждается и продолжает периодически высказываться во время размышлений на тему. Так, в качестве одного из факторов, способствующего разорению лесов, в литературе конца XVIII – начала XIX в. назвали неведение цены, за которую можно было бы продать мачтовое дерево: «когда крестьянин научится различать... и узнает, сколько большое дерево против малого стоит, то без сомнения осторожнее будет в своей економии и даст деревьям до возможной высоты и зрелости вырасти, ибо поверить нельзя, чтоб кто захотел мачтовое дерево или сжечь или на бревно употребить, зная великую разность в прибыли» [17, с.7–8].

Забота о сохранении русских лесов была неотъемлемой частью политики Екатерины II. Экономическая составляющая идеи о процветании страны в настоящем и будущем органично сочеталась с мыслью об идеалах чистой нетронутой природной гармонии. Забота о ней в интересах страны, подданных, общего блага была долгом «матушки императрицы». Екатерина II положила начало моде на английские парки, прогулка по которым должна была давать ощущение прогулки по нехоженым тропам в уединенной глуши.

Лесное хозяйство и наука

В екатерининское время продолжались работы по описанию лесов. Организацией их занимались чиновники лесного ведомства. Основной же рабочей силой, выполнявшей поиск годных на кораблестроение

лесов, клеймение, подчистки и т.п. работы, были местные крестьяне, для которых это была одна из многочисленным повинностей. Как и в более ранний период, результаты описаний подчас стимулировали развитие законодательства. В начале екатерининского правления были описаны годные на галерное и шлюпочное строение леса Новгородской, Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерний, чтобы «для всегдашней надобности иметь достаточное известие, обстоятельные описи лесов, которые для построения флотов определены, ...порожня и удобная земля к посеву еще желудков, и где именно и какова расстояния»¹⁵. Для выполнения поставленной задачи из адмиралтейского ведомства было командировано 11 человек, не считая рабочих. Спустя год в Петербурге не было известно ни результатов работ, ни местонахождения командированных, в связи с чем выражалось беспокойство: «А где оные геодезии афицеры тако ж штурманы ныне находятся, о том в коллегии не известно»¹⁶. Однако по окончании работ в 1765 г. были представлены подробные, добросовестно выполненные описания¹⁷.

В 1774 г. была произведена опись лесов в Могилевской и Псковской губерниях. Оказалось, что еще недавно богатые корабельными и мачтовыми деревьями земли, теперь имеют «посредственное» количество годных для кораблестроения деревьев на корню, и остатки продолжают вырубаться, так как на поставку их заключены контракты с рижскими лесоторговцами. Получив такую информацию, Сенат запретил дальнейшую вырубку деревьев в казенных лесах, а на вывозку материалов

¹⁵ Ведомость лесам Новгородского уезда, годным на галерное, шлюпочное и ботовое строение, составленная на основании описей 1762 г. 1765 г. // [3, д.71, л.1–7 об.; 3, д.11, л.8].

¹⁶ Дела комиссии российских флотов и адмиралтейского правления о собрании сведений об имеющихся в Казанской губернии землях, годных для засева дубовыми желудями 1763–1765 гг. // [3, д.1, л.1–8].

¹⁷ Дела комиссии российских флотов и адмиралтейского правления. Документы по освидетельствованию казенных лесов Казанской губернии. 1763–1765 гг. // [3, д.14, л.1–34].

из частных предписал каждый раз испрашивать дозволение губернатора. Запрещая крестьянам рубить лес, Сенат рекомендовал им, ввиду слабого развития земледелия и неурожаев, заняться заготовлением поташа и смолы, так как для этого могут быть использованы деревья меньших размеров, не годные для нужд Адмиралтейства¹⁸. Такая рекомендация выглядит несколько комично, если учесть, что количество деревьев, уничтожаемых при производстве поташа и смолы, в несколько раз превосходит то, которое можно вывезти к сплавным рекам для последующей продажи. Тем более нелепо выглядит эта рекомендация в рамках заботы о сохранении лесов, поскольку в 1775 г. была снята казенная монополия на поташ и привилегия передана дворянству. Естественным следствием стало появление новых «будных станов», особенно в богатых лесом районах, что привело к усилению эксплуатации лесов, их истощению, через некоторое время – обезлесению территорий (например, у графа Салтыкова в Симбирской вотчине, у Огаревых в Пензенской губернии и др.) [6, с.148]. В черноземном регионе изменения в организации поташного производства проявились сильнее, чем в других. Изготовление поташа было настолько развито в районе Белгородской укрепительной линии, что угрожало целостности самой линии. Активное изготовление поташа велось также около Чернигова, Стародуба, Брянска, Сергачева, Нижнего Новгорода, Пензы, Тамбова, Смоленска, в мордовских землях. При этом было характерно бесхозяйственное отношение к лесам. Значительная часть вырубленных для изготовления поташа деревьев зачастую оказывалась брошенными [39, с.27].

При Екатерине II восстанавливается практика приглашения немецких специалистов по лесному хозяйству. В 1772 г. в Россию прибыл для работы в Измайловском зверинце Фридрих Людвиг фон Занде, который «с малолетства упражнялся с пользою в подчистке лесов в разных частях Германии по берлинскому методу»¹⁹. При этом приоритет изначально был отдан не уходу за животными, а лесному хозяйству. Лишь спустя два десятилетия произошло смещение акцентов и руководство зверинцем было передано «сокольнику, не имеющему в лесном хозяйстве ни

¹⁸ Высочайше утвержденный доклад Сената о запрещении в белорусских губерниях рубить мачтовые и шпировые деревья без позволения губернаторов и об оставлении до указа в вольном промысле поташа, ордаша и смольчуга. 18 января 1774 г. // [32, т.19, №14106].

¹⁹ [Выписка из протокола заседания Экспедиции государственного хозяйства]. 5 июня 1797 г. // [4, д.6, л.10–10 об.].

малейшего сведения», что вызвало возмущение Ф.Л. фон Занде²⁰. В 1797 г. он будет переведен в форстмейстеры (лесничие) Московской губернии.

К 1773 г. относится попытка подготовки отечественных специалистов по лесному хозяйству. Императрица распорядилась определить десять «ягд-пажей» из числа дворян, состоящих при обер-егермейстерском корпусе, для обучения их по четырехлетней программе «форстмейстерству», «знанию лесоохранительного и размножительного обряда», включавшего недопущение незаконных вырубок, разделение на лесосеки, лесовосстановительные работы, прокладку новых дорог и каналов для транспортировки древесины. В указе подчеркивалась важность восстановления форстмейстерской службы «вместо ныне обыкновенных вальдмейстеров, не имеющих о форштмейстерских делах ни малейшего знания». Планировалось, что специалисты займутся делом «с ваящим искусством перед прежними, как то донине бывало»²¹. При этом приоритеты расставлялись в пользу охоты, ягд-пажи должны были обеспечивать условия для охоты и охранять леса как места, благоприятные для развлечения императрицы и ее ближайшего окружения. Этот мотив заботы о лесах очень древний. Примеры королевских, царских, княжеских охотничьих угодий легко найти как в русском, так и в западноевропейском средневековье.

Создание проекта лесного устава Екатериной II и подготовка законодательных актов, касающихся вопросов лесоустройства, не обходится без привлечения видных специалистов в этой области. Так, авторитетный ученый-энциклопедист и естествоиспытатель П.С.Паллас [33, с.7–8] оказал определенное влияние на либерализацию правительственной политики в сфере лесоохраны, передачу казенных предприятий частным владельцам. По его мнению, эти процессы не могли оказать негативного влияния на состояние лесов,

- во-первых, в силу заинтересованности владельцев предприятий в будущем их развитии (невозможном при нехозяйственном использовании лесов);

²⁰ Прошение Ф.Л. фон Занде на высочайшее имя. 16 апреля 1797 г. // [4, д.6, л.4–4 об.]; Аттестаты Ф.Л. фон Занде от 18 апреля 1785 г. и 1 апреля 1797 г. // [4, д.6, л.5–6 об.].

²¹ Высочайшая резолюция на доклад Обер-Егермейстерской канцелярии об определении при Обер-Егермейстерском корпусе 10 ягд-пажей из дворянства для образования их к должностям при сем корпусе и к форштмейстерским делам и о назначении 2 000 рублей на содержание их. 26 июня 1773 г. // [32, т.19, №14005; 11, с.3].

- во-вторых, благодаря установившейся уже системе бюрократического контроля [24, с.278].

Объективно говоря, безотносительно мнений по лесному вопросу, бытовавших в XVIII в., состояние лесов в частных владениях было лучше, чем в казенных. По данным 1847 г. средний возраст строевых деревьев в помещичьих дачах составлял 60–100 лет, тогда как в казенных – 40–60 (См., например: [22, с.187]). Причины тому едва ли состояли в продуманной хозяйственной деятельности большинства помещиков. Скорее, лучшая сохранность лесов объяснялась значительно меньшими потребностями. Здесь стоит подчеркнуть, что разговоры об истощении русских лесов в XVIII в. – это разговоры об истощении не собственно всех лесов в стране, а стратегически важного для государства ресурса – ценных для кораблестроения пород деревьев в центральных губерниях по берегам сплавных рек, откуда была удобна доставка материалов в Санкт-Петербург.

15 ноября 1781 г. на заседании Конференции Академии наук было зачитано письмо генерал-майора А.А.Безбородко, в котором содержалась просьба императрицы составить алфавитный каталог всех деревьев и кустарников, произрастающих в России, с указанием для каждого названия на русском, немецком и латинском языках, губернии и местности, в которых они встречаются [25, с.683]. Выполнением данного поручения занялся академик П.С.Паллас, обязавшийся подготовить каталог к следующему заседанию, т.е. в течение нескольких дней.

К тому времени П.С.Паллас в ходе академической экспедиции побывал во всех, за исключением северных, естественно-исторических зонах России, дал описание многих древесных и кустарниковых пород. Требуемый список он дополнил «Краткими положениями, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание». В этом проекте он предлагал меры по совершенствованию лесного хозяйства за счет административных

П.С.Паллас (репродукция с литографии). Из фондов Отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН.

ресурсов и просвещения населения. Отмечалось, что для налаживания рационального использования ресурсов необходимо, прежде всего, изучение, точный подсчет и картографирование. «Следует в каждой губернии снять специальные карты лесов и роц; сделать описание; ...произведенный счет и оценку деревьев на определенной или измеренной площади, имеющегося запаса привести в состояние пригодное для использования», – пишет он. Учет ставится им в один ряд с никак не поясняемым «приведением в состояние пригодное для использования». П.С.Паллас предлагал «один раз навсегда определить потребность в строевой и топливной древесине» в каждом округе и губернии, рассчитать возможности торговли древесиной и перспективы возобновления лесных массивов. Данная идея была реализована в 1782 г. созданием «Генерального атласа, сочиненного из имеющихся при Адмиралтейской чертежной разных годов описей всякого рода лесам». Он охватывал европейскую территорию России и содержал сведения о годных для кораблестроения лесах [23, с.44].

О системе управления лесным ведомством П.С.Паллас придерживался самого низкого мнения. Если иметь перед глазами его проект и не владеть информацией о вальдмейстерской конторе Адмиралтейств-коллегии, форстмейстерской службе, то можно подумать, что на момент выдвижения данного проекта государство совершенно не заботилось о сохранении лесов: «Для того чтобы действительно существующая пропорция лесов в будущем могла сохраняться... необходимо, чтобы в каждой губернии был образован лесной надзор». Этим должностным лицам, по его мнению, должны быть вменены собственно те же обязанности, какие и выполнялись форстмейстерами. Знаменательно само по себе то, что, проехав огромную часть страны в ходе академической экспедиции, ученый, относившийся ко всему с очень пристальным вниманием, не заметил следов лесоохранной деятельности государства.

Важным мотивом в проекте П.С.Палласа является просветительский. Он пишет, что необходимым условием налаживания рационального лесного хозяйства является составление краткого и основательного руководства: «Подобная... инструкция, мне кажется, принесет больше пользы, чем управление лесами из далеко лежащего округа Лесного департамента. Быть может, было бы полезно, кроме этого, иметь сведущих в лесном деле людей, которые бы объясняли одно за другим» [30].

По всей видимости, продолжением работы над этой темой стал труд П.С.Палласа, рукопись которого находится в Архиве СПбИИ РАН. Под скромным заглавием «О лесах» скрывается подлинно энциклопедиче-

ское произведение. Отталкиваясь от характеристики географических условий различных регионов России, Паллас характеризует произрастающие в той или иной полосе леса, дает их классификацию (делит на северные, 57°–67° северной широты; центральные, 50°–57°; и «полуденные», южнее 50° широты)²². Он описывает деревья «с показанием какой статьи леса приличны которой полосе и какие леса расти могут в которой полосе» [1, д.768, л.2]. Деление на зоны основывалось на различных условиях лесопроизрастания. Деревьям, выроставшим на юге за 30–40 лет, на севере требовалось 60 лет; следовательно, и возраст рубки должен различаться в зависимости от климатической зоны.

Разделение леса на статьи у него не соответствует географическим зонам. Он выделяет в первую статью «черный и твердый лес» (к нему относит дуб, ильм, вяз, ольху, березу, рябину), во вторую – «белый, высокий и мягкий» (липа, осина, ветла, ива, верба), в третий – хвойный «красный и высокий» (сосна, ель, пихта, лиственница, кедр) и, наконец, малорослый и кустарники. Вслед за Ф.Г.Фокелем, но не повторяя его, П.С.Паллас, приводя название на четырех языках, дает характеристику каждой породе дерева: область распространения; описание видов, почвы, на которой оно растет; биологические особенности; рекомендации по разведению; ценность в качестве материала для человека и область хозяйственного использования. Большой раздел посвящен деревьям «иностранным, которые расти могут в России». В их числе названы в основном произрастающие в Америке²⁴, а также тутовое дерево, бобовое (шоколадное), сумах и испанский дуб. На протяжении всего текста автор периодически ссылается на опыты, под которыми подразумеваются не столько собственно эксперименты, сколько наблюдения ученого в ходе академической экспедиции. Труд П.С.Палласа интересен также и новыми приоритетами в лесном хозяйстве. По его мнению, «лесное надзирательство должно знать, во-первых, о пространстве, занимаемым лесными угодьями в местах его ведомства; второе, о разности произра-

²² В литературе встречается мнение о том, что разделение лесов по географическому принципу является идеей Екатерины II. При этом ссылаются на письмо императрицы П.С.Палласу, опубликованное в «Отечественных записках», где Екатерина II говорит о таком же делении. Далее государыня пишет: «Разделение лесов, предложенное П.С.Палласом, кажется мне столько же верным, как и полезным». Т.е. она не считает деление лесов собственным предложением [См.: 27, с.48; 42, с.169; 37].

²⁴ «Индийский каштан», американские ореховые деревья, каштан, можжевельник, «дерево жизни» (по всей видимости, белый кедр) и др.

стений, свойственных разному положению места; третье, о разделении дикорастущего леса на разные роды; четвертое, о свойстве каждого рода дерева и кустарника» [1, д.768, л.2]. Если вспомнить содержание контракта с немецкими специалистами 1727 г., то нетрудно заметить коренное изменение отношения к обязанностям специалиста по лесному хозяйству. Происходит смена приоритетов от чисто практических целей охраны, разведения и заготовления лесов к изучению природы. Утилитарный интерес сменяется интересом научного характера.

Работа, по всей вероятности, датируется серединой 1780-х гг. и завершена к 1786 г., когда легла в основу Проекта о лесах. После ее предоставления Екатерине II сама императрица вплотную занялась разработкой нового уложения о лесах. Сохранившийся в Архиве СПбИИ РАН ее собственноручный автограф на 45 листах опровергает мнение о том, что государыня не считала лесной вопрос важной частью государственного управления. Основой для работы императрицы над проектом нового устава о лесах наряду с рассмотренной работой П.С.Палласа стала подготовленная для нее выборка из действующих законов, труды других ученых и членов Вольного экономического общества. Вдумчивая работа с этими многочисленными материалами нашла свое отражение в черновых записках.

Внимание Екатерины II привлекла мысль, высказывавшаяся на страницах «Трудов Вольного экономического общества» о том, что крупные вырубки становятся следствием некачественного домостроительства и использования традиционных технологий заготовки дров и отопления жилищ. Поэтому она обозначает знаком *NB* разделы об обнародованной Академиею наук ручной пильной мельнице, тезисы о строении и расположении крестьянских домов, строении общественных печей для хлеба, думает о запрете строения изб без труб²⁵. Безопасной для существующих лесных массивов Екатерина II считала ежегодную вырубку 1/100 части деревьев; любые вырубки сверх этой доли предполагалось

²⁵ Последний тезис выглядит несколько странно. Хотя он определенно поставлен ею наряду с другими мерами по сбережению лесов. Хорошо известно, что топка по черному считалась крестьянами средством экономии дров, а известное выражение «вылететь в трубу» связывалось как раз с топкой по белому. В литературе XVIII в. внедрение печек с трубами одобрялось за чистоту, отсутствие вредного влияния дыма на материал, из которого построена изба. Встречаются также и тезисы о том, что печки европейского образца (отличавшиеся от русских, в частности, и наличием труб) лучше русских, т.к. эффективнее обогревают жилище при меньшем потреблении дров (См., например: [44]).

запретить. При том она считала необходимым установить равномерную вырубку разных пород деревьев на какое бы то употребление ни было, т.е. вопреки традициям, отдающим предпочтение тем или иным породам. Предполагалось активное использование валежника для топки печей, запрет рубки крупных деревьев на «мелкие поделки», половицы и т.п. Из заметок следует, что императрица не считала сокращение числа вальдмейстеров шагом на пути ослабления контроля за лесами. «Лесному надзирательству» придается довольно большое значение. Видимо, сокращение штата вальдмейстеров представлялось ей сокращением малоэффективного аппарата и передачей его функций имеющим больший авторитет на местах сельским управам, которые должны были следить за исполнением законов на местах, за состоянием лесов, процессом смолокурения, определять лесосеки, «иметь в запасе семена древесные» и организовывать лесопосадки в районах, страдающих дефицитом древесины. Особой охране, по ее мнению подлежал дуб, ценный как материал и требующий много времени для роста. В сфере повышенного внимания было сохранение заповедных корабельных рощ, растущих в непосредственной близости к морским берегам или к крупным сплавающим рекам. В качестве меры по сбережению мачтового леса предполагалось обнародовать в печати их стоимость и размеры, по которым можно определить годную для мачты сосну. Границы особо охраняемых лесов предлагалось окапывать; для нужд артиллерии – выделять материалы, забракованные адмиралтейским ведомством. В качестве проблемных ситуаций рассматривался как недостаток лесов (устранять посредством посадок), так и излишество (бороться посредством торговли или поставок к Адмиралтейству, что было разумной альтернативой выжиганию или вырубкам без последующего использования древесины). Некоторые части устава намечены лишь тезисно (например, «о нестроительном лесе» или «в северной полосе о размножении леса»); подробно расписана часть о лесах северной полосы, что, видимо, предполагало продолжение проекта, посвященное двум другим полосам, по делению П.С.Палласа²⁶.

Беловой текст Проекта о лесах по большей части основан на рассмотренной работе П.С.Палласа с некоторыми дополнениями²⁷. Несмотря на то, что Проект не был утвержден и не стал законом, императрица

²⁶ *Екатерина II. О лесном хозяйстве. Черновой автограф. [1786 г.] // [2, д.122, л.1–45].*

²⁷ *Роспись в которой полосе какие губернии полагаются. Выписка из Устава о лесах для полосы северной. [1786 г.] // [4, д.65, л.3–6 об., 8 об.–10, 15 об.–21 об., 28–31 об., 36–41].*

распорядилась разослать выписки из него «генерал-губернаторам и правящим ту должность в отсутствии их» с предписанием придерживаться данных правил. Выписки требовалось составить в соответствии с географическим положением каждого региона-адресата. Притом указывалось на временность этой меры – до издания означенного устава и оговаривалось, что «предписание сие не касается до лесов, частным людям принадлежащих, кои в употреблении собственности их имеют полную власть и право»²⁸. В качестве начального этапа и частичного утверждения Устава о лесах можно рассматривать два указа 1786 г. об описи и обмежевании лесов северной и средней полосы²⁹. В юридической практике на Проект о лесах ссылались как на закон. Аналогично было отношение к знаменитому Наказу Уложенной комиссии, который также никогда не утверждался в качестве закона. В более поздних документах встречается указание на противоправность тех или иных действий, так как они противоречат положению Проекта устава о лесах 1786 г.³⁰ А в 1793 г. копия устава была отправлена сенатором П.А.Соймоновым в Барнаул начальнику Колыванских заводов С.Г.Качке с рекомендацией «расположению на делянке, рубке и вообще всему бережению оных правил присвоить для состоящих под вашим управлением Колыванских заводов» и оговоркой «что же касается до означенных в нем самовольную порубку и всякое повреждение оных взысканий, то до воспоследования высочайшей конфирмации оному Уставу благоволить держаться узаконений, ныне существующих» [26, с.35]. В документе 1797 г. отмечалось: «Из сообщений казенных палат усматривается существовавший доньше высочайший изданный в 1786 году устав о лесах, ...по которому казенные леса велено разделить и

²⁸ Копия [с рескрипта Екатерины II ревельскому генерал-губернатору Ю.Ю.Броуну]. 28 марта 1786 г. // [4, д.65, л.8]. См. также предписания другим генерал-губернаторам 1786 г. // [4, д.65, л.12–15].

²⁹ Именной [указ] данный Санкт-Петербургскому губернатору Коновницыну об описи, обмежевании и разделении на части казенных лесов Северной полосы по правилам, изображенным в приложенной выписке Устава о лесах. 28 марта 1782 г. // [32, т.22, №16364]; Именной [указ] данный правящему должность тульского генерал-губернатора генерал-поручику Кречетникову об описи, обмежевании и разделении на части казенных лесов средней полосы по правилам, изображенным в приложенной выписке Устава о лесах. 28 марта 1782 г. // [32, т.22, №16365].

³⁰ Записка о казенном Шиповом лесе. 24 августа 1803 г. // [4, д.57, л.118]; [Выписки из протоколов заседаний Адмиралтейств-коллегии. 1799 г.] // [4, д.65, л.22, 26, 32–33 об.].

во многих губерниях действительно уже разделены, а в иных потому ж разделить предложено на лесосеки или на части, из которых к соблюдению для флотов отделена токмо пятая доля или часть, а затем прочими четырьмя предоставлено пользоваться обывателям даже из лесов заповедных родов по вальдмейстерской инструкции, как то: из дубовых, кленовых, вязовых и ильмовых...»³¹

Тем не менее по оценке члена Вольного экономического общества П.Коха, «такое полезное учреждение», как Устав о лесах, «за бесчисленными делами» по большей части остался на бумаге. «В некоторых губерниях из старинных заповедных лесов отделена в казну пятая часть, прочие же сделались незапрещенными», разбивать их на лесосеки не успевали. Дворяне же немедленно воспользовались всеми выгодами неразмежеванных лесов, а казна никакой прибыли не получила, так как «казенные леса по невыразумлению прав собственности сделались как бы всем принадлежащими. Кто только хотел, мог их вырубать и продавать для внутренней и заграничной торговли, на продовольствие городов, заводов и на судовое строение». В приморских губерниях резко увеличилось количество пильных мельниц и объемы смолокурения [21, с.37–40].

Заключение

Таким образом, оказывается, что увеличение вырубок лесов при Екатерине II было обусловлено не столько собственно законодательством и уменьшением степени озабоченности правительства лесным вопросом, сколько практикой толкования законов и практикой использования различных «лазеек». Этому отчасти способствовала либерализация пенитенциарной системы – фактически действовавший мораторий на смертную казнь, апелляция к более мягким по сравнению с законодательством XVII – первой четверти XVIII в. мерам наказания. Кроме того, не следует забывать, что на протяжении всего XVIII в. важнейшей причиной увеличения вырубок был рост населения и увеличение количества пашенных земель. Императрица была озабочена состоянием русских лесов, считала необходи-

³¹ В учрежденную при правительствующем Сенате экспедицию государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домостроительства из государственной Адмиралтейств-коллегии. 1797 г. // [4, д.2 (Об откомандировании офицеров для осмотра и описи казенных лесов), л.21 об.–22].

мой работу по дальнейшему их изучению, защите от незаконных порубок, сохранению для последующих поколений. Однако она не считала правильным ограничение прав частных владельцев или ущемление интересов частных владельцев. Лесные массивы во второй половине XVIII в. приобретают статус собственности. Но многие территории остаются спорными. Проблема невозможности контролировать неразмежеванные леса оставалась актуальной и в более поздний период, отмеченный, в целом, ужесточением порядков и активизацией лесоохранной политики. Законодательство 1799–1820 гг. настойчиво повторяло задачу выделения собственно казенных земель, напоминало о необходимости провести это быстро и ликвидировать непрекращающееся истощение лесов. При всем том новые законодательные акты противоречили ранее изданным законам, и неопределенность ситуации стимулировала дальнейшее увеличение вырубок [39, с.33–34]. Важным явлением было укрепление научного начала в лесном хозяйстве. Это происходило во многом благодаря активному участию в обсуждении вопроса и авторитету П.С.Палласа. Важнейшим документом екатерининского периода стал проект Устава о лесах. Хотя он не был утвержден и принят, как закон, он стал широко известен, на него активно ссылались, постоянно используя его при решении различных вопросов в течение многих лет.

Памятник А.Т.Болотову в Богородицке. Скульптор А.И.Чернопятов.
<http://93.r.photoshare.ru/00932/008e472b6c95c984422d14e8aa0507c730bbddb.jpg>

Библиографический список

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. Ф.36. Оп.1.
2. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. Ф.203. Оп.1.
3. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф.147. Оп.1.
4. Российский государственный исторический архив. Ф.1594. Оп.1.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф.3. Оп.1.
6. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. – 265 с.
7. Бекман Я.Г. Лесной временник или росписание, касающееся до должности ферстера, то есть лесного надзирателя о производимых им в каждом месяце в целый год лесных исправлениях. СПб.: [Тип. Воен. коллегии], 1773. – 92 с.
8. Бобров Р.В. Об управлении лесами Отечества (исторический обзор). М.: ВНИИЦлесресурс, 1990. – 50 с.
9. Богачев А.Ф., Захаров В.И. К проблеме крестьянского лесопользования в Среднем Поволжье // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII – начало XX в.). Саранск: МГУ, 1979. С.112–121.
10. Ведров С.В. О лесоохранении по русскому праву. СПб.: Тип. В.Безобразова и К°, 1878. – 224 с.
- 11 [Вереха П.Н., Орлов М.М.] Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института (1803–1903). СПб.: Гос. тип., 1903. – 194, 157 с.
12. Вопросы Дидро, относящиеся к социальному и экономическому состоянию Российской Империи и ответы на них // Дидро Д. Собрание сочинений. М.; Л.: Гослитиздат, 1947. Т.10. С.401–402.
13. Врангель В.В. История лесного законодательства Российской Империи. СПб.: Привилег. тип. Фишера, 1841. – 156 с.
14. Гершман И. Очерк истории лесовладения, лесной собственности и лесной политики в России // Лесной журнал. 1911. Вып.3–4. С.493–518.
15. Гребенщикова Г.А. Проблема сохранности корабельного леса в XVIII веке // Вопросы истории. 2007. №12. С.136–141.
16. Дубровин Г.Е. и др. История северорусского судостроения / Г.Е.Дубровин, А.В.Окороков, В.Ф.Старков, П.Ю.Черносвитов. СПб.: Алетейя, 2001. – 402 с.
17. Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской Империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде. СПб.: В Тип. Имп. театра, 1808. Кн.2. 294, 207 с.

18. Инструкция обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова для управления его селом с деревнями (Владимирской губ.) на р. Клязьме [1795–1797 гг.] // Университетские известия. Киев, 1909. №7. С.222–234.
19. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
20. Каримов А.Э. Докуда топор и соха ходили. Очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX века. М.: Наука, 2007. – 236 с.
21. Кох П. Краткие замечания о начале и успехе лесного управления в России, особливо по Московской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1809. Ч.61. С.27–40.
22. Краткое статистическое описание лесов Орловской губернии // Лесной журнал. 1847. №24. С.186–289.
23. Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.) М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 273 с.
24. [Лепехин И.И.] Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб.: Б.и., 1802. [Ч.II]. – 338 с.
25. Летопись Российской академии наук. СПб.: Наука, 2000. Т.1. – 994 с.
26. Мелехов И.С. Очерк развития науки о лесе в России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 207 с.
27. Мерзленко М.Д. Петр Симон Паллас // Устойчивое лесопользование. 2009. №2 (21). С.48.
28. Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1888. Т.5. – 1053 с.
29. Очерки истории Ленинграда. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.I. Период феодализма (1703–1861 гг.). – 896 с.
30. Паллас П.С. Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание / Пер. В.Ф. Гнучевой, подг. к публикации и коммент. А.К. Сытина // Историко-биологические исследования. 2011. Т.3. №3. С.88–93.
31. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя политика России М.: Междунар. кн., 1947. – 404 с.
32. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. [Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния с.е.и.в. канцелярии, 1830.
33. Рудзкий А.Ф. История лесоустройства. СПб.: Лит. С.Ф.Яздовского, [1887]. – 43, 1–16, 53–198 с.
34. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1869. Т.IV. – 511с.
35. Своеручная записка государыни императрицы Екатерины II о разделении лесоводства в России // Отечественные записки. 1825. №68. С.333–339.

ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II В СФЕРЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

36. Сельский житель. О сохранении лесов от порубки (письмо к уединену) // Экономический магазин. 1780. №65. С.193–208.
37. Собственноручно изложенные мысли Екатерины II о положении кораблестроения и лесоводства в России. 1772 г. // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1874. Т.13. С.254–255.
38. Теринов Н.И. Очерк истории сбережения лесов на Урале (XVIII–XIX вв.) // Труды Института экологии растений и животных. Свердловск, 1977. Вып.105. Развитие лесообразовательного процесса на Урале. С.154–165.
39. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 213 с.
40. Чубинский В.Н. Историческое устройство управления морским ведомством в России. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1869. – 314 с.
41. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по одной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. М.: Унив. тип., 1786. Т.5. Кн.1. – 840 с.
42. Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1857. – 378 с.
43. Шереметев П.Б. Инструкция Ярославской моей вотчины Юхоцкой волости прикащику, а в небытность прикащика исполнение по ней чинить выборным, определенным вместо прикащика // Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708–1885). М.: Изд-во [Останкинского] Дворца-музея, 1947. С.269–285.
44. Шретер Е.И. Примечания о причинах холода в жилых покоях с наставлением кладки или устройства наших одобренных, дрова сберегающих комнатных печей в С.-Петербурге // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1790. Ч.42. С.1–66.
45. Moon D. The Plough that Broke the Steppes. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – 304 p.
46. Radkau J. Nature and Power. A Global History of the Environment. Cambr.: Cambridge Univ. Press, 2008. – 430 p.
47. Warde P. Ecology, Economy and State Formation in Early Modern Germany. Cambr.: Cambridge Univ. Press, 2006. – 320 p.

Нужно было, чтобы революционное действие, исходящее из народа, совпало с движением революционной мысли, шедшим обыкновенно до тех пор от образовательных классов. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали друг другу руку.

П.А.Кропоткин

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

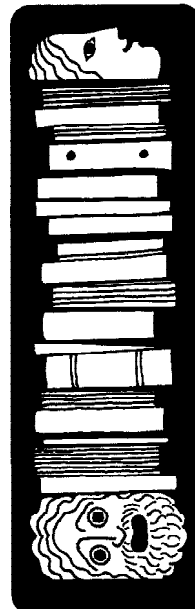
В.О.Ключевский

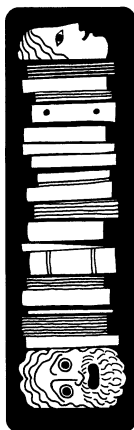
Носитель таланта – человек – может ошибаться, но талант, если ему только будет дан ход, как давал ему ход Мопассан в своих рассказах, откроет, обнажит предмет и заставит полюбить его, если он достоин любви, и возненавидеть его, если он достоин ненависти. С каждым истинным художником, когда он под влиянием среды начинает описывать не то, что должно, случается то, что случилось с Валаамом, который, желая благословить, стал проклинать то, что должно было проклинать, и, желая проклинать, стал благославлять то, что должно было благославлять; он невольно сделает не то, что хочет, а то, что должно.

Л.Н.Толстой

Есть много истин, правда лишь одна:
штампованная признанная правда.

М.А.Волошин

Елена Мягкова

**«БЕСЫ», «ИГРОКИ»
И «МЕЧТАТЕЛИ»,
ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК
СТАНОВИТСЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ**

ЧАСТЬ I

УДК

94(44).04

В противовес традиционному анализу содержания политики (правовые, институциональные и социальные основы власти, ее имущественные интересы) настоящая публикация подготовлена в русле новой политической истории, изучающей будни власти, механизмы ее функционирования (приемы, эффективность организации, имидж). В эпоху революции важнейшее значение получают субъективные, человеческие, факторы. Как становятся революционерами? Представляют ли эти люди особый психологический тип, невостребованный в мирное время и поднимающийся на поверхность истории только в критические моменты? Или это обычные люди, волею судьбы оказавшиеся в сложнейшей ситуации, вынуждающей их поступать вопреки своим привычкам и убеждениям? На основе неопубликованных архивных документов рассматриваются четыре взаимосвязанных блока проблем: культурные истоки революции, создание «нового человека», закон и насилие как методы революционного действия и политический дискурс революции.

Contrarily to traditional analysis of the politics main components (property interests, lawful, institutional and social principles of power) the publication turns towards a new political history in studying mechanism or everyday life of power (methods, efficiency of function, image). Personality, subjectivity are the most characteristic features of revolution. How one comes to revolutionary? Is it possible to speak about number of persons, little active in ordinal but essentially important in critical moment? Or there are some circumstances able to provoke crucial deviation in one's mind and action? Quantity of unpublished documents from archives helps us to understand the whole chain of problems: cultural origins of the revolution; making up a «new human being»; law and violence in revolutionary administration; discourse of the revolution.

Ключевые слова: Французская революция (1789–1799); общественно-политическая мысль XVIII в.; политическая культура; проблема революционного лидерства; новая политическая история.

Key words: French Revolution (1789–1799); social and political thought of the XVIII century; political culture; revolutionary leadership; new political history.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

История Французской революции имеет огромную историографию и, казалось бы, достаточно полный комплекс опубликованных источников. Однако, как и столетие назад, мы можем вслед за П.А.Кропоткиным констатировать, что история «этого громадного переворота» несовершенна, оставляя массу пробелов и множество фактов «еще не разъясненных» [11, с.5]. В современных исследовательских практиках прежнее увлечение объективными процессами и структурами большой длительности уступает место событию и актеру.

Эти изменения были обусловлены сменой приоритетов в более широкой концептуальной схеме, объясняющей саму природу революции, – диалектике «события» (*кайроса*) и «процесса» (*хроноса*). Ее осмысление началось с представителей исторической школы периода Реставрации (О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Тьер, Ф.Минье) [15] и завершилось абсолютизацией категории процесса в «классической» (марксистской) историографии. Революции отводилась «сугубо функциональная роль перехода, некоего двигателя ("локомотива"), перемещавшего Францию по линейному маршруту прогресса из пункта Феодализм (Старый порядок) в пункт Капитализм (Современное общество)», придавая этому движению черты телеологии» [5, с.122]. Оспаривая известный постулат «люди творят свою историю», Ф.Бродель позже утверждал, что история «делает людей и определяет их судьбу». Сформулировав идею циклов «большой протяженности» (*la longue durée*), устойчивых структур истории, он представил события краткосрочной аномалией, нарушающей «ход вещей», а саму революцию – чем-то слишком причудливым и неупорядоченным, чтобы стать предметом, достойным изучения [24].

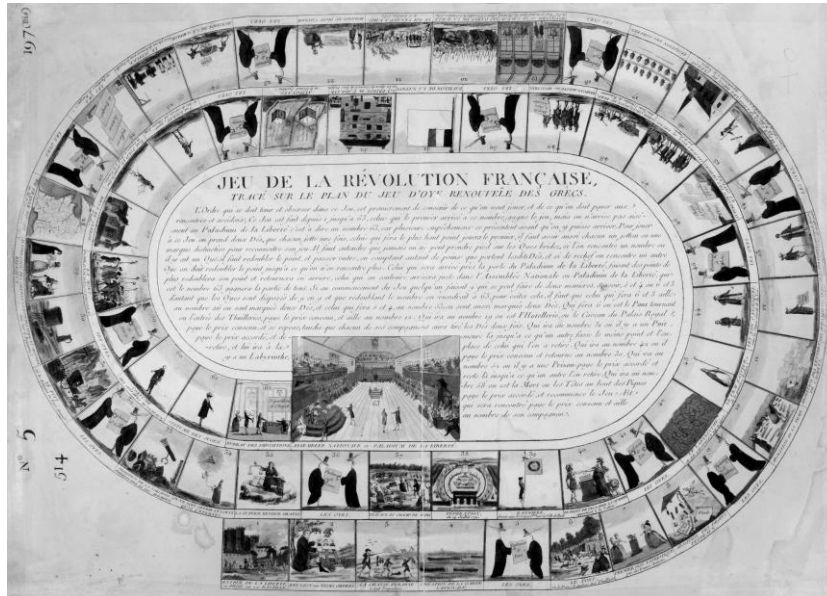
Под влиянием работ историков-«ревизионистов» (Ф.Фюре, [21]) акцент в противопоставлении события и процесса был перенесен в противоположную сторону. Революция как часть долгого процесса, как совокупность предпосылок, которые вызвали ее наступление, рисовалась не тождественной революции – явлению, предполагавшему своим внутренним развитием собственную политическую и социальную структуру. В глазах П.А.Кропоткина она – «целый мир, полный жизни и действия» [11, с.5], целостность, подлежащая объяснению *из самой себя*. Она абсолютна (не вытекает из предыдущего и не впадает в последующее) и самодостаточна, ее содержание выступает контрастом повседневности как очевидный разрыв, слом. В ее внутреннем мире сцепление стихийности и сознательности, страха и надежд породило огромную энергию, приведшую в движение все части французского общества. Ход револю-

ции (в отличие от государственного переворота или реформ) не может быть запрограммирован. Она не подчиняется планам лидеров ("*force de choses*"), которые, по мнению Р.Шартье, «делали вовсе не то, что говорили, и совсем не то, что намеревались делать. Провозглашая полный разрыв со Старым порядком, они в действительности укрепляют и завершают начатую им централизацию. Учреждая мирные, лояльные ученые общества, просвещенная элита уверена, что ее деятельность способствует общему благу, а на поверку оказывается, что она изобретает механизмы террора, которым обернется якобинская демократия» [23, с.212–213]. Неоднократные попытки остановить развитие процесса, введя его в рамки конституционного порядка, встречали противодействие, оборачивавшееся новым ожесточением борьбы [4].

В описанной ситуации именно субъективный (человеческий) фактор приобретает особую важность. В предисловии к своей драме «Робеспьер» (1938) Р.Роллан писал об «искренних и пламенных республиканцах», с ожесточением разрушающих свое собственное создание: «их обуревают страсти, ненависть, подозрения; необузданная ярость мешает им видеть, куда они идут, предает их в руки злейших врагов Республики. В этом их роковая судьба, тот неотвратимый рок, с которым некогда вступил в спор Эдип <...>. В иные минуты, словно при вспышке молнии, люди эти видят, в какую бездну они летят, они ужасаются, но уже не могут вернуться вспять <...>. Я не старался их идеализировать. Я не пытался утаить их ошибки и заблуждения. Меня самого захватила могучая волна, которая увлекла их за собой. Я видел то, что было искреннего в этих людях, губивших друг друга, я видел грозную судьбу революций».

Неслучайно историки, занимающиеся новой политической историей, в противовес традиционному анализу *содержания* политики (правовые, институциональные и социальные основы власти, ее имущественные интересы) призывают изучать *будни власти*, механизмы ее функционирования (приемы, эффективность организации, имидж) [10]. В связи с этим сюжет, предлагаемый читателям в нашей документальной публикации, является вполне актуальным. Как становятся революционерами? Представляют ли эти люди особый психологический тип, неостребованный в мирное время и поднимающийся на поверхность истории только в критические моменты? Или это обычные люди, волею судьбы оказавшиеся в сложнейшей ситуации, вынуждающей их поступать вопреки своим привычкам и убеждениям?

«БЕСЫ», «ИГРОКИ» И «МЕЧТАТЕЛИ»...

Игра «Французская революция». Неизвестный художник. Офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф. 654. КП 96729, ГР 37092)

Автор настоящей документальной публикации предлагает четыре взаимосвязанных блока проблем: культурные истоки революции, создание «нового человека», закон и насилие как методы революционного действия и политический дискурс революции.

Культурные истоки революции. Главный вопрос этого сюжета – роль философии Просвещения в формировании революционной идеологии. Можно ли предугадать судьбу депутатов и спрогнозировать их поступки, исходя из круга их чтения и полученного образования? Вопреки утвердившемуся представлению о решающей роли сочинений Ф.-М. Вольтера и «Энциклопедии» Д. Дидро в формировании общественного мнения, факты доказывают обратное: будущие депутаты воспитывались в гораздо большей степени на классической исторической, научной, экономической и в особенности правовой литературе. Ж.-Ж. Руссо оставался для них автором «Исповеди» и «Новой Элоизы», а не «Общественного договора». Обращение к идеям Просвещения приходит уже во время революции для обоснования принимаемых решений, а не предопределяет их.

Создание «нового человека». Концептуальной осью этой проблемы является тезис о том, что революционерами не рождаются, а становятся под воздействием опыта участия в политической борьбе. При этом анализ деятельности выдающихся личностей эпохи революции (Сийес, Мирабо, Дантон и др.), обладавших именно *талантом* общественных лидеров, способен увести в сторону от истины, ибо эти яркие фигуры не были типичными представителями депутатской среды. Большинство «представителей народа» начали «делать погоду» лишь при стечении определенных обстоятельств (один из главных факторов – переход от объединений депутатов по провинциям к объединениям на основе политических принципов). Насколько могло повлиять на их поведение убеждение в необходимости создания «нового человека» для идеального государства, «царства Разума»? И насколько успешным оказался процесс «пересоздания самого себя» (морально-этические принципы и образ жизни)?

Закон и насилие как методы революционного действия. Основу этого документального блока составляет парадокс быстрой и чрезмерной радикализации действий депутатов, чье поведение не было запрограммировано изначально. Как и почему от умеренных требований Генеральных штатов нарастающий накал страстей вел к политике террора и даже породил первые уравнилельные концепции? В современной историографии, несмотря на ощутимые результаты в исследовании вопроса, этот процесс по-прежнему интерпретируется как «занос» или «загадка» революции.

Политический дискурс революции. Язык революционной эпохи, как инструмент преобразований, имеет свои собственные законы функционирования и одновременно представляет собой «зеркало эпохи». Насколько эффективным оказывается он в пропаганде новых ценностей и создании «нового мира»?

При отборе материала для публикаций (всего их планируется шесть) мы прежде всего ориентировались на неопубликованные подлинные рукописные документы личного происхождения (письма, дневники, мемуары), наиболее ярко отражающие заявленные выше аспекты революционной психологии. Документы по истории Французской революции в составе архивного фонда Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) имеют свою уникальную судьбу. В 1920-х – 1930-х годах они покупались за границей для созданного тогда Института К.Маркса и Ф.Энгельса с целью написания «подлинной» истории революционного движения, логическим заверше-

нием которого (и своеобразным финалом мировой истории) была Октябрьская революция в России. Процесс этот оживлялся настоящим культом французского революционного опыта в России XIX столетия. Однако созданная в конце 1930-х годов для учебной литературы общая схема мировой истории блокировала использование полученных коллекций, переключая внимание исследователей с Французской революции, как *буржуазной* по своему характеру, на события иного рода (политэкономия, утопический социализм, рабочее движение). Неудивительно поэтому, что из архивных коллекций РГАСПИ опубликованными оказались лишь документы личного фонда Гракха Бабёфа [2]. О судьбе французских документов эпохи конца XVIII века в России следовало бы написать отдельное исследование. Пока же мы предлагаем вниманию читателя нашу скромную попытку осмысления актуальных проблем революционной истории Франции.

*Андрей Константинович Сорокин,
Директор Российского государственного
архива социально-политической истории,
Лауреат Государственной премии РФ
в области науки и техники*

ЧАСТЬ I

О ТОМ, КАК ФРАНЦУЗЫ «ПРИМЕНИЛИ К ПОЛИТИКЕ ВСЮ СВОЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ВЫУЧКУ», ИЛИ МОГУТ ЛИ КНИГИ СОВЕРШИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?

В историографической традиции, идущей от самих современников событий, долгое время доминировало убеждение, что Французскую революцию «во многом предопределили идеи» [30]. «Зарождение политического переворота в перевороте умственном, – писал Н.И.Кареев, – было, так сказать, общим местом тогдашней публицистики: когда одни все беды сваливали на вольнодумных писателей, другие старались их обелить... Подавляющее большинство современников конца XVIII в. видело в них политический переворот, причины которого коренятся в перевороте умственном» [9, с.17, 28].

Исследователи, старавшиеся проследить хождение «новых идей» из сведений, сохранившихся в королевских архивах (реестры допущения к

печати) или описей библиотек, составленных нотариусами при оценке имущества, сталкивались, впрочем, с серьезной проблемой: отсутствие в них трактатов Ж.-Ж.Руссо и «Энциклопедии» Д.Дидро разрушало сложившееся представление о Просвещении как о необходимой предпосылке революции. Однако книги, опубликованные с гласного разрешения властей, составляют только часть литературы. Во Франции очень широко распространились произведения, которые современники называли «философическими», где помимо научных трудов встречаются сатирические произведения, памфлеты, скандальные хроники. Они были напечатаны в иностранных типографиях, контрабандой ввезены в страну и продавались нелегально [26; 27]. Секретный каталог Невшательского типографского общества и Бастильский список конфискованных книг «возвращают» нам привычную иерархию: Ф.-М. Вольтер, П.-А. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо, К.-А. Гельвеций, Д. Дидро, Ж.-А. Кондорсе, Л.-С. Мерсье [6, с.253–259; 23, с.90–91].

Великим людям – благодарное Отечество. Аллегория. Неизвестный художник.
Офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф. 654. КП 4693, ГР 25333)

Политическая культура XVIII века была расколота соперничеством между *High Enlightenment* (трактаты, посвященные наукам и искусствам) и *Low-Life of Literature* (сатирические произведения, памфлеты, скандальные хроники). Адресованные разным слоям населения, оба эти уровня выполняли одну и ту же функцию, добиваясь одного результата разными средствами: они привели к «девальвации идеологических ценностей» (Р.Дарнтон). «Философия проникает и бьет через край, – писал И.Тэн, – во всех каналах, открытых и тайных, в нечестивых молитвенниках, "Théologies portatives" ("Карманных теологиях"), в сладострастных романах, которые разносят тайком, в маленьких злых стихотворениях, эпиграммах и песенниках, которые сочиняются ежедневно, в ярмарочных представлениях, в академических речах, в трагедии и опере, с самого начала до самого конца века, с "Эдипа" Вольтера до "Фигаро" Бомарше. Кажется, что кроме нее нет ничего на свете; по крайней мере, она повсюду и наводняет все роды литературы...» [19, с.199]. Политические дискуссии во Франции велись вне стен государственных учреждений. Политиком, отстраненным от управления государством, не имеющим влияния на решения органов власти, не остается ничего другого, кроме как заняться литературой. «Они не призывают к революции, – констатировал американский историк Р.Дарнтон, – и не предвидят событий 1789 года, они не толкуют о глубоких политических и социальных преобразованиях, которые сделали бы возможным упразднение монархии. Тем не менее они вольно или невольно подготавливают это событие, расшатывая убеждения и развенчивая мифы, которые поддерживали в подданных веру в законность монархии» [28, р.147].

Однако такой подход, по мысли французского историка Р.Шартье, наделяет чтение силой и действенностью, которыми оно, быть может, не располагало. Образы, рисуемые пасквилями и памфлетами, – пишет он, – не отпечатываются в сознании читателей, словно на восковой пластинке, и прочитанное не всегда одерживает верх над давними убеждениями. Депутаты Генеральных штатов были знакомы с просветительскими идеями и дискурсом, но манера выражать свои мысли, их представления о равенстве и справедливости были в гораздо большей степени юридического происхождения. Аргументируя свои предложения, они зывали не столько к разуму или естественному праву, сколько к прецеденту, обычаю, истории и традиции. Выступления, письма и дневники депутатов весной 1789 г. почти не апеллировали к идеям Просвещения, однако осенью того же года эти ссылки становятся общим местом. Очевидно, «революция в сознании» произошла после открытия

сессии Генеральных штатов, по мере вовлечения участников заседаний в парламентскую борьбу, а выработка идеологии не предшествовала революционным действиям, но происходила *post factum*, послужив цели объяснить и оправдать эти действия [29].

Более того, поведение депутатов было часто непредсказуемым. Их позиция в отношении революции не предопределялась ни кругом литературных предпочтений, ни политическими взглядами, высказанными ими в начале 1789 года. Заседания Учредительного собрания стали для них настоящей «школой революции»: принадлежа к числу лучших умов Франции своего времени, депутаты слушали друг друга, спорили, сопоставляли разные точки зрения, усваивали новые идеи. В итоге постепенно они выработали определенную модель поведения, на которую впоследствии будут ориентироваться те, кто считает себя революционерами. «Без философии нельзя заниматься практической деятельностью, – писал Л.Фейхтвангер в романе, посвященном Ж.-Ж.Руссо, – но и одной философии, теории мало. Теорию нужно мерить масштабами окружающей действительности, шлифовать о реальную действительность. Нужно руками осязать суровую живую жизнь, непрестанно с ней соприкасаться, получать от нее толчки и пинки. Нужно испробовать горечь и сладость, и тогда, исходя из собственного опыта, решать, что благо и что нет» [20, с. 167].

В противовес историкам-ревизионистам, изображающим депутатов людьми, воодушевленными абстрактными и далекими от реальной жизни принципами, современные исследователи констатируют, что принятые ими законы диктовались отнюдь не идеологией. Большинство из них показали себя хорошими прагматиками, сумевшими за короткое время стать профессиональными политиками, способными к компромиссу (система, созданная на основании конституции 1791 г., была вполне жизнеспособной). Политическая культура, следовательно, формировалась под воздействием не столько прочитанных книг и трактатов, сколько непрерывно обогащавшегося личного жизненного опыта, во взаимодействии с другими участниками политической драмы [33].

Во взаимозависимости Просвещения и революции классическая традиция, по мнению Р.Шартье, путает причины и следствия. Учитывая все вышесказанное, не стоит ли предположить, что не Просвещение породило революцию, а наоборот. «Революция придумала Просвещение, желая доказать свое законное происхождение и ища свои корни в основополагающих текстах философов, для чего примирила их авторов, представив инициаторами разрыва со старым миром» [23, с.14].

Предлагаемые вниманию читателей документы призваны отразить сложный процесс становления политической культуры на примере судьбы одного из видных деятелей революции Марка-Антуана Жюльена (Marc-Antoine Jullien)¹ (10.03.1775 – 04.11.1848). Его карьера прошла через все этапы этой бурной эпохи. Убежденный якобинец, М.-А.Жюльен в 19 лет был назначен комиссаром Комитета общественного спасения (КОС), посвятив себя делу распространения новых идеалов в различных областях страны, куда он неоднократно направлялся с миссиями. Получив известность как сторонник революционно-демократических принципов 1793 года, М.-А.Жюльен после падения якобинской диктатуры был арестован по обвинению в «терроризме». Несмотря на очевидную несправедливость этого обвинения, он провел в различных тюрьмах Парижа около 15 месяцев и был выпущен на свободу за недостатком доказательств. Поддерживая главные идеалы революции, М.-А.Жюльен в то же время не являлся ни сторонником М.Робеспьера, ни сторонником Г.Бабёфа с его теорией уравнительного коммунизма.

Свобода. Аллегория.
Гравюра Жанине (Janinet) по рисунку
Муата (Moitte).
РГАСПИ. Ф. 654. КП 7109, ГР 25328

Первый документ – программа самообразования, составленная 15-летним юношей, обучавшимся в Наваррском коллеже, дает яркую картину того самого круга чтения, который был реальностью очень многих людей эпохи Просвещения. Из содержания документа несложно заметить, что главное место в нем действительно отведено не столько сочинениям Вольтера, Руссо или Дидро, сколько классической исторической, научной и собственно художественной литературе.

Второй документ является свидетельством эстетических предпочтений эпохи [18]. Сентиментализм в духе Руссо и эпистолярный жанр

¹ М.-А.Жюльена обычно называют Жюльеном-младшим или Жюльеном из Парижа, в отличие от его отца Марка-Антуана Жюльена-старшего или Жюльена из Дромы (1744–1821), депутата Конвента, профессора, литератора.

как нельзя лучше иллюстрируют тезис о том, что для многих политических деятелей Ж.-Ж.Руссо даже в 1795 г. оставался по преимуществу автором «Исповеди» и «Новой Элоизы», а не «Общественного договора». Разумеется, имя философа не фигурирует в тексте документа, однако стиль письма говорит сам за себя, множеством стилистических и смысловых особенностей отсылая именно к текстам Руссо. В первом документе читатель также заметит, какую важную роль М.-А.Жюльен придает своему эпистолярному стилю.

Третий документ – рецензия на представление пьесы М.-Ж.Шенье «Тимолеонт» [25] является, пожалуй, самым важным элементом во всей документальной публикации. Он отражает доминирующий идеологический контекст эпохи. С критикой этой пьесы уже в 1794 г. выступил К.-Ф.Пэйан, член Комитета общественного спасения, возражая против популяризации на сцене «честных королей и умеренных республиканцев».

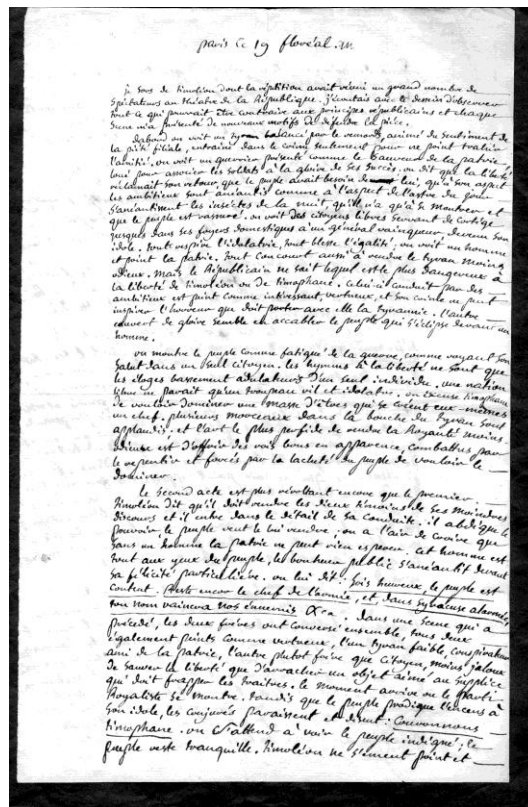
Стиль классицизм, утвердившийся во Франции с середины XVII в., придавал искусству, поставив его на службу государству, воспитательное значение. Сохранив верность этой традиции («смехом исправлять нравы»), эпоха Просвещения добавила к задачам искусства дидактику («забавлять поучая»). Неслучайно поэтому именно театр со свойственными ему выразительными формами как нельзя лучше соответствовал поставленной задаче. Не могут не поражать отдельные количественные показатели его революционной истории: обилие сцен (за 1789–1799 гг. в Париже существовали 73 театра); интенсивность их производственной жизни; громадные размеры драматургической продукции. По вопросам театральной политики высказывались крупнейшие деятели революции, о ней велись споры и дискуссии в законодательных органах, за ней с особым вниманием следила революционная власть, целый ряд эпизодов из театральной жизни эпохи поднимался до степени важнейших общественно-политических проблем [8].

Закономерно, далее, что театр, как доминирующая культурная практика, с первых же дней революции приобрел статус «народной школы» гражданственности и патриотического мужества. В пьесе Ж.-Б.Раде «Благородный ротюрье» (1793) одно из действующих лиц следующим образом определяет задачи театра: «Изображать на сцене в соблазнительном виде высокомерных королей, низких придворных, обманутых отцов, дурашливых слуг – это было в монархическом театре. Рисовать такими, как они есть, тиранов и угнетателей, воспевать подвиги наших гордых защитников, сделать из театра школу нравов, вот это свойственно республике» [32, р.54]. Впрочем, широкое распространение в обще-

«БЕСЫ», «ИГРОКИ» И «МЕЧТАТЕЛИ»...

ственном мнении идеи о практической пользе театра вовсе не обозначало его немедленной инструментализации. Жестокий кризис, в котором оказалась Франция в 1793 г., побудил лидеров якобинского блока использовать сцену в качестве одного из механизмов политического влияния [31]. Эта функция сохраняет свою силу и в 1796 г., хотя по тексту пьесы очевидно, что Франция не только «предчувствует» появление «диктатора», но и принимает его.

Все документы являются частью личного фонда М.-А. Жюльена из коллекции РГАСПИ [1] и публикуются впервые. Перевод с французского выполнен Е.М. Мягковой.

Жюльен Марк-Антуан. [Отзыв о представлении пьесы «Тимолеонт»]. [Париж, 07.05.1796]

М.-А.Жюльен. [О программе самообразования]

[1790]

С 14 июля до конца месяца я буду заниматься новой географией², сбором всех предшествующих декретов Нац[ионального] собр[ания], а также я старательно перечитаю просодию³, лексемы⁴ и грамматику греческого языка вместе с методическим руководством моего отца к изучению греческого, латинского и французского. Я позволю себе однако отвлечься от этих занятий, проведя в деревне одно или два воскресенья. Начиная с 1 августа, то есть месяца, который будет мной полностью посвящен серьезным занятиям, я буду вставать в 6 часов утра и работать до 9 часов, конспектируя лучшие мысли о политических вопросах из Рейналя⁵, Руссо⁶, Поупа⁷, Вольтера⁸, Монтескье⁹ и аббата Мабли¹⁰. Позавтракав в 10 часов, я буду работать до часу дня над¹¹ постепенным

² География современного мира в отличие от исторической географии.

³ Учение об ударении, которое занимается слогами с точки зрения их ударности и протяженности.

⁴ Слово «лексемы» вписано над строкой.

⁵ **Рейналь** (Raynal) Гийом Тома Франсуа (1713–1796), французский историк и социолог, представитель Просвещения (так называемой «плеяды аббатов»). Основное сочинение: «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1772). Русское издание вышло в Санкт-Петербурге в 1805–1811 годах [16].

⁶ **Руссо** (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский философ, писатель и мыслитель. Наиболее известны его труды: «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) и «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762). Русский перевод см.: [17].

⁷ **Поуп** (Pope) Александр (1688–1744), английский поэт, автор философских поэм «Опыты морали» (1711) и «Опыт о человеке» (1734). Русский перевод см.: [14].

⁸ **Вольтер** (Voltaire) [наст. имя – Аруз Франсуа-Мари] (1694–1778), французский философ-просветитель. Одно из важнейших философских произведений Вольтера – «Философский словарь» (1764). Русский перевод см.: [3].

⁹ **Монтескье** (Montesquieu) Шарль-Луи де Секонда (1689–1755), французский писатель, правовед и философ, автор труда «О духе законов» (1748). Русский перевод см.: [13].

¹⁰ **Мабли** (Mably) Габриэль Бонно де (1709–1785), французский социальный философ. Основное сочинение: «О законодательстве, или Принципы законов» (1776). Русский перевод см.: [12].

¹¹ Далее зачеркнуты два слова.

переводом речи Демосфена о короне¹² и речи Цицерона¹³ против Вереса¹⁴. Во второй половине дня, когда я обычно ухожу гулять, я буду заниматься полезным и систематическим чтением древней и римской истории с составлением конспектов. Я прочту также римские и несколько греческих речей¹⁵; я перечитаю буколики¹⁶, георг[ики]¹⁷, «Эн[еиду]»¹⁸ <...>. Я перечитаю полностью и законспектирую историю Франции, написанную моим дядей. Чтение по истории Англии, завоевания Мексики, по истории Америки, Швеции, Португалии и пр. станут развлечением в минуты, оставшиеся свободными среди моих повседневных трудов.

В сентябре я позволю себе немного больше отдыха и буду готовиться к риторике при помощи углубления знаний греческого языка и стихосложения.

Я не стану пренебрегать и усовершенствованием своего эпистолярного стиля, отправляя время от времени письма Ньюгу, Бошерону, Дежану¹⁹; анализ этих писем позволит сделать мой слог правильным и легким. Я также буду следить за работой моего брата и, обучая его четырем предметам, я помогу ему подготовиться к курсу квадривиума²⁰.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.12. Л.1–1 об. Подлинник. Рукопись.

¹² *Демосфен* (384–322 до н.э.), знаменитый оратор Древнего мира. Речь Демосфена о короне была произнесена в защиту Ктесифона против Эсхина. Русский перевод см.: [7].

¹³ *Цицерон* Марк Туллий (106–43 до н.э.), древнеримский политик, философ и оратор. Речи против Гая Верреса (*In Verrem actio prima*; *In Verrem actio secunda*) были созданы в 70 г. до н.э. Русский перевод см.: [22].

¹⁴ *Веррес* Гай Лициний (114–43 до н.э.), римский политический деятель. Цицерон выступил обвинителем на судебном процессе Верреса, уличенного в злоупотреблениях и вымогательстве.

¹⁵ *Conciones latinae* (Римские речи) – собрание речей из работ Тита Ливия, Саллюстия, Тацита и Квинта Курция Руфа, изданные А.Этьеном, издателем, эллинистом и лексикографом XVI в.

¹⁶ Буколики – пасторальная поэзия.

¹⁷ Георгики – поэтические произведения о сельском хозяйстве, имеющие практическое значение.

¹⁸ «Энеида» – поэма Вергилия о легендарном троянском герое Энее, написана на латинском языке.

¹⁹ Друзья и родственники Жюльена.

²⁰ Квадривиум – система точных наук в доктрине семи свободных искусств; являлся повышенным курсом светского образования вслед за тривиумом, курсом гуманитарных наук (начальный курс).

№2

М.-А.Жюльен. [Письмо Клариссе Понсе]

Париж, 8 флореаля III года

[23.04.1795]

Я пишу моим добрым Клариссе и Филогену из моей новой тюрьмы²¹. Я еще не переведен в крепость Арраса, и моя болезнь, по-видимому, не повлияет на этот перевод, отдаливший бы меня более обычного от моих родителей и от всякого с ними общения. О, пусть мое состояние не печалит вас; я подлинно счастлив, так как знаю по собственному опыту, что участь гонимой добродетели завидна. Моя темная комната оживляется моим пением, а веселье стало частью моей жизни. Живость всегда присутствующего воображения является моим сокровищем, возвращающим прошлое, разрывающим завесу будущего, освещающим путь среди тысяч ярких химер, дарующим ощущение счастья, когда оно, кажется, покидает меня. Воспоминания и надежда украшают настоящее и усыпают цветами мою карьеру. Вокруг меня только решетки и запоры, и мои глаза не могут видеть ничего кроме места моего заточения. Но если моему взгляду не дано возможности уйти, отвлечься, то моя память восполняет это состояние и представляет моему внутреннему зачарованному взору постоянно возобновляющийся спектакль: картины Вуарона²², образы моих друзей, заботящихся о пленном друге, садовые цветы и зелень лугов. Я взбираюсь на холм, возвышающийся над вашим жилищем, я вижу горную вершину и мне слышится шум пенящегося Изера²³, катящего свои воды среди скал. Я углубляюсь в загадочный лес, и на берегах уединенных ручьев, окружающих милый приют семейства Дюкре, я присоединяюсь к играм детей, нежащихся среди фиалок и собирающих букеты для своей матери. Я вхожу на мельницу, и шум воды оглушает меня, как бы приглашая душу в мир сокровенных мечтаний. Я иду дорогой на часовню Сен-Жак и погружаюсь в мир долин, окружающих эту дорогу. Я люблюсь вековыми лесами, я созерцаю ослепительные снега, теряю-

²¹ Тюрьма Плесси [здание бывшего коллежа Плесси], в которую был переведен М.-А.Жюльен из тюрьмы, располагавшейся в бывшей больнице Монпрен, и в которой он содержался по обвинению его в «терроризме».

²² Вуарон (Voiron) населенный пункт в департаменте Изер.

²³ Изер (Isère), река на юго-востоке Франции, левый приток Роны, протекает по территории департаментов Савойя, Изер, Дром.

щиея в облаках, я улыбаюсь возвращению весеннего солнца. Вечером я отправляюсь на ловлю форели или блуждаю при слабом свете луны среди смеющихся лугов в окрестностях вашего острова. Что ж! Не являются ли эти мечты таким же наслаждением? Нежная ласка Клариссы и Филогена, трогательные улыбки Розы и Селестины, заботливый прием всех добродетельных обитателей этого очаровательного дома добавляют свои краски к этой живой картине. Не является ли все это щедрой компенсацией за угнетающие меня страдания и клевету? Меня называют озлобленным кровавым тигром? Нет ли во мне самом, в воспоминаниях всей моей жизни, в знакомых мне дружбе и уважении доказательств обратного? Не стоит ли мне более жалеть, чем ненавидеть моего клеветника, и не является ли он более несчастным человеком и из-за печальной потребности, заставляющей его выдумывать ложь, и из-за угрызений совести, уже поселившихся в его сердце? Революция – это пропасть, в которую я был сброшен, подобно римлянину, не только за мое желание спасти родину, но и за стремление быть ей полезным. Я заранее предвидел все то, что было уготовано другу свободы. Я видел смерть во всех ее отвратительных проявлениях: тюрьма или убийство, заключение или эшафот, незаслуженное бесчестье и даже неблагодарность тех, кому ты себя посвятил. Я не отказываюсь от сделанного, от того, чему снова посвятил бы себя, если бы пришлось начинать сначала. Разве можно любить родину и не оказаться готовым пожертвовать всем ради нее? Почему Греция и Рим вызывают восхищение? Потому, что они породили возвышенных людей, способных забывать себя ради общественных интересов, людей, охваченных благородной страстью к славе, несовместимой с гнусными земными чувствами алчности, власти, купленной при помощи интриг, и мести. Печаль моих добрых родителей составляет единственную причину моего горя. Но однажды свобода может возродить счастье. В 20 лет горизонт еще кажется широким; если не любить жизнь, ее можно быстро израсходовать, равно как можно умереть молодым в конце долгого жизненного пути. Прощай, Кларисса. Обнимаю тебя. Мои локоны, которые ты хранишь, ты покажешь своим дочерям, назвав меня своим братом или нежным другом, другом детей и женщин, единственно способных к раскрытию самых изысканных и восхитительных проявлений чувственности. Прощай, Филоген. Может быть, я больше не увижу ваших лугов. Обнимаю вас всех, равно как и ваших друзей, дорогих и моему сердцу. Напомните обо мне семьям Дюкре,

Мартен и Перрен, а также не забудьте о доброй подруге, любимой кузине Клариссы, и другой ее подруге, известной мне лишь под именем Жюли-Соланж.

Позавчера я написал в Роман²⁴. Жду вашего быстрого ответа.

Жюльен²⁵.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.605. Л.1–2. Подлинник. Рукопись.

№3

М.-А.Жюльен. [Отзыв о представлении пьесы «Тимолеонт»]

Париж, 19 флореаля [IV года]

[07.05.1796]

Я только что вернулся с репетиции пьесы «Тимолеонт»²⁶, собравшей огромное число зрителей в Театре Республики²⁷. Я слушал ее с намерением обнаружить что-либо противоречащее республиканским принципам, и каждая сцена представляла мне все новые и новые причины к запрету этой пьесы.

Сначала мы видим тирана, терзаемого угрызениями совести, оживляемого чувством сыновнего почтения и вовлеченного в преступление только потому, чтоб не предать дружбу. Мы видим военного, представленного как спасителя отечества, восхваляемого за приобщение солдат к своим победам. Мы слышим речи о том, что свобода просит его возвращения, что народ нуждается²⁸ в нем, что при его появлении все честолюбцы будут рассеяны, подобно тому как от первых лучей дневного

²⁴ Роман (Romans), населенный пункт в департаменте Дром. В первые годы революции М.-А.Жюльен вел активную переписку с корреспондентами из Романа. Семья Жюльена происходила из департамента Дром.

²⁵ Письмо было сложено и склеено в форме конверта. На обороте второго листа написан адрес: «Гражданке Клариссе Понсе, окрестности Вуарона, между Муараном и Греноблем. Департамент Изер».

Муаран (Moirans), населенный пункт в департаменте Изер.

²⁶ **Тимолеонт** – коринфянин, полководец и государственный деятель, родился около 411 г. до н.э. Вследствие непримиримой ненависти к тирании допустил убийство своего брата Тимофанеса, который в 366 г. до н.э. стремился завладеть властью.

²⁷ Театр Республики (1792–1799), бывший Théâtre des Variétés-Amusantes, в здании которого сегодня располагается Комеди Франсез.

²⁸ Далее слово зачеркнуто.

света погибают ночные насекомые; достаточно лишь его появления, чтобы спасти народ. Мы видим свободных людей, следующих кортежем за ставшим их идолом генералом-победителем. Все дышит идолопоклонничеством, все ранит равенство; мы видим человека, но здесь нет родины. Обстановка содействует тому, чтобы тиран стал менее отвратительным. Но республиканец не знает, кто же из двоих – Тимолеонт или Тимофанес²⁹ – больше опасен свободе. Направляемый честолюбцами, этот последний представлен достойным внимания, добродетельным человеком, и его преступление не вызывает того ужаса, который должна нести с собой тирания. А другой, овеянный славой, рисуется любимцем народа, готового забыть о своем достоинстве перед лицом одного человека.

Народ изображен уставшим от войны и видящим свое спасение в единственном гражданине. Гимны свободе не являются ничем иным, как хвалебными, льстивыми одами в честь одного человека. Свободная нация выглядит гнусным идолопоклонническим стадом. Она извиняет Тимофанеса в его желании возвыситься над массой существ, создавших самим себе повелителя. Многие места в речах тирана удостоились аплодисментов. Самым коварным искусством является стремление создать образ королевской власти без присущей ей гнусности и внешне доброго монарха, терзаемого раскаянием и понуждаемого трусостью народа к господству над ним.

Второй акт еще более возмутителен, чем первый. Тимолеонт говорит, что хочет взять богов в свидетели всем своим словам и детально рассказывает о своих поступках. Он отрекается от власти, а народ хочет ее вернуть; создается ощущение, что без одного конкретного человека счастье страны невозможно. Этот человек – перед глазами народа; общественное благо отступает перед его личным благодеянием. Он слышит адресованные ему слова: *Будь счастлив, народ доволен. Продолжай возглавлять армию, и во встревоженных Сиракузах твое имя победит всех наших врагов* и т.д. В предыдущей сцене была представлена беседа двух братьев, изображенных в красках добродетели. Один – как слабый тиран, заговорщик, друг родины; другой – скорее как брат, чем гражданин, менее стремящийся к спасению свободы, чем к спасению любимого человека от казни, полагающейся для изменников. В соответ-

²⁹ Тимофанес – брат Тимолеонта, см. прим.26.

ствующий момент появляется партия роялистов. В то время как народ источал лезть в адрес своего идола, пришедшие заговорщики провозгласили: *Давайте коронуем Тимофанеса*. Здесь зритель ожидал увидеть негодование народа; народ остался спокоен. Тимолеонт нисколько не возмущен и призывает выслушать старика, в долгой речи указавшего на те беды, которые влечет за собой монархия, и вынесшего заключение: лучше погибнуть, но не иметь никакого короля. Заговорщики, которым оставляют, таким образом, право свободного действия, не выполняют своего намерения, и народ поет; тиран поет вместе с народом о благах свободы.

Пьеса не идет дальше этого. Возмутительна слабость народа, хладнокровно слушающего речи о короновании конкретного человека, а жители Коринфа, явленные взору французов, заслуживают лишь презрения. Кто-то крикнул из зрительного зала: Как! В Коринфе хотят восстановить королевскую власть, и только один человек сопротивляется восстановлению трона. Есть ли во Франции хоть один гражданин, который поддастся бы на приманку призрака короля? Упавший занавес скрыл позор коринфской нации.

Трусливая нация, то преклоняющаяся перед так называемым военным³⁰ защитником, которого она считает необходимым условием своего спасения, то безмолвствующая перед королем, которого ей обещают дать. Тиран, явленный народу, тем более отвратителен и опасен, что он слаб и не решается на преступление. Достоин презрения гражданин, не сразивший своего брата в тот момент, когда его предложили короновать, и принимающий без гнева идолопоклонничество своих сограждан, возвышающих его над собой, а также трусливая женщина, не требовавшая ареста сына, когда он стал тираном и готов был тем самым обесчестить свою мать, называвшуюся республиканкой. Но я должен остановиться. Тимолеонт умер, и автор³¹, похоже, собственноручно готов предать свою пьесу огню, а значит нет нужды более воскрешать из могилы то, что никогда не должно было бы явиться на белый свет.

³⁰ Слово «военным» вписано над строкой.

³¹ Пьеса «Тимолеонт» была написана (1794) Мари-Жозефом **Шенье** (1764–1811), французским драматургом и политическим деятелем, и подверглась критике со стороны Комитета общественного спасения за умеренность и терпимость к идее монархии.

Музыка хоровых партий прекрасна³², а в самой пьесе встречаются восхитительные речи и потрясающие эпизоды; Батист³³, Тальма³⁴, Вестри³⁵ и Монвель³⁶ показали замечательную игру. Но в целом пьеса получилась³⁷ контрреволюционной, ибо тот день, когда французская нация окажется способной терпеть на сцене нацию, создающую себе идола и остающуюся спокойной в тот миг, когда тирана хотят короновать, тот день окажется предзнаменованием скорой гибели Республики, даруя надежду первому честолюбцу, желающему захватить власть.

Жюльен.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.643. Л.1–1 об. Подлинник. Рукопись.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1.
2. Бабёф Г. Сочинения. М.: Наука, 1975–1982. Т.1–4.
3. Вольтер [Аруэ Франсуа-Мари] Философские сочинения. М.: Наука, 1996. – 560 с.
4. Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794. М.: Изд-во УРСС, 2003. – 320 с.
5. Гордон А.В. Великая французская революция как великое историческое событие // Диалог со временем. М.: Изд-во УРСС, 2004. Вып.11. С.111–130.
6. Дартон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 384 с.
7. Демосфен. За Ктесифона о венке // Демосфен. Речи. М.: Памятники ист. мысли, 1996. Т.3. С.210–303.

³² *Автором музыкальных партий был Этьенн-Никола Мегюль (1763–1817), французский композитор.*

³³ *Батист (Baptiste) [настоящая фамилия – Ансельм] Никола (1761–1835), французский актер.*

³⁴ *Тальма (Talma) Франсуа-Жозеф (1763–1826), знаменитый французский актер.*

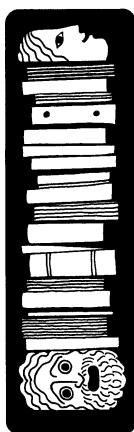
³⁵ *Вестри (Vestris) Роз [настоящее имя – Гурго Франсуаза-Роз] (1743–1804), известная французская актриса, дочь актера Гурго Пьера-Антуана, известного публике под псевдонимом Дюгазон (1706–1774).*

³⁶ *Монвель (Monvel) Жак-Мари Буте де (1745–1812), французский актер и драматург.*

³⁷ *Слово «получилась» вписано над строкой поверх зачеркнутого слова «является».*

8. Державин К.Н. Театр Французской революции. 1789–1799. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1932. – 322 с.
9. Кареев Н.И. Историки Французской революции. Л.: Колос, 1924. Т.1. – 303 с.
10. Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история. Сб. науч. работ. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2004. С.7–17.
11. Кропоткин П.А. Великая французская революция. 1789–1793. М.: Наука, 1979. – 575 с.
12. Мабли Г.Б. де. Избранные произведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 340 с.
13. Монтескье Ш.Л. де. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
14. Поуп А. Поэмы. М.: Худож. лит., 1988. – 239 с.
15. Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815–1830). Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1956. – 536 с.
16. Рейналь Г.Т.Ф. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, сочиненная аббатом Рейналем. СПб.: Тип. Шнора, 1805–1811. Ч.1–6.
17. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. – 703 с.
18. Турчин В.С. Французское искусство от Людовика XVI до Наполеона. М.: Жираф, 2007. – 286 с.
19. Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб.: Тип. П.Ф.Пантелеева, 1907. Т.1. – 293 с.
20. Фейхтвангер Л. Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 446 с.
21. Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 219 с.
22. Цицерон М.Т. Речь против Гая Верреса // Цицерон М.Т. Речи. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т.1. С.44–166.
23. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001. – 256 с.
24. Braudel F. La longue durée // *Annales: Economies. Sociétés. Civilisations*. 1958. An.13. N4. P.725–753.
25. Chenier M.-J. Timoléon: tragédie en trois actes avec des chœurs; précédée d'une Ode sur la situation de la République durant l'Oligarchie de Robespierre et de ses complices. Musique de Méhul. P.: Chez Maradan et Desenne, 1794. – 84 p.
26. Darnton R. The Business of Enlightenment: A Publishing History of the *Encyclopédie*, 1775–1800. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1979. – 638 p.
27. Darnton R. The Forbidden Books of Pre-revolutionary France // *Rewriting the French Revolution* / Ed. by C.Lucas. Oxford: Clarendon Press, 1991. P.1–32.
28. Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. Cambr., Mas., and L.: Harvard Univ. Press, 1982. – 258 p.
29. Lemay E.H., Patrick A., Félix J. Revolutionaries at Work. The Constituent Assembly, 1789–1791. Oxford: Voltaire Foundation, 1996. – 144 p.

30. Mornet D. Les origines intellectuelles de la Révolution française. Lyon: Éd. La Manufacture, 1989. – 632 p.
31. Nadeau M. La politique culturelle de l'an II: les infortunes de la propagande révolutionnaire au théâtre // Annales historiques de la Révolution française. 2002. N1. P.57–74.
32. Radet J.-B. Le Noble roturier. Comédie en un acte, mêlée de vaudevilles. P.: Chez le Libraire, au Théâtre du Vaudeville et à l'Imprimerie, 1793. – 72 p.
33. Tackett T. Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789–1790). Princeton: Princeton Univ. Press, 1996. – 355 p.

Андрей Юрганов

А.К.ВОРОНСКИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

(СЕРЕДИНА 20-Х – НАЧАЛО 30-Х ГГ. XX В.)

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
929
94(47)084

В статье рассматривается биография А.К.Воронского, одного из главных деятелей литературного процесса в 20-х гг. XX в. Партия большевиков поручила ему не только цензуру (1922), но и руководство теми литераторами, которых Л.Д.Троцкий назвал «попутчиками». Специфика ситуации заключалась в том, что в середине 20-х гг. партия признавала несостоятельность пролетарской культуры, нуждавшейся в сотрудничестве со старой дореволюционной культурой, чтобы научиться тому опыту, который был ею накоплен. Воронский помогал выживать «попутчикам» и одновременно старался обучить представителям молодой пролетарской культуры навыкам литературного мастерства. Эта деятельность вызвала ожесточенную критику пролеткультовских деятелей, видевших в деятельности Воронского происки классового врага. Сосуществование разных литературных группировок было возможно потому, что в партии еще не возобладала мысль об усилении классовой борьбы внутри страны.

The author considers biography of A.K.Voronski, one of the principal figures of the literary process in the 1920s. In 1922 the Bolshevik Party entrusted him not only with censorship but also with guidance of writers whom L.D.Trotsky called "fellow-travellers". Particularity of the situation consisted in the fact that in the mid-1920s the party admitted the proletarian culture's inadequacy. The proletarian culture required cooperation with the old prerevolutionary culture in order to acquire the experience accumulated by the old culture. Voronski helped "fellow-travellers" to survive and at the same time tried to instruct representatives of the young proletarian culture in literary mastery skills. This activity caused bitter criticism of the Proletkult representatives who saw in Voronski's activity the eningery of the class enemy. Co-existence of various literary groupings was possible because the idea of class war within the country still did not gained ascendancy in the party.

Ключевые слова: пролетарская культура; пролеткульт; цензура; попутчики; литературный процесс, троцкизм.

Key words: the proletarian culture; the Proletkult; censorship; fellow-travellers; literary process; Trotskyism.

E-mail: iurganov@yandex.ru

Отношение к художественности определяло собой стратегии не только литературного, но и политического процесса в середине 20-х – начале 30-х годов XX в. Творчество «попутчиков» в советской литературе страстно защищал от нападков и агрессии пролеткультовцев большевик с дореволюционным стажем, один из организаторов партии, Александр Константинович Воронский...

Родился он в селе Хорошавка Тамбовской губернии 27 августа (ст.ст.) 1884 г. В девять лет был определен в 1-е Тамбовское духовное училище казеннокоштным воспитанником. Закончил училище по первому разряду. С детства страстно любил литературу и историю. Продолжил обучение в тамбовской духовной семинарии, из 5 класса которой был исключен ввиду «политической неблагонадежности». В 1904 г. вступил в РСДРП (б). Работал в нелегальных условиях в Петербурге, Владимире, Тамбове, Саратове, Николаеве. В 1907 г. был арестован во Владимире (в тюрьме познакомился с М.В.Фрунзе), затем выслан на два года в Вологодскую губернию. В 1911 г. Воронский приостанавливает нелегальную деятельность, находясь в Крыму, где сотрудничает в газете *Евпаторийские новости* под псевдонимом Нурмин. Вскоре перебирается в Одессу и сближается с Вацлавом Воровским, имевшим прямую связь с Лениным.

Появление Воронского в Одессе было связано с подготовкой к XVI конференции РСДРП (б) – Пражской, состоявшейся в январе 1912 г. где он был делегатом от саратовской партийной организации. Воронский подсказал Ленину идею создания легальной большевистской газеты, ею стала петербургская *Правда*. На партконференции Воронский подружился с Серго Орджоникидзе и установил близкие отношения с Лениным, которые не прерывались до самой смерти вождя партии.

В ходе полицейского наблюдения было составлено описание Воронского (партийный псевдоним Валентин), довольно точное, если не считать неверной характеристики его национальной принадлежности (евреем он не был): «Валентин – большевик, примиренец, около 25–27 лет от роду, среднего телосложения, миниатюрное, несколько продолговатое лицо, светлый шатен, борода брита, маленькие усики (думает по приезде в Россию сбрить их), носит пенсне в стальной оправе; интеллигент, еврей по национальности, занимается

мелким литературным трудом; жил во многих местностях империи, отбывал административную ссылку в г. Яренске Вологодской губернии, по возвращении в пределы империи намерен обосноваться в Одессе» (Цит. по: [9, с.27–28]).

22 сентября 1912 г. Воронский был выслан на три года в г. Кемь. В сентябре 1914 г. он с семьей (женой и ребенком) отправился в Тамбов, где возобновил революционную деятельность. С 1917 г. по 1920-й Воронский – партийный функционер (член Одесского исполкома; помощник секретаря Одесского земсоюза; сотрудник саратовских *Известий*; член Иваново-Вознесенского исполкома; редактор газеты *Рабочий край*), с 1921 по 1927 г. – один из главных организаторов литературного процесса в новой России [9, с.36]. В 1921 г. он стал редактором журнала *Красная новь*. В феврале 1922 г. в стенах Агитпропа¹ состоялось совещание, на котором было решено восстановить институт цензуры. Требовалось осмыслить этот институт в условиях Новой экономической политики. Следовало обозначить пределы – как допустимого, так и необходимого – для развития советской литературы. Ведомству вменялось «остановить поток идеалистической, мистической и тому подобной литературы», но одновременно (и это предложение внес Воронский) не считать «препятствием описание темных сторон современного советского быта, в том случае, если эти произведения в целом не враждебны советской власти». С этого времени и началось «перетягивание каната» между теми, кто жаждал уничтожения всякой литературы, кроме пролетарской, и теми, кто понимал общественную значимость неклассовой, непролетарской литературы.

Деятельность А.К.Воронского нельзя понять вне политического и культурного контекста эпохи без изучения противоборствующих стратегий в литературном процессе.

**ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ
КАК
«ОСОБАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**

Эту стратегию утверждали «Серапионовы братья»² – литературное объединение, возникшее в 1921 г. в Петрограде. Название восходит одновременно и к одноименной книге Э.Т.А.Гофмана, и к имени Св. Сера-

¹ Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б).

² В состав группы входили: Л.Луц, М.Зоценко, Вс.Иванов, К.Федин, Н.Тихонов, М.Слонимский, В.Каверин, Е.Полонская, Н.Никитин.

пиона Пустынника, который в IV веке нашей эры воспел пустынную жизнь.

Идеологом был Лев Натанович Лунц (1901–1924). В 1922 г. он опубликовал статью «Почему мы "Серапионовы Братья"?». В ней ясно определено, что причина создания литературного объединения – в осознанном сопротивлении «принуждению» писать «одинаково»; это настроение довольно точно выразил Н.Никитин на первом же собрании литературной группы: «У каждого свой барабан». «Серапионовы Братья», утверждал Лунц, это «не школа и не направление»: братья отчаянно спорят между собой, братья очень разные, их не объединяет одна идеология, потому что у каждого из братьев «своя идеология»! Важнейшим для объединения стал постулат о *реальности* вымышленных героев, об особой и подлинной реальности художественного произведения.

«Серапионовы Братья» выдвигали требование: «Произведение должно быть органичным, реальным, жить своей особой жизнью. *Своей особой жизнью*³. Не быть копией с природы, а жить наравне с природой. Мы говорим: Щелкунчик Гофмана ближе к Челкашу Горького, чем этот литературный босяк к босяку живому. Потому что и Щелкунчик, и Челкаш выдуманы, созданы художником, только разные перья рисовали их» [13, с.103]. Почему это оказывается сопротивлением? Да потому, что именно это отношение к художественности не разрешалось в советских условиях. Ибо всякое произведение обязано «отражать эпоху». «Серапионовы Братья» не были против этого принципа при условии, что каждый художник видит то, что он видит, свою собственную художественную реальность: «Произведение может отражать эпоху, но может и не отражать, от этого хуже не станет. И вот Всев. Иванов, твердый бытовик, описывающий революционную, тяжелую и кровавую деревню, признает Каверина, автора бестолковых романтических новелл. А моя ультраромантическая трагедия уживается с благородной, старинной лирикой Федина» [13, с.103].

Художественность, осмысленная как *право на свою собственную реальность*, противостояла логике прямо противоположной:

"Кто не с нами – тот против нас! – говорили нам справа и слева. – С кем же вы, Серапионовы Братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?" С кем же мы, Серапионовы Братья? Мы с пустынником Серапионом. Значит, ни с кем? Значит –

³ Здесь и далее, если специально не оговорено, то строки, выделенные курсивом или полужирным, отмечены авторами цитируемых статей.

болото? Значит – эстетствующая интеллигенция? Без идеологии, без убеждений, наша хата с краю?.. Нет. У каждого из нас есть своя идеология, есть политические убеждения, каждый хату свою в свой цвет красит. Так в жизни. И так в рассказах, повестях, драмах. Мы же вместе, мы братья, требуем одного: чтобы голос не был фальшив. Чтоб мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было [13, с.104].

У искусства нет цели! Нет политического целеполагания, кроме самой художественности, как особой реальности, которую создает писатель: «Мы верим, что литературные химеры, – писал Лунц, – особая реальность, и *мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды* (курсив мой. – А.Ю.). Искусство реально, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать» [13, с.104].

Братьям не обязательно ходить в один клуб или состоять в одной партии, им не нужно быть коллегами, ведь их объединяет чувство братской любви, даже если они совершенно разные:

Каждый из нас дорог другому как писатель и как человек. В великое время, в великом городе мы нашли друг друга – авантюристы, интеллигенты и просто люди, – и как находят друг друга братья. Кровь моя говорит мне: "Вот мой брат!" И кровь твоя говорила тебе: "Вот твой брат!" И нет той силы в мире, которая разрушит единство крови, разорвет союз родных братьев. И теперь, когда фанатики-политиканы и подслеповатые критики справа и слева разжигают в нас рознь, бьют в наши идеологические расхождения и кричат: "Разойдитесь по партиям!" – мы не ответим им. Потому что один брат может молиться Богу, а другой Дьяволу, но братьями они останутся. И никому в мире не разорвать единства крови родных братьев. Мы не товарищи, а – Братья! [13, с.104–105].

Но «братьям» пришлось испытать огромный натиск со стороны тех «товарищей», кто говорил: «писатель должен иметь идеологию». Лунц отвечал им:

«У каждого из нас есть своя идеология, свои убеждения, каждый свою хату в свой цвет красит. Так в жизни. И так в рассказах, повестях, пьесах. Почему же критики не хотели прочесть эти строки? Потому что дальше следовало:

Мы же вместе, мы – братство, требуем одного: чтобы голос не был фальшив. Чтобы мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было. А вот тов. Полянский, цитируя эти самые строки, констатирует, что идеология братьев самая пустая, какая-то мешанина невообра-

зимая, из той категории, которая свойственна мелкой буржуазии» («Моск[овский] Понед[ельник]» от 28 авг.).

А ведь я только сказал, что у каждого из нас индивидуальная идеология, ни слова не обмолвясь, какая она именно. Но этого достаточно. *Индивидуальная идеология недопустима*, это мешанина (!?). Все дело в том, что официальная критика сама не знает, чего она хочет. А хочет она не идеологии вообще, а идеологии строго определенной, *партийной!* [12, с.105].

Лунц подчеркивал, что он не сторонник «искусства для искусства», иначе говоря, «не враг идеологии». Но не может принять позицию, согласно которой «идеология в искусстве всё».

С этим я никогда не соглашусь. Идеология – один из элементов произведения искусства. Чем больше элементов, тем лучше. И если в романе органически развиты цельные и оригинальные убеждения, политические, философские или – *horribile dictu!* [Страшно сказать. – *лат.*] – религиозные, я такой роман приветствую. Но не следует забывать, что роман без точного и ясного «миросозерцания» может быть прекрасным, роман же из одной только голой идеологии – невыносим, – писал он.

Давление сторонников идеологии в литературе и искусстве было велико, и они требовали, чтобы «миросозерцание лежало на ладони» [12, с.106]. Адрес своих идейных противников Лунц назвал прямо и честно – это Ассоциация пролетарских писателей. Он предельно обнажил логику пролеткультовских писателей, чтобы доказать обратное – нельзя пренебрегать эстетической ценностью произведения:

Вот существуют прекрасные рассказы Киплинга (для примера беру). Они сплошь – с начала до конца – пронизаны проповедью империализма, восхваляют власть Англии над угнетенными индусами. Что мне делать с этими рассказами? Тов. Коган советует бороться с ними. Согласен. Буду разоблачать их идеологию в глазах тех, кто уже читал Киплинга. Но давать ли эти книги начинающим, детям хотя бы? Они вредны. Сжечь их? – Но этим я лишу детей высокого наслаждения. Что же важнее в произведении искусства: политическое воздействие на массы или эстетическая ценность? В той же «Красной Газете», рядом с заметкой тов. Когана, я нахожу ответ: статья главного марксистского критика – тов. Фриче о Шекспире. Да, Шекспир «бесспорно – поэт интересный и яркий, и ценный» (спасибо и за это!), но он представитель «барской поэзии», певец «королей и господ», он к плебсу относился презрительно. И тов. Фриче задает вопрос: нужен ли Шекспир? Наконец, договорились.

Конечно, Шекспир не нужен. Он вреден и опасен. Не нужен и Гомер, воспевавший аристократов-вождей, и Данте – мистик и сторонник императорской власти. Нельзя ставить «Тартюф» Мольера, потому что король изображен там благодетелем. Искусство нужно *только* как орудие воздействия на общество, *только* такое искусство» [12, с.106–107].

Словом, искусство не должно быть политикой, у искусства своя неполитическая жизнь, и она не менее реальная, чем политическая. «Искусство реально, живет своей жизнью, независимо от того, откуда берет оно свой материал», – отвечал Лунц своим критикам, утверждавшим, что «политик и писатель – одно и то же» [12, с.108].

Одно из утверждений Лунца как нельзя лучше характеризует и основной мотив имажинизма как имажинизма: «Искусство – не публицистика!» Когда рассматривают имажинистский пафос отрицания «содержания», не всегда уточняют, почему стало возможным столь странное суждение в кругу образованных и культурных людей. Ведь образ, какой бы он ни был, не может не иметь своего содержания. Любое противопоставление «образа» и «содержания» настолько бессмысленно, что и обсуждать тут нечего: ясно, что имажинисты не имели в виду имманентность содержания любого высказывания, прозаического или поэтического. Они могли думать о дихотомии только тогда, когда в их писательском сообществе активно и упорно, даже агрессивно, почти в каждой пролеткультовской статье, произносилась мантра: содержание, содержание, содержание, пролетарское содержание, классовое содержание...

В книжке «Кому я жму руку» (1920) В.Шершеневич, подобно Лунцу, с той же братской тональностью рассказал о своих друзьях, очень разных, но единых в творческом порыве к воплощению искусства в образе. В этом опусе звучат и общие мотивы их творчества. Обращаясь в «Анатолеград», к Анатолию Борисовичу Мариенгофу, Шершеневич подчеркивал имажинистскую удаленность от обыденной современности – проживание в мире романтиков, в мире собственных стихов, поэм: «Но даже для тех, кто подходит к твоим стихам *с точки зрения содержания, а не формы* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), должно быть ясно, что *все твое содержание* насквозь современно. Правда, ты не пишешь о продовольственных карточках, как мэтры футуризма, не перечисляешь в стихах декреты и постановления, но ведь это *не современность*, а каждодневность, это поэтохроника, это газетчина» [20, с.11]. Мариенгоф, по мнению Шершеневича, не живет в реальности «хлебной», сугубо материальной, сугубо утилитарной, – он живет в реальности «революции

духа». И потому «не только современен, но и революционен, хотя не в том значении слова, как обычно. Не вставать на колени перед революцией сегодняшнего дня должен поэт-прозорливец, он должен славить ту революцию, которая должна прийти на место нашей, пока еще хлебной, революции» [20, с.11]⁴. В более шуточной форме, в письме А.Кусикову, Шершеневич провозгласил: «Что я хотел бы от поэзии? Чтоб она унежила душу мира. А на убежденья мне начхать» [20, с.11].

В пролеткультовских заклинаниях о необходимости «содержания» не было ничего, кроме идеологии класса, партии. А «Лошадь как лошадь» (В.Шершеневича) – это образ безотносительный к тому, какая лошадь, беговая или тяговая, она сама себе лошадь. Мы видим содержание образа без всякой содержательной идеологии...

В «Декларации Имажинистов» (январь 1919 г.) еще не вполне ясно, но уже с понятным вектором развития смысла, была высказана главная позиция рождающейся группы, – она против футуризма и против футуристического понимания «содержания» или «темы» в искусстве: «Нам смешно, когда говорят о содержании искусства»; «содержание – это слепая кишка искусства»; «искусство, обрамленное привычкой, должно было погибнуть от истерики»; «единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов»; «всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины» [16].

⁴ В теоретической книге об имажинистской поэтике («2х2=5. Листы имажиниста») В.Шершеневич различал революцию искусства и революцию материальную и делал такой вывод: «Житейские революционеры еще реже способны понимать революцию в искусстве. Обычно они носители мракобесия и реставрации в искусстве (Фриче). Искусство и быт в революционном значении – два непересекающихся круга». Эту мысль он пояснял так: «Эпоха господства индивидуализма в государственном масштабе неизменно вызывает в искусстве коллективизм. Это мы видим хотя бы на примере футуризма, который, несмотря на свои индивидуалистические выкрики ("звезда у меня в сапоге кошмарнее, чем Гете"), все же является по природе, по замыслу, коллективистическим. Наоборот, в эпоху государственного коммунизма должно родиться в искусстве такое индивидуалистическое течение, как имажинизм. Это вытекает из вечной необходимости для искусства протеста и предугадания. Если театр уходит вперед жизни лет на пять, то поэзия – лет на десять. Искусство, не протестующее и не создающее, а констатирующее – не искусство» [21, с.4].

Последнее высказывание не прямо, но достаточно точно указывает источник футуристического «содержания» – это идеология повседневности, верховенство актуальной «темы» над душой сочинителя: «Мы не предлагаем изображать город, деревню, наш век и прошлые века, это все к содержанию, это нас не интересует, это разберут критики. Передай, что хочешь, но современной ритмикой образов» [16].

Имажинизм, осознавший себя в полной мере, – это художественность максимально свободная от классовой идеологии «содержания».

Стратегия имажинистов и Серапионовых братьев заключалась в отстаивании свободы творчества, личной свободы. Модернистское сознание пряталось под покровом «художественности», ибо этот покров был *последним прибежищем* личности, не желавшей быть убитой идеологией партии. Художественность осознавалась как право художника иметь «особую реальность», управлять ею творчески, жить в ней полной жизнью. Писатель или поэт мыслил себя богом, сверхличным существом, творящим мир своего воображения как мир реальный и подлинный.

Мир внеклассовый и внепартийный.

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ

Эту стратегию развития литературного процесса воплощал А.К.Воронский. Вскоре после выхода в свет первого номера журнала *На посту* он написал статью «О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях)».

Воронский открыто поддерживал «попутчиков», выполняя волю той части партии, которая была против левацких злоупотреблений в области культуры. Позиция Троцкого в отношении модернистской литературы, которую тот знал блестяще (в отличие от Ленина, проявившего большое невежество в этой области), заключалась в простом умозаключении, сводившемся к словам из его книги «Литература и революция»: «Присоединившиеся ни полярной звезды с неба не снимут, ни беззвучного пороха не выдумают. Но они полезны, необходимы, – пойдут навозом под новую культуру. А это вовсе не так мало» [17, с.87]. Роль навоза – в удобрении новой культуры, в *медленном выращивании* своих пролетарских Ивановых⁵.

⁵ Контроль за «художественностью» со стороны первых лиц большевистской партии нередко приводил к конфликтам. Так, например, Троцкий открыто помогал Б.Пильняку и особенно, когда его книжку «Смертельное манит» арестовали органы ГПУ. Защищая

6 июля 1922 г. Троцкий выступил на Политбюро с докладом «О молодых писателях и художниках», который был одобрительно принят. Речь в нем шла не только о материальной поддержке молодых поэтов и писателей, но и о том, чтобы всячески привлекать беспартийных авторов, «попутчиков». В условиях НЭПа требовалось расширение гражданских свобод и уменьшение цензурных запретов. Молодые авторы должны были учиться у известных мастеров прозы, у «старых» поэтов, чтобы усвоить культурные навыки, овладеть мастерством. Троцкий понимал, что без содействия творческой интеллигенции нельзя построить новую культуру. Так, 17 июля 1922 г. он предлагал заведующему Госиздатом О.Ю.Шмидту переиздать массовым тиражом (10 тыс. экз.) сборник Федора Сологуба «Соборный благовест», а также опубликовать книгу «Блок и революция» [9, с.112]. Он писал в статье «Пролетарская культура и пролетарское искусство»:

«...в эпоху диктатуры о создании культуры, т.е. строительстве величайшего исторического масштаба, не приходится говорить, а то, ни с чем не сравнимое, культурное строительство, которое наступит, когда отпадет необходимость в железных тисках диктатуры, не будет уже иметь классового характера. Отсюда надлежит сделать тот общий вывод, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет; и жалеть об этом поистине нет основания: пролетариат взял власть именно для того, чтобы навсегда покончить с классовой культурой и проложить путь для культуры [общечеловеческой] [18, с.27].

Еще одним руководителем культурной политики в эти годы был Н.И.Бухарин. Будучи ответственным редактором газет *Правда* и *Известия*, журнала *Большевик*, членом ВЦИК СССР, а с 1924 г. и членом Политбюро ЦК РКП (б), он развивал свои теоретические идеи в практике «художественной политики». Он исходил из того, что для победившего пролетариата необходимо социальное равновесие, гражданский

этого попутчика, Троцкий оказывался немилосердным по отношению к А.Чапыгину, к его сборнику рассказов «По звериной тропе» (1922). Троцкого очень раздражила мистика автора, и потому он счел, что такое издание – промах издательства. Однако Сталин при обсуждении этого вопроса не удержался и сделал такую запись на письме Троцкого (от 8 ноября 1922 г.), направленном в секретариат ЦК: «Согласен при условии создания гарантий против появления на книжном рынке подобных изданий, особенно же издания вроде "Иван да Марья" Пильняка, гораздо более контрреволюционного, чем чапыгинская книжка» (Цит. по: [9, с.62–63]).

мир, гармония в отношениях старых и новых элементов культуры. Все это вместе определялось его теоретической посылкой, согласно которой следует различать понятия «надстройка» и «идеология». В мае 1924 г. он провел совещание «О политике РКП (б) в художественной литературе», где не только защищал «пролетарскую литературу», но и выступил против диктатуры журнала *На посту*, против идеи искоренения попутчиков, не отрицая, что при необходимости партия может вмешиваться в дела литературы.

В феврале 1925 г. на совещании, посвященном «вопросам художественной политики», Николай Иванович объяснил собравшимся партийцам, что советское общество имеет «две плоскости трений»: внешнюю и внутреннюю. С внешней стороны – буржуазный мир, и здесь «классовая борьба обостряется», но так ли с внутренней стороны? – задавал он вопрос. «Тут есть непонимание того обстоятельства, что внутри страны наша политика вообще не идет по той линии, чтобы классовую борьбу разжигать, а, наоборот, она с известного пункта идет на смягчение. Это есть основное», – говорил Бухарин [2, с.171].

Предполагалось, что в мирном сосуществовании разных элементов культур произойдет «переработка» всякой буржуазности в пролетарское состояние и без классовой борьбы: ведь это *процесс контролируемый*, и, как многозначительно сказал Бухарин, «диктатура не исчезнет» [2, с.172].

На этом совещании он признал, что никакой культурной гегемонии у пролетариата нет, потому что нет никакого запаса прочности, нет большой традиции, – надо «своим собственным горбом заработать в области литературы и культуры и т.д. историческое право на общественное руководство». Нельзя давать журналу *На посту* власть над литературным процессом! Должно быть соревнование, но под общим контролем партии. «Я высказываюсь за *общее* руководство и за максимум *соревнования*».

Идеи Троцкого и Бухарина развивал А.К.Воронский. Он рассматривал цензуру только в техническом плане, как способ контроля в области искусства и литературы, который не должен мешать развитию именно советской (=общечеловеческой) культуры [9, с.58; 10, с.86–90]. Пролеткультовские писатели из журнала *На посту*, увлеченные разоблачениями попутчиков, не проводят различие «между субъективным и объективным в художественном произведении», от чего «у них "идеология" целиком совпадает с содержанием» [7, с.128].

Аргументы Воронского в критике напостовцев сводились к таким постулатам:

1. Нет никакой единой, однородной буржуазно-помещичьей литературы: «Буржуазно-помещичья литература, разумеется, имеет общие черты, свойственные только ей; тем не менее рассматривать ее исключительно как нечто единое, цельное значит заранее запутаться в общих фразах, в общих местах, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу» [7, с.125].

2. Литература отражает общественные процессы, но нельзя согласиться с тем, что «старая русская литература отражала только навыки и чувства богачей, дворян и князей. Она отражала навыки и чувства, например, разночинной интеллигенции "умственного пролетариата", "кухаркиных детей", сыновей дьячков, городского бедного мещанства» [7, с.125].

3. В восприятии старой классической литературы надо исходить из двух содержаний: субъективного и объективного. «Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Тургенев и т.д. были поэтами и писателями класса дворян. Это несомненно. Значит ли это, однако, что их произведения лишены объективной ценности, что пролетарскому писателю и читателю следует в первую очередь освободиться и в области "идеологии", т.е. содержания, и в области формы от их художества. Это было бы верно лишь в том случае, если бы наши классики были в искусстве исключительными субъективистами, если бы объективный момент в их творчестве совершенно отсутствовал. Но они были воистину великими художниками. А подлинное художество заключается в *мышлении при помощи образов*. Такое мышление может быть столь же объективным, как и научное, дискурсивное мышление с помощью понятий. Свой материал такое истинное искусство черпает из *действительности*» [7, с.126–127].

4. В типичных образах буржуазная литература выражает объективные явления общественной жизни: «...буржуазную литературу нельзя заключать в одни общие скобки; буржуазная литература обладает огромным запасом художественных, объективных истин, открытий, наблюдений; буржуазная литература (и дворянская) в лице лучших своих представителей в лучшие времена воплотила общие психологические черты, присущие человечеству на протяжении целых эпох, хотя классовая психология, конечно, преобладала в них» [7, с.129–130].

В итоге: напостовцы, замахнувшись на попутчиков, замахнулись и на всю классическую русскую литературу, «выдвигая тезис *освобожден-*

ния от содержания и от формы искусства прошлого (курсив мой. – А.Ю.), без разбора рассматривая это искусство как одно целое» [7, с.130].

Значит ли это, что Воронский был на стороне тех, кто защищал право личности на собственную художественную реальность и *полную свободу* творческой воли? Как понимать его отношение к модернистам-попутчикам? А.К.Воронский считал, что художественная реальность – это не вымысел, а полноценная, особая действительность автора, ему лично принадлежащая: «Жизнь он (художник. – А.Ю.) возводит "в перл создания"; черты, свойства, рассеянные, разбросанные кругом, он собирает воедино, выделяет характерное. Так создается в воображении жизнь конденсированная, очищенная, просеянная, – *жизнь лучшая, чем она есть, и более похожая на правду, чем реальнейшая реальность* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.). И вместе с художником мы начинаем видеть, мимо чего проходили, не замечая, но что дано вокруг нас или зреет в вещем предвосхищении грядущего. Вот почему у художника должны быть *свои глаза*; вот почему он должен видеть и слышать не так, как видят и слышат обычно, что называется индивидуальностью художника».

Он не отвергал классовый смысл искусства, но считал, что отсюда «никоим образом не следует, что данные, добытые в результате художественного опыта, лишены объективной ценности». Вопрос о «содержании» искусства, столь любимый пролеткультовскими писателями, он пытался разделить на две части: субъективную и объективную: «Усвоив общие положения, что чистого, внеклассового искусства нет, что художник – сын своей эпохи и класса, что теория, трактующая художественное творчество как самодовлеющую в себе замкнутую цель, противоречит марксизму, – критики "На посту" решили, что ни о каком объективизме не может быть и речи, что всякое искусство насквозь пропитано узкоклассовым, узкоутилитарным субъективизмом. Эта вульгарная теория классово-вой борьбы есть особая разновидность релятивизма, доведенного до абсурда» [5, с.134, 136, 137].

Концепция «контролируемой художественности» заключалась в том, что на первом месте у Воронского всегда была «действительность»: искусство же – только ее отражение. Он видел и понимал, что модернистское художественное сознание совсем другое. В нем «художник творит свое произведение подобно тому, как, скажем, Иегова по библейскому преданию сотворил из ничего мир» [8, с.207]. Вот это: «из ничего» – главное идейное разногласие, ибо «ничего» – это личность творца, кон-

ституирующего мир. Воронскому как коммунисту и марксисту естественнее было думать, что бытие определяет сознание, а не наоборот – как у идеалистов, – из «ничего» творится мир.

О высоком культурном уровне и интеллектуальной смелости Воронского свидетельствует тот факт, что он пытался вмешаться в один из самых сложных диспутов модернизма, представленного «Перепиской из двух углов» Вяч. Иванова и М.Гершензона (1921). Воронский увидел (сохранился черновик его статьи), что в переписке двух столпов модернизма речь идет о кризисе прежней культуры. Спор касался типично модернистской проблемы – свободы личности. Если Вяч. Иванов настаивал на том, что «культура дает единственное и истинное освобождение человеческой личности», то М.Гершензон, напротив, говорил о личной свободе от «запредельных умозрений», о внутреннем освобождении личности, которая тяготится культурной традицией, превращающей «каждое познание в догмат», а «всякую ценность в фетиш». Ясно, что мысли Гершензона никоим образом не означали признания «пролетарской культуры», но при этом он в самом деле хотел увидеть новую культуру как новую ступень развития личности и человечества, как новый акт свободы. Воронский считал, что оба автора говорят о своих расхождениях, но при этом «живут в одном и том же духовном квадрате, и мысли их и настроения имеют много общего».

Что же общее в их разногласиях? Воронский полагал, что они оба мистики, разуверившиеся в разуме: «Бесчисленные, омертвевшие, безликие знания опутали живую человеческую личность и леденят ее, не принося пользы» [1, л.6].

Разум обанкротился – утверждает Гершензон. С этим едва ли можно согласиться. Обанкротился не разум вообще, а разум тех, кто стоял обеими ногами на почве буржуазной идеологии. Сорвались в бездну не только научные выкладки и теории прогресса, сорвались высшие культурные ценности современного общества, его «святая святых». Гершензон упомянул о последней войне. О ней, в самом деле, следует вспомнить. Великая война обнаружила не только всю немощность высших ценностей, их неспособность предотвратить кровавое бедствие, – она показала и сделала их прямыми сообщниками этого преступления. Во имя чего велась война? Во имя родины, веры, культуры, науки, свободы, искусства, нравственности, справедливости. Жрецы этих кумиров уверяли, что нужно убивать друг друга во имя торжества и интересов боготворимых ценностей. Нужно разбить Германию, ибо прусский милитаризм покушался на основы цивилизации, на свободу и самостоятельность на-

родов; нужно победить Турцию во имя торжества культурного Запада над варварским Востоком. Другая сторона то же самое твердила о своих противниках. Именно благодаря этим кумирам в значительной мере удалось убедить и заставить миллионы людей истреблять друг друга. «Ценности» оказались удивительно податливыми, приспособленными к тому, чтобы выступить в роли общественного дурмана. Что оказалось на деле после "торжества победителей", торжества прогресса, культуры, свободы, нравственности, справедливости – всем известно. – писал Воронский [1, л. 7].

Внешне вполне оправданная риторика разоблачения «буржуазной культуры» внутри себя содержала прежний, незыблемый со времен первых эмпириокритиков, тезис, как предпосылку всякого объяснения (=примат «человечества» над «личностью»): «Новому классу, идущему на смену отжившим, нет никакой нужды гасить светильник разума, искать выхода в иррациональном и возлагать свои упования на стихию русской первозданной души. Не менее Гершензона он знает, что современные культурные ценности превратились в лохмотья, что они – ценности – фетиш, ценности-вампиры. В капиталистическом обществе, *раздробленном, где каждый замкнут в своем индивидуалистическом мирке* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), не только товар фетишизируется, но и так называемые культурные ценности: ускользает их человеческий, общественный характер и они приобретают самоценное, абсолютное значение, живут как бы сами по себе, самодовлеющей жизнью. Отсюда теории – наука для науки, искусство для искусства, нравственность во имя нравственности и т.д. Причины этого фетишизирования и идеализации давно уже выяснены школой Маркса и прежде всего им самим. Ясно также, что в развернутом социалистическом обществе культурные ценности получат новое содержание, перестанут быть фетишами, ибо человек будет отчетливо сознавать "их человеческое, слишком человеческое" происхождение, их общественную значимость, их огромную, *но служебную роль...*» [1, л. 15].

Взгляд Воронского на действительность, в которой оказалась страна в 20-х годах, был очень трезвый. В ней он не увидел... пролетарской культуры: «...никакой своей пролетарской коммунистической культуры у нас нет и не может быть сейчас: вопрос стоит пока что об усвоении старой культуры. А раз нет всего того сложного комплекса инстинктов, навыков, методов, которые неразрывной цепью входят в понятие культуры, то нельзя на одну доску ставить буржуазное и дворянское искусство и так называемое современное пролетарское искусство, ибо первое опи-

ралось на многовековую культуру, а у второго этого нет. Говоря иными словами, *пролетарского искусства сейчас нет и не может быть, пока перед нами стоит задача усвоения старой культуры и старого искусства*. На деле есть вот что: есть буржуазная культура и искусство, к которым впервые получил доступ пролетариат» [6, с.139].

Воронский удивительно точно и смело обрисовал картину «приспособления», но не буржуазной культуры, а пролетарской (!), когда она безосновательно пытается позиционировать себя самобытной и самостоятельной!

«Словом, никакого пролетарского искусства в том смысле, в каком существует буржуазное искусство, у нас нет; попытка представить современное искусство писателей – пролетариев и коммунистов – пролетарским искусством, противоположным и самостоятельным в отношении буржуазного искусства на том основании, что эти писатели и поэты отражают в своих произведениях идеи коммунизма, – наивна и основана на недоразумении, так как на самом деле у нас в лучшем случае есть искусство целиком, органически и преемственно связанное со старым, искусство, которое стараются приспособить к новым потребностям переходного времени диктатуры пролетариата. Идеологическая окраска несколько не изменяет положения дел и не дает права на принципиальные противопоставления этого искусства искусству прошлого как самобытной, отличной культурной ценности и силы: речь идет только о своеобразном приспособлении» [6, с.141].

Главное его теоретическое расхождение с напостовцами и другими приверженцами пролетарской культуры состояло в том, что он признавал в культуре *общезначимое* – нечто, не принадлежащее отдельному классу, но объективно составляющее культурную ценность для всех.

Он утверждал взгляд, согласно которому художественность попутчиков при всей ее индивидуальности, все же *обязана иметь* следующие свойства для органичного сожительства с пролетарским государством:

1. Правильно (т.е. объективно) отражать действительность в художественных образах: «Бывает, впрочем, и так, что самый образ, тип искажается бессознательно или преднамеренно. Тогда получается тенденциозное произведение. Если критики из "На посту" имели бы в виду борьбу с этими вольными и невольными искажениями или с ложным истолкованием самим автором типов, образов и вообще продуктов своего творчества, мы готовы были бы всемерно их поддерживать» [7, с.128].

2. Классовая нетерпимость напостовцев плоха не сама по себе, как нетерпимость, а лишь как нетерпимость с небольшим радиусом культурного обзора: «Подобно гоголевскому Хоме Бруту, критики "На посту" чертят вокруг себя волшебный круг, дабы буржуазный Вий не отдал русскую революцию всякой нежити и нечисти. *Это похвально, но это нужно делать со смыслом: круг-то должен обладать известным радиусом*» (курсив мой. – А.Ю.) [7, с.130].

3. Основной формой нового искусства может быть только реализм, «т.е. форма, которой с таким неподражаемым и непревзойденным мастерством пользовались классики буржуазно-помещичьей литературы». И главное: реализм «совпадает с духом диалектического материализма Маркса-Энгельса» – это образец. Допускалась неореалистическая романтика, но с обязательным присутствием реализма – искусства отражения.

9 мая 1924 г. в ЦК РКП (б) было направлено «письмо группы писателей», в основном «попутчиков», в котором затрагивался главный вопрос их существования – литературное отношение к «отражению» реальности, которое не должно запрещать быть индивидуальным. Среди тех, кто подписал письмо, такие ключевые фигуры, как С.Есенин, Б.Пильняк, О.Мандельштам, Ал.Толстой, Вл.Лидин, В.Каверин, Н.Никитин, М.Шагинян, О.Форш и другие.

«Мы считаем, что пути современной русской литературы, – а стало быть, и наши, – связаны с путями Советской, пооктябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отразителем той новой жизни, которая окружает нас, в которой мы живем и работаем, а с другой стороны, – *созданием индивидуального писательского лица*, по-своему воспринимающего мир и *по-своему его отражающего* (курсив мой. – А.Ю.). Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе – две основные ценности писателя: в таком понимании писательства с нами идет рука об руку целый ряд коммунистов – писателей и критиков. ...Новые пути новой советской литературы – трудные пути, на которых неизбежны ошибки. Наши ошибки тяжелее всего нам самим. Но мы протестуем против огульных нападков на нас. Тон таких журналов, как "На посту", и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно...», – говорилось в письме [15, с.162].

18 июня 1925 г. была принята резолюция ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы», ставшая итогом большой подготовительной работы. Этой резолюции предшествовали поста-

новление ЦК РКП (б) от 22 ноября 1921 г. о пролеткультах, статьи А.В.Луначарского «Вопросы художественной политики» (1923), Л.Д.Троцкого «Партийная политика в искусстве», А.К.Воронского («О текущем моменте и задачах РКП (б)») (1924) и др.

9 мая 1924 г. прошло совещание Отдела Печати ЦК РКП (б) по письму писателей «попутчиков» (см. выше). В феврале 1925 г. при Политбюро ЦК РКП (б) была создана комиссия под председательством И.Варейкиса, который в том же месяце опубликовал статью «О нашей линии в художественной литературе и о пролеткультах». В феврале же 1925 г. Бухарин произнес речь на партийном совещании «Пролетариат и вопросы художественной политики».

В резолюции 18 июня 1925 г. речь шла о принципах политики в области искусства. Не отрицалась классовая борьба в обществе, но ее следовало видеть, как «мирно-организационную» в области культуры, направленную, в частности, на овладение техникой литературного мастерства. Специально подчеркивалось, что в стране есть диктатура пролетариата, которая является залогом победы над любым проявлением сменовеховства в искусстве. Общая директива – бережное отношение к попутчикам, создание условий для «возможно более быстрого их перехода на сторону коммунистической идеологии». Контроль над литературным процессом виделся в том, чтобы «беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т.д. и в то же время обнаруживать величайший такт, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом...» [14, с.167].

Вопрос, как видно, всюду упирался в способ писательского «отражения» реальности – ее можно было увидеть глазами Воронского, человека культурного и образованного, а можно и глазами напостовца...

Как отличить «тенденциозное» сочинение от «объективного»? Каким прибором измерить отраженный образ реальности в литературе? В стратегии «контролируемой художественности», которую талантливо внедрил Воронский, был существенный пробел, – отсутствие четкой и ясной методологии обнаружения «тенденциозности» в художественной литературе.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Зато этой методологией прекрасно владели те, кто наяву и во сне мечтал об уничтожении всякой художественности, кроме партийной. Ее в

полной мере выразил журнал *На посту*, сильный не своими перспективными идеями, их скорее не было вообще, а критикой тех, кого именovali попутчиками. Именно критика, беспощадная и агрессивная, давала повод говорить о том, что здесь нет места компромиссу: враг есть враг, и главный враг – всякая внепартийная художественность, существующая по своим, не партийным законам. Личность художника *обязана раствориться* в коллективном сознании партии!

Первая же статья первого номера журнала *На посту* задавала тон: Б.Волин изобличал Эренбурга («Жизнь и гибель Курбова»), Никитина («Рвотный форт») и Брика («Непопутчица»)… Волин делал это по рецепту категорически не согласного с ним Воронского, – изобличая «тенденциозность». Она была увидена так:

«...эта рвотная литература искажает революционную действительность, пасквильничает, утрирует факты и типы и клеветает без конца и без зазрения совести на революцию, революционеров, на партию и на коммунистов» [4, стб.10].

Однако критик не ограничивался общими словами, но давал подробные комментарии к технике опознавания «тенденциозности» произведения. Всякий образ, тем более партийной организации, внушал подозрение и неприятие. Эренбург описывал личное ощущение от здания ЦК РКП: надо ли говорить, что всякий человек имеет право видеть так, как он видит? Но с точки зрения напостовцев, утверждавших партийное содержание художественности, в образе Эренбурга виделось враждебное и чуждое им. Обратим внимание на то, как совершенно безобидный образ превращался во враждебный символ со своим подтекстовым «содержанием»:

Воздвиженка. Казенный дом, с колонками дом, как дом. Только не пешком – автомобили; не входят – взлетают, и все с портфелями. Огромный околосок... А вывеска простенькая – как будто дантист – заржавела жестянка: ЦК РКП.

Так начинается изданная «Новой Москвой» книга Ильи Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова». Здесь все замечательно, и в этой внешней картинке ЦК. И то, что это **казенный** дом, и то что это **околосок**, и то, что ЦК РКП ассоциируется с **дантистом**... А это: **не пешком – автомобили, не входят – влетают и все с портфелями** – так и отдает психологией обывателя или еще лучше – салопницы, перепуганной на смерть, ничего не понимающей в том, что это эРеКаПе такая, у здания ЦК которой она, разинув рот и обалдев, остановилась... [4, стб. 11].

Яркий образ чекиста, как типа личности, созданный Эренбургом, приводит критика к созданию собственного интерпретационного «содержания»; к пониманию того, насколько этот образ искажает подлинный лик рыцаря революции:

Сменовеховец Эренбург, как и все эмигранты, знает из первоисточников, конечно, что чека – проклятое дело, что в чеку парработников загоняют работать палкой, что никто порядочный в чеку не пойдет, а ежели попадет, то разворачивается, кончает самоубийством, спивается. Эренбург непреложно вещает: **«В чеку же идут лишь коммунисты последнего выпуска; нос угреватый в бобровый уют окунуть или на "Кисловке" пирожное "Наполеон" с кремом давить языком, косых не считая»**. Измывается над партией Эренбург. Кому, мол, известно, что чека – дело палаческое, грязное, кровавое, а хочет она – партия – все это святыми руками делать. Партия, мол, хочет поставить почти святого туда, где сети с уловом – доллары, караты, где кровь окисшая со сгустками, где можно души с вывертом щипать, где всякий рыженький сопляк в каскетке – Ассаргадон... (стр. 8) Смачная, жирная картинка чека: угреватый нос, рыжий сопляк, пирожные, окисшая кровь, щипанье душ с вывертом, доллары, караты... Какое дело Эренбургу до той неслыханно героической роли, которую сыграла ЧК в деле раскрытия крупнейших белогвардейских заговоров, какое дело этому господину до тех невероятных жертв, которые принесла ЧК во имя революции [4, стб.15].

Интерпретационное «содержание» касается и такой странной темы революции, как «порнография». Пролеткультовцы не находили ничего порнографического в объяснении физиологического процесса в человеке, который не касался человеческой души; они легко обсуждали внешнюю сторону пролетарской физиологии, не смущались показывать (в издаваемых картинках) разные варианты сексуальных связей (и порой весьма нетрадиционных), – опять же для пролетарского просвещения в этой области. Но они были крайне озабочены «женской грудью», одним лишь ее упоминанием, если она становилась внутренним переживанием личности, сексуальным переживанием, – это и была для них настоящая порнография:

Такое уж положение всех тех романов, повестей и рассказов: там, где революция, гражданская война, чека, партия – там обязательно и порнография. Ее немало разлито Эренбургом и по «Курбову».

Тут – и «грудь ждут: сначала затвердеть под пальцами любовника, потом набухнуть – детеныша вскормить» (Стр. 43)

Тут – и первые впечатления нелегального Курбова, приехавшего в Киев. «Прошли две гимназистки, вспыхивали первые веснушки – золотая россыпь. И груди, полные видением прекрасного поручика с Фундуклеевой, как клейкие почки тополей, готовились вздуть форменные передники» (Стр. 61).

Тут – и Маничка Типунчина. «Историческая девка, гордящаяся тем, что спала с тремя режимами, то есть: с приставом Басманной части, с самим министром при Керенском и с каким-то заспанным профессором Коммунистического университета» (Стр. 97)» [4, стб.18].

Художественность как таковая не принималась во внимание вообще! Например, автор, изображая советских приспособленцев, становился мишенью для критика, потому что в этой образной реальности... нет результатов политики партии: «Основная мысль "Рвотного Форты" в первой его части – что ничто с революцией не изменилось»; или: «Начальство прежнее, все по-старому и "товарищи" только чуть-чуть пере-красились» [4, стб.23].

Неприятие художественности как «особой реальности» личности писателя или поэта объяснялось задачей политического момента: нельзя уступать натиску нэпманской России, нельзя проигрывать идеологически, ибо политически незрелое общество может почувствовать вкус к прежней буржуазной жизни. А для этого надо «вбивать» людям правильную идеологию!

«Разве литература мимо этого центрального пункта нашей эпохи может проходить равнодушно? Разве со всей силой, со всей энергией, со всей яркостью и выразительностью она не должна вбивать миллионам трудящихся мысль о том, что власти помещикам и капиталистам отдавать нельзя?» [3, стб.96].

План «вбивания» идеологии у напостовцев был. То, что не мог дать Воронский, дал Юрий Либединский в статье «Темы, которые ждут своих авторов». План был разбит на циклы и предусматривал, что партия как организация преодолевает все трудности: таков пафос. Напостовское сочинение нетрудно распознать, ибо в нем не может быть психологии личности, двойственности, нерешительности, драмы преобразования личности, там обязана быть коллективная победа, коллективное прозрение, общее партийное движение к высшей цели⁶...

⁶ Допускалось в «первом цикле»: 1) «Борьба с разрухой, НЭП, лавирование трестов, строительство электростанций, научные экспедиции и открытия, сооружение воздухоф-

Пятилетний юбилей журнала «Красная новь». Москва. 1927. Сидят (слева направо): Г.И.Чулков, В.В.Вересаев, Х.Г.Раковский, Б.А.Пильняк, А.К.Воронский, В.В.Казин, К.Б.Радек с дочерью Соней, П.Н.Сакулин; стоят (справа налево): И.Э.Бабель, А.М.Эфрос, М.П.Герасимов, Ф.В.Гладков, В.П.Полонский; неустановленные лица

Зыбкая гармония разных литературных стратегий в середине 20-х годов удерживалась партией от разрушения только потому, что никто

лота и др., – возможен социалистический утопический роман...»; 2) Повесть, «в которой драматически преодолевается какой-либо классовый организацией (партией, союзом, советом) какой-либо экономический кризис, характерный для той или иной эпохи революции»; 3) Рассказ, показывающий «через эпизод из жизни и работы какой-либо организации темп нашей борьбы за социалистическое хозяйство и живых людей ее»; 4) Поэма, «в которой отображается мощь класса в его борьбе с природой (тема прекрасно использована Дорониным в его поэме "Побежденная стихия"»); 5) «Коммунэры» – «кинопортреты людей, борющихся за социалистическое хозяйство (тема прекрасно использована Лелевичем в стихотворении "Председатель треста"»); 6) Лирические стихотворения, «которые передают чувства и переживания борца за социалистическое хозяйство (Безыменский – "Весенняя прелюдия")» [11, стб.120–121].

еще серьезно не говорил о нарастающей классовой борьбе внутри страны, – общепартийный тезис о смягчении классового противостояния в нэповской России давал возможность противоположным литературным стратегиям сосуществовать (правда, в ожесточенных спорах). Теоретический тезис о мирной «переработке» буржуазных элементов пролетарскими, в конце концов, предусматривал победу идеологии («содержания»), восприятие ее теми, кто пока еще не готов. Такая постановка вопроса о временности «попутчиков» не только в литературе, но и во всей нэпманской жизни не могла не порождать специфически советский феномен середины 20-х годов – советскую мимирию...⁷

12 февраля 1926 г. прошел диспут под названием «Литературная Россия» в Колонном зале Дома Союзов: Михаил Булгаков и Виктор Шкловский говорили об опасности диктатуры пролетариата для литературы и призывали перестать смотреть на нее «с узкоутилитарной точки зрения» (цит. по: [19, с.172]), дать писателям право на живое слово. Им возражал Александр Воронский, но уже под давлением политических обстоятельств развернувшейся кампании против Л.Д.Троцкого.

12 января 1927 г. была опубликована в *Правде* статья Николая Бухарина «Злые заметки». И хотя в ней Воронский не упоминался, все понимали, что речь идет о нем тоже. Бухарин разоблачал «есенинщину», квазинародный национализм. Он знал, что поэта активно поддерживали Троцкий и Воронский. Спор шел не о Есенине только, главным образом спор касался партийного отношения к «попутчикам», и Есенин – лишь аргумент в споре. Троцкий не отрицал значимости партийного руководства искусством, но, по его словам, «область искусства не такая, где партия призвана командовать». Бухарин, напротив, говорил, что новая культура должна утверждаться *под воздействием* идеологии большевизма, и потому «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике» [9, с.160–161].

⁷ «К десятилетию революции у советского человека, замордованного различными идеологическими кампаниями, уже выработалась мимикрия, вирус приспособленчества заразил довольно широкие круги общества, конформизм стал почти всеобщим явлением» [9, с.178].

В апреле 1927 г. на расширенном заседании Отдела печати ЦК было решено снять Воронского с поста редактора журнала *Красная новь*...⁸

В отличие от Троцкого и Бухарина, считавших, что искусство обязано служить цели «жизнестроения» (у Троцкого более либерально, у Бухарина – менее либерально), Воронский рассматривал задачу искусства как «жизнепознание». Такому искусству не обязательно быть идеологичным. Ведь познавать – значит искать и даже заблуждаться, идти в неизвестность, открывать новые горизонты, иметь дело с интуицией и прозрением. Тезис о «жизнестроении» с трудом допускал художественную реальность, которая не вписывалась в идеологию партии. Воронский был на порядок выше всех, кто был причастен к руководству литературным процессом, но, будучи участником троцкистской оппозиции, становился реальной мишенью для критики со стороны противников Троцкого [9, с.165, 168]. И, прежде всего – Бухарина.

На апрельском совещании в Отделе печати ЦК Воронский отвечал своим критикам так: «Вы пытаетесь сейчас расправиться с воронциной механическим способом, вплоть до снятия [меня] из "Красной нови". Расправляйтесь, это ваше право. Я могу сказать только, что [вы] делаете нехорошее дело, не потому, что я сижу в "Красной нови", а потому, что это удар по советской литературе, по пролетарской в том числе литературе, потому что дело не в моих разногласиях относительно тех, которые здесь выходили, а *дело в установке на писателя* (курсив мой. – А.Ю.), как к нему подходить» [9, с.166].

Наступали тяжелые времена. 7 ноября 1927 г. в Москве состоялась демонстрация сторонников Троцкого, посвященная 10-летию Октябрьской революции, ее разогнали, самого Троцкого исключили из партии и выслали в Алма-Ату. Те, кто мог еще в партии большевиков защищать «попутчиков», оказывались в стане троцкистской оппозиции, удалялись от дел или даже погибали [10, с.95–97].

В 1928 г. А.К.Воронский был исключен из партии и в начале следующего года отправлен в ссылку в Липецк. В конце 1929 г. он получил разрешение вернуться в Москву...

⁸ 13 октября 1927 г. А.К.Воронский был освобожден и от обязанностей члена редколлегии журнала «Красная новь».

Список сокращений

- НП. – На посту: Еженедельный литературно-критический журнал. М., 1923.
- Опыт... – Опыт неосознанного поражения: Модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А.Белая. М.: РГГУ, 2001. – 455 с.

Библиографический список

1. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.1677. Оп.1. Д.5.
2. Бухарин Н.И. Пролетариат и вопросы художественной политики // Опыт... С.171–174.
3. Вардин Ил. О политграмоте и задачах литературы // НП. №1 (июнь). Стб.91–100.
4. Волин Б. Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик // НП. №1 (июнь). Стб.9–28.
5. Воронский А.К. Искусство как познание жизни и современность // Опыт... С.132–138.
6. Воронский А.К. О пролетарском искусстве и о художественной политике нашей партии // Опыт... С.138–136.
7. Воронский А.К. О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях) // Опыт... С.124–131.
8. Воронский А.К. Писатель и основные элементы его творчества (Из доклада рабкорам «Правды») // Воронский А.К. Мистер Бритлинг пьет чашу до дна: Сб. ст. и фельетонов. М.: Артель писателей «Круг», 1927. С.206–217.
9. Динерштейн Е.А. А.К.Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. – 360 с.
10. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. М.: Форум, 2015. – 448 с.
11. Либединский Юр. Темы, которые ждут своих авторов // НП. 1923. №2–3. Стб.118–126.
12. Лунц Л.Н. Об идеологии и публицистике // Опыт... С.105–109.
13. Лунц Л. Почему мы «Серapiroновы братья»? // Опыт... С.101–105.
14. «О политике партии в области художественной литературы» (резолюция ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г.) // Опыт... С.163–169.
15. Письмо группы писателей в ЦК РКП (б) // Опыт... С.162.
16. Советская страна. 1919. 10 февраля. №3.
17. Троцкий Л.Д. Литература и революция // Опыт... С.77–93.
18. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Госиздат, 1924. – 422 с.
19. Шенталинский В. Мастер глазами ГПУ // Новый мир. 1997. №10.
20. Шершеневич В. Кому я жму руку. [М.]: Имажинисты, 1920. – 48 с.
21. Шершеневич В. 2x2=5. Листы имажиниста. М.: Имажинисты, 1920. – 48 с.

(Окончание следует)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru, тел.8(495)621-41-10

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра
проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Маслов Дмитрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей
истории Московского государственного областного университета

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в.
МАЭ РАН

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского
государственного университета им Г.Р.Державина

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России Средневековья
и Нового времени РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
“Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”,
Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty of Moscow State University

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Maslov Dmitriy Vladimirovich

D. Sci., historian, Professor, Chair of Modern History,
Moscow State Regional University

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in history, senior researcher at Museum of Anthropology
and Ethnography, Russian Academy of Sciences

Myagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, assistant professor, Chair
of General History, Tambov State University

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern
Russian History, Russian State University for Humanities

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

Отчет об использовании имущества Фонда за 2015 год

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:
– денежные средства, поступающие от реализации научно-технических договоров,

— добровольные пожертвования,

– денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции. Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 4762 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 8000 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 3048 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 389 тыс. рублей. Чистая прибыль составила 1557 тыс. руб. В 2015 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2016.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 18.02.2016. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Полиграфторг»
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яколева, 15. Тел. 8(8352)28-77-98.

1.2016 january-february

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Language of the Elite Responsibility _____ **6**

The Faces of Catastrophe

Andrey Ranchin

Apocalypse of Our Times: Preliminary Results
of the Russian Education Reforms _____ **32**

Pages of History

Vladimir Degoev

Peter the Great's Diplomacy at the Final Stage
of Russo-Turkish War of 1686–1700.
Part I _____ **54**

Labels and Myths

Dmitriy Maslov

Design of the Gorbachev Perestroika:
Attempts of Reconstruction _____ **88**

Resources of Nation

Evgeniya Lupanova

Catherine II Policy in the Sphere
of Forestry: Abolition of Control
for the Sake of Private Interest? **116**

Topical Archive

Elena Myagkova

“Demons”, “Gamblers” and “Dreamers”
or How a Person Becomes
a Revolutionary. Part I _____ **148**

Andrey Yurganov

A.K.Voronski in the Literary
and Political Process:
the Mid-1920s – the Early 1930s **170**

РОССИЯ XX1